

ГАРИ ЛАЙТ САГАНАЖ

International

Literary

magazine

ГАРИ ЛАЙТ
САГАНАЖ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Гари ЛАЙТ

САГАНАЖ

*Сборник избранных стихов
(2017-2024)*

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.1'06(73)-1
Λ18

СЕРІЯ «Бібліотека «КРЕЩАТИКА»»
Заснована у 2023 році

*В оформленні обложки використана
репродукція картини
Артура Офенгейма «Ілюзія»*

*В коллажах оформлення глав використані
фотографії із архіву автора.*

*Редактор
Марина Тюрина-Оберландер*

Лайт Г.

Λ18 Саганаж / Г. Лайт — Друкарський двір Олега Федорова,
2024 — 248 с.

ISBN 978-617-8169-83-1

В нову книгу Гари Лайта вошли стихи, написані ісключительно в семирічному інтервалі, з 2017-го по 2024 рік, в основному в чикагському районі Саганаж.

УДК 821.161.1'06(73)-1

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8169-83-1

© Лайт Г., 2024
© Йосиф Шац, передисловіє, 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ПЕЙЗАЖ СО СПОРНОЙ ЗАПЯТОЙ

Предисловие к сборнику стихов Гари Лайта «САГАНАЖ»

Симбиоз литературы и театра настолько органичен, что размышлять о том, что первично, либо в большей степени послужило предпосылками, или даже указующим перстом для творчества того или иного автора занятие совершенно неблагодарное, во многом вторичное, и даже бесполезное. Одно из стихотворений в своей новой книге стихов «Саганаж» — Гари Лайт, похоже, нарочито противоречиво назвал *Пейзаж со спорной запятой*. Благо мыслящие поэты, писатели и драматурги никогда не станут спорить с опытными редакторами и корректорами касательно технической специфики расположения знаков препинания. Дело здесь, на мой взгляд, не в грамматике и пунктуации. И даже не в присущей этому поэту самоиронии. Суть и смысл здесь, мне кажется, в том, где предусмотрены и происходят акценты пауз и смена дыхания. Как выстраивается манера сценической речи, которую поэт мысленно слышит у внимательного читателя, утончённо чувствующего изначально заложенный авторский смысл. Быть может, это мой слишком уж специфический взгляд, отягощённый многолетним опытом театрального режиссёра.

Тем не менее, предисловие к предыдущей книге стихов Гари Лайта написал киевский поэт Олег Максименко, сделав это именно в ключе драматургических мизансцен. Ещё и поэтому, взгляд с точки зрения определённых театральных тонкостей в личностном прочтении данного поэтического сборника мне показался не только вполне уместным, но ещё и вполне созвучным намерению автора книги, с юности далеко не равнодушному к театру. В эссе Олега Максименко анализировалась специфика

стихосложения и даже порой подсознательное внесение сценических подходов в поэтику с отрочества американского автора, родившегося в шестидесятых в столице Украины, но пишущего в том числе и по-русски. Мне это показалось любопытным, и поэтому, когда прошлым летом мне довелось ставить спектакль в Чикаго, наш с Гари общий добрый знакомый — известный писатель и драматург Александр Володарский — поспособствовал нашей очной встрече.

Думаю, все мы — и я, и Лайт, и Володарский сочтём риторическим вопрос о том, зачем после премьеры и в целом приятного послевкусия от вышеозначенного спектакля в последнюю неделю перед возвращением в Европу, вместо заслуженного покоя у столь ласкового летом озера Мичиган... я изначально озвучил идею проведения поэтического вечера Гари в гостеприимном доме наших общих друзей. При этом в дальнейшем процессе нашёл неожиданные, во многом сугубо театральные подходы, обезоружившие аргументы скептиков, включавших как самого поэта, так и его давнего друга и основного музыкального соавтора — Лику Могилевскую. В результате — по преобладающему мнению многих присутствующих очевидцев — прибрежное поэтическое действо, безусловно, удалось.

Я давно занимаюсь театральной режиссурой, поставил много спектаклей в достаточно искушённых театральной спецификой городах и весях. Но признаться, я никогда прежде не писал предисловий к поэтическим книгам. Хотя и поставил в семидесятых годах прошлого века спектакль по Булату Окуджаве, называвшийся *«Вольные фантазии на тему стихов»*. Пусть и эти мои заметки будут отнесены к теме вольной фантазии, хотя и в совсем уже другом ракурсе иных реальностей.

Возможно, предисловие к поэтическому сборнику Гари Лайта хорошо было бы доверить человеку с академическими литературными знаниями, профессионально изучающему мощь индивидуального стиля, архитектонику поэзии, его эстетические особенности и тот проникновенный голос, который неповторим и характеризует себя по словам Евгения Боратынского: *Лица не-*

общим выраженьем. Но мне кажется, что здесь будет уместен своеобразный взгляд со стороны. Тем более, что автору не привыкать. И если ему однажды было интересно мнение поэта о драматургическом составляющем в его творчестве, также полагаю, что и ему самому, и читателям его новой, во многом определяющей книги будет мнение театрального режиссёра об авторской поэтике.

Как поэт, Гари Лайт и в самом деле ни на кого не похож. Трудно даже ответить на вопрос, кто были его предшественники, как он сформировался и почему слог его, с одной стороны, сложен не только для праздного чтения, но и для постижения целого каскада ассоциаций, исполненных глубинного смысла и вполне определённого содержания. Когда-то, тогда же в прошлом веке — в отзыве на одну из первых вышедших книг Гари, во многом уникальный поэт Ирина Ратушинская, жившая в Лондоне после заключения в советском лагере, заметила:

«Редкий дар Гари Лайта — неисчерпаемая на любовь душа. Он во многом — поэт на слух... «Любви иммунитет» — это то, что отмечает его стихи и всё, что за ними... Вот этот прорыв в иное, не всем доступное измерение — единственное, из которого всё видно и всё правильно видно, — то, что определяет его поэтическое направление».

Безусловно, переключку поэтов разных эпох в стихах Лайта можно обнаружить без труда. Но это не интеллектуальное заимствование, а скорее поэтическая родственность. Его стихи лиричны, нежны, пронзительны и очень точны в стремлении выразить круг болезненных тем, от которых нельзя уйти, отмахнувшись рукой или просто захлопнув книгу. Это поэзия удивительного слога, который окутывает, словно дымка и погружает в пространство не всегда рифмованных, но всегда истинно поэтических строк, максимально удерживая ваше внимание, не отпуская до последней строфы, одновременно открывающих некий оригинальный портал восприятия и новое понимание давно забытых и, в чём-то, даже азбучных истин.

При этом, как утверждал Ницше, в этом случае азбучность не отменяет наличие истины. Мне думается, что Гари создаёт некий собственный мир поэзии в его не только чарующем многообразии, но и в особом откровении звучащего слова. В этой поэзии вектор выразительных средств, изысканных оборотов ни с каким другим не спутаешь. Вы здесь, как в природной стихии другого континента, или как будто балансируете в процессе сёрфинга в океане, испытывая сомнительную уверенность в том, что сумеете устоять, преодолеть, понять. И как только это начинаете осознавать, тут же, неожиданно, мощная волна нового смыслового оборота приносит сладостное удовлетворение иного ракурса, открывающее мерцающие горизонты новых ассоциаций и смыслов.

Мне кажется, что писать таким образом свойственно только поэту, по-особому тонко чувствующему современность. Поэту, оперирующему особенными восприятиями и вынуждающему нас видеть хрупкий мир, наполненный не только очарованием божественной гармонии, но и его порой жестоким и кровавым противостоянием силам зла, его болевым и драматическим преломлениям, возникающим на стыке времён, в мощи множества образов, которыми в совершенстве владеет автор.

В каналах новостных —
неверие и смерть,
совсем не вопреки,
а просто слепок яви,
наотмашь и под дых,
а после с болью тлеть
от немощной тоски,
по выжженной спирали.
Стихи как моветон,
давно уже смешны,
кто б ни был их творцом,
и критиком — тем паче,
но нагнетают тон,
настойчиво на ты
и каверзным словцом
по многоточьям скачут

Стихи в сборнике «Саганаж» — во многом мастерски иллюзорны, что созвучно картине на обложке, так и называющейся «Иллюзия». Автор полотна — давний, ещё с прошлого века друг и творческий единомышленник Гари — Артур Офенгейм, родившейся в Одессе, известный московский актёр и режиссёр, давно уже живущий с женой и дочерью в немецком Дюссельдорфе. Своеобразная параллель пути — родившихся в дышащих надеждой шестидесятых мальчишек, особенно чтящих целую когорту разноязыких писателей и поэтов — «шестидесятников», в чём-то подсознательно подверженных иллюзиям времени рождения, но напрочь отвергающих разнузданный диктат с нахрапом и дурно пахнущий пафос тоталитаризма в любых проявлениях.

Гари не скрывает, что стихи в его новой книге подвержены, в том числе и горькой иллюзии «эффекта неприсутствия». Так названа в книге целая глава. Это касается вещей, написанных в период пандемии, а затем и полномасштабной войны, случившейся в его родной Украине, подвергнувшейся чудовищной, немыслимой агрессии с Востока. Стихи, написанные в буколическом даже не пригороде Чикаго, а в исторической, полной мифов и легенд времён «индейских войн» части города, «граничащей» с пригородами огромного метрополиса, центра Мидвеста, на побережье одного из Великих Озёр. Стихи, написанные в жестокой непредсказуемости и физической отдалённости от столь остро подспудно ранящей его войны. Иллюзорные, полные горечи, боли и всё-таки не лишённые искренней надежды стихи.

...Ты — обняла меня, признавшись, что
уже погибла в марте,
прикрыв ребёнка от осколков в Ирпене.
Потом воскресла, но была убита в Буче,
старлеем, не услышавшим твоих
проклятий, прозвучавших приговором:
днём позже он был миной четвертован,
а птицы довершили его казнь.
Ты замолчала. Я пытался не упасть.
В прохладе сумерек ты горько проронила:
У той развилки я тебя покину.
Не навсегда. До следующей войны...

Наравне с прочими эти стихи в сборнике *«Саганаж»* — как своеобразное зеркало — отражающие разнообразие человеческих переживаний, ностальгических мотивов и тихого созерцания, которое можно почувствовать, прикоснувшись к урчащей кошке, как примете, свидетельствующей о тепле дома, одиночестве, печали и той самой надежде.

...не навязывать мнений,
услышать и даже поверить
проступившею складкой
на лбу, под дождливый диктант
и с урчащим котом на коленях...

Каждый из равнодушных к настоящей поэзии сумеет проникнуться ею, найдёт в этом замечательном сборнике повод для эстетического наслаждения и глубинных рассуждений о человеке, и даже об одном отдельно взятом, эвакуированном Гари с женой в Чикаго коте-киевлянине... Но также об узнаваемых общих тревогах, привязанностях, страдании и счастливых мгновениях встречи с прекрасным. Ана Юберсфельд — выдающийся театровед-структуралист утверждала, что театр — это закодированная практика, требующая глубинного анализа. И вот что я заметил, как читатель этих новых стихов Лайта, которые впервые прочёл этой весной в рукописи: согласно каббале, в тексте присутствуют шесть уровней погружения в смысл текста, который закладывается автором сознательно. В этом особое понимание текстовой структуры. Стихи в этой весьма далёкой от каббалистических восприятий, написанной по-русски книге поэта из просветлённо-урбанизированной американской провинции, имеют какую-то иную природу и другую стихию. И её не так просто обозначить сомнительным определением. Вот звучит первая строка, вторая, третья, и ты вдруг понимаешь, что в процессе даже самого внимательного чтения невозможно представить, куда это удивительное скольжение в конце концов приведёт.

Манера стихосложения Лайта похожа на внезапное мерцание, освещающее следующую строку. Порой создаётся впечатле-

ние, что рука сочинителя едва успевает за рождающейся метафорой. Но финал почти всегда изящен. Это та точка внутреннего удовлетворения, когда ни убавить, ни прибавить нельзя. И в этом тоже особая харизма его поэзии. Итальянские неореалисты предпочитали финал оставлять открытым. Это потрясающее умение удерживать внимание, давая возможность даже самому искушённому читателю задействовать собственное восприятие в полной мере. В этом ключе — Гари, похоже, осознанно и нарочито избегает знаков препинания, завершая стихотворение.

...Ветер будет к полудню.
Покуда ещё тишина.
Доработать строку.
Вспомнить нечто созвучное джазу.
Зимне-жаркие будни,
где строфами бродит волна
как всегда начеку:
в запятых моих ловит проказу.
Ничего не случится.
Имперских наречий ущерб
был чужим испокон
не всегда совершенному слову..
Незнакомые лица
в осязании свежести верб,
ветер с разных сторон.
Странный дар — как по кругу — *de novo*

В процессе написания этих строк мне не единожды казалось, что создавать предисловие к такому объёмному поэтическому сборнику, каким при погружении в него оказался «*Saganaj*» — задача отнюдь не простая, отягощённая тем обстоятельством, что автор этих строк всю сознательную жизнь занимается поиском поэтики и смысла драматургии. Но именно это обстоятельство позволило действительно ощутить, наряду со всеми другими достоинствами данной книги, особую сценичность и даже особое театральное измерение поэзии Гари Лайта. Поэтому приближение к творчеству автора требует определённой интеллектуальной подготовленности читателя, открыто-

сти и пиетета. И одновременно, чёткого понимания того, что мы открываем для себя некий мир, ни на что не похожий, окрашенный яркой индивидуальностью и неповторимостью поэтического языка.

Книгу открывает многомерное стихотворение, давшее ей название. Такое решение автора означает признание и ощущение природы влияния, дань и признательность божественному пространству и особой атмосфере тех районов мегаполиса, которые за сорок с лишним лет обитания Гари в Чикаго во многом способствовали формированию личности поэта:

Проникаю в этот город, как домой не понарошку,
я здесь вырос, и по сути, жив озёрными ветрами.
Был порой в муку размолот, холодом Чикаго вброшен
в амальгаму перепутий в небоскрёбной диораме...

Достаточно вообразить даже виртуально-мгновенный видеоряд, и очевидная сценография строк, заявив о себе, действительно выльется в каскад театральных мизансцен, открывая некий неведомый и непредсказуемый мир. Эти строки звучат своеобразным объяснением в любви «времени и месту»:

...и, прильнув к развалам книжным,
погружаясь в атмосферу вездесущего сюжета,
я дышал примичиганьем, навсегда далёким-ближним,
насквозь обращённый в веру — прерий, воздуха и света.
И когда, свалившись с неба, выпьешь кофе «у Декарта»,
ощущаешь чувство дома как нигде, уже лет сорок...
Словно ты в отъездах не был, и предчувствие азартно...

Форматные ограничения для предисловия не дают возможности цитировать множественные свидетельства того факта, что это истинная поэзия, в которой *словам тесно, а мыслям просторно*. И пусть это звучит в некоторых строках иронично, но в этом реальная, ненадуманная *ностальгия по-настоящему* и подлинному.

Из всех категорий простудных затей
Всё меньше желание видеть людей.
Уютней в компании кошек,
им легче сойти за хороших.

Автор стихов в сборнике «Саганаж» — не рядится в тогу отстранённой отрешённости. Его уже немалый жизненный опыт, к тому же рафинированный многогранностью адвокатского ремесла, позволяет ему не стремиться к всеобщему одобрению, искренне оставаясь верным своим тем самым, во многом «шести-десятичным» принципам. «Поэт остаётся собой» — как написал о вышедшей за несколько лет до войны, одновременно в Америке и Украине, книге стихов Лайта «Траектории возвращения» известный киевский писатель Алексей Никитин:

«...Поэт остаётся небезразличен космосу, образующему с ним единое целое, только в том случае, если он помнит, как всё же важно быть собой. Он должен оставаться собой всегда, стоя на сквозном ветру, несущем из одной бесконечности в другую образы нашего мира, изменчивого и бесприютного. ... Мы видим, как строку за строкой он объединяет события своей жизни, разбросанные во времени и города своей судьбы, разделённые неумолимой, не признающей метафор географией, в единый поэтический мегаполис. В нём Андреевский спуск проходит неподалёку от Бульварного кольца и набережной Тель-Авива, переулки вашингтонского Джорджтауна вливаются в дворики Монмартра, неуловимо преобразуясь в улицы то ли лондонского, то ли манхэттенского Челси, а киевский Подол выходит непосредственно к юго-западному побережью озера Мичиган. Он основательно рискует, ведь наверняка отыщутся желающие указать на чрезмерную остроту суждений или недостаточную выверенность прогнозов, да мало ли в чём может быть ответственен поэт перед читателем, сражающимся за безупречную точность, которую он измеряет по собственной, никому кроме него не известной шкале. А между тем книга стихов Гари не даёт забыть о главном: в постоянно и непредсказуемо меняющемся мире, поэт всегда может оставаться собой».

«Саганаж» включает в себя только недавние стихи, написанные автором исключительно за семь лет. Ни одно стихотворение из вошедших в 2017 году в книгу *«Траектории возвращения»*, о которой пишет Никитин, в новом сборнике не присутствует. Но Лайт и в значительно, если даже не кардинально изменившемся с тех пор в далеко не лучшую сторону мире, похоже продолжает оставаться собой:

Здесь каждый обязан решить для себя,
бежать грызуном от основ корабля,
ну, или презреть високосный,
что будет — предельно не просто.
А значит — есть повод остаться собой,
и как бы ни ошарашивал бой
часов и ракетных ударов...
За нами — оставлено право

Гари ни в коей мере не претендует на роль трибуна и по возможности старается избегать местоимений «мы» и даже «я». Опять же — это не наигранная отстранённость, а искренне усвоенный урок одного из своих заочных учителей, рождённого на украинской Черниговщине — тонкого лирика и философа, поэта Юрия Левитанского — *«Каждый выбирает для себя...»* Гари — по мудрому выбору своих родителей уже в раннем отрочестве оказался американцем. Но Поля Целана читал по-русски, в потрясающих переводах киевлянина, а теперь уже и берлинца Марка Беларуса. Похоже, в том числе и этот опыт убедил его в том, что в преступлениях легче всего обвинить язык, на котором говорили вершившие их негодяи. Такой подход несколько отводит кару проклятия от самих негодяев.

Пришла пора глобальных катастроф,
переиначиваний действий и значений,
где несколько вполне банальных строф
чреватые самосудом отречений...
«Хороших русских» знаю лично и люблю,
светло и резко, как «плохой американец»,
но линия прошла по февралю,
и в ней, увы, я украинец-самозванец...

Ему, как и многим из нас, выросших с родовыми пятнами Холокоста, искренне хочется верить в вопиющий из оврагов Бабьего Яра, крематориев Треблинки и Освенцима, безымянных могил Быковни и Колымы возглас — «Никогда снова!..». Но в новейшей реальности оказалось, что роковые уроки истории безобразно не выучены. Более того, в наступившую постмодернистскую эпоху пост-правды наличие истины для некоторых скверных учеников, возомнивших себя вершителями судеб, оказались вовсе не обязательны:

Древнейший народ отомстил за погром
тем нелюдям, кто осквернил светлый дом,
но «всё население планеты» вопит —
сионистов к ответу...
Реалии эти — похожи на сон,
в котором напившийся крови дракон,
вкусив человечины свежей,
слывёт добродушным невежей.

Эмпатия и сострадание, которую вдруг самонадеянно и резко в одностороннем, невежественном пафосе решили попытаться отменить временные адепты пост-правды и нахрапистой агрессии, никуда не исчезнут из истинной литературы. Эти базовые аспекты необходимого и в самые тёмные времена гуманизма безусловно свойственны в том числе и современным литераторам, наделённым утончённым слухом и по особому воспринимающим трагизм происходящего, когда страдания и боль являются определяющими приметами наступивших, но хочется верить, не продлящихся долго тёмных времён.

В новом, написанном всё же по-русски, в эти самые странные времена сборнике стихов американского поэта Гари Лайта, эмпатия, пожалуй, и подспудно, и нарочито — основной посыл.

В этих стихах нет восклицательных знаков, мессианства, лекционных нравоучений и подобострастия. В них есть боль, сострадание и надежда. Эта книга, несомненно, для внимательного и вдумчивого читателя. В ней безусловно и традиционно присутствует всё то, к чему привыкли постоянные читатели

этого автора — изысканность, тонкая лирика, ненавязчивые философские наблюдения. В ней нет ответов и предсказаний. И было бы, пожалуй, странно, если бы таковые присутствовали. Ведь уже упомянутая мной выше цитата из Юрия Левитанского о том, что *каждый выбирает для себя*, как раз и является частичной панацеей для текущего момента непредсказуемой современности.

*Иосиф Шац,
Maestru în Artă
Народный артист Молдовы*

*Кишинёв, Молдова
весна, 2024*

Родителям и Ане

«Не вписывай свое имя между мирами, совладай с многообразием смыслов, доверься следу от слезы, сумей жить».

Пауль Целан

«Актеры, с которыми я когда-то в Одессе был близок, объясняли мне, что самое трудное на сцене — это уметь «отшиться», уйти без неловкости, ничего не зацепив; в жизни это еще сложнее, чем на сцене».

Зеев Жаботинский

«Если через ваш город течет река, вам повезло. У реки есть свой почерк, аромат, силуэт. Силуэт вырезанной из рельефа плавно содрogaющейся женственной массы, способной обрушиться в виде туманов, наводнений, паводков. У реки есть стиль. Город, расположенный по обеим сторонам её, склонен к внезапной меланхолии и столь же внезапному веселью».

Каринэ Арутюнова

«Что такое одиночество? Оно похоже на чувство, которое накрывает тебя, когда в дождливый вечер стоишь возле устья большой реки и долго-долго смотришь, как огромные потоки воды вливаются в море».

Харуки Мураками

«Уединение нужно искать в больших городах».

Рене Декарт

І. Поезд уходит в днепровские дали

САГАНАЖ

Проникаю в этот город, как домой не понарошку,
я здесь вырос, и по сути, жив озёрными ветрами.
Был порой в муку размолот, холодом Чикаго вброшен
в амальгаму перепутий в небоскрёбной диораме.
Несудьба восьмидесятых в нелюбови девяностых
растворяла антиподы этих квантовых понятий —
от суждений непредвзятых уходить совсем непросто
даже в нулевые годы объективных демократий.
Продолжал меняться город, в саганажных возвращениях
от осмысленных ошибок, в партитуру этих улиц,
и снежинками за ворот тополиных воскресений
выбор был, как счастье, зыбок. Не перечил, повинуюсь,
чтобы сразу отрешиться и бродить по Линкольн-Парку¹,
сомневаться в построенье строф на языке ненужном,
и, разыгрывая в лицах вальс на самой кромке марта,
растерять местоименья в восприятии досужем.
Так мерещилось годами и, прильнув к развалам книжным,
погружаясь в атмосферу вездесущего сюжета,
я дышал примичиганьем, навсегда далёким-ближним,
насквозь обращённый в веру прерий, воздуха и света.
И когда, свалившись с неба, выпьешь кофе «у Декарта»²,
ощущаешь чувство дома как нигде, уже лет сорок...
Словно ты в отъездах не был, и предчувствие азартно
неким счастьем невесомым — город откровенно дорог

2/22-27/24

¹ Богемный район северо-востока Чикаго на побережье озера Мичиган.

² Легендарная кофейня в зале прилёта аэропорта Midway на юго-западе Чикаго.

* * *

Зимой високосного года претит
взывать к снисхождению кариатид
и слыть понимающим, светлым
в порывах слепящего ветра.
Из всех категорий простудных затей
всё меньше желание видеть людей.
Уютней в компании кошек,
им легче сойти за хороших.
Казалось бы — самое время чудес
в космических далях, реальный прогресс.
Но снова — орда в Украине
вершит злодеянья «во имя»...
Древнейший народ отомстил за погром
тем нелюдям, кто осквернил светлый дом,
но «всё население планеты» вопит —
«сионистов к ответу»...
Реалии эти — похожи на сон,
в котором напившийся крови дракон,
вкусив человечины свежей,
слывёт добродушным невежей.
Четвёртый по счёту коварен всегда,
недобрые вести зовёт в города,
и даже в селеньях поменьше
вершатся постыдные вещи...
А осенью люди пойдут выбирать,
и тут междометию в пору звучать,
но в рамках тех самых приличий
цветут карнавалы двуличий...
Ну да — високосен и полон примет,
но разве не глупо вывинчивать свет,
как прежде в советских подъездах,
быть стадом, стремящемся в бездну...

К чему риторический этот вопрос,
в висок — понимание метаморфоз,
а дальше как шторм после штиля,
когда станет не до идиллий...
Ничуть не поможет наличие обид
на нелюдей как вымирающий вид
и тех, кто от имени многих
морочит реальность двуногих...
Здесь каждый обязан решить для себя,
бежать грызуном от основ корабля,
ну, или презреть високосный,
что будет — предельно не просто.
А значит — есть повод остаться собой,
и как бы не ошарашивал бой
часов и ракетных ударов...
За нами — оставлено право

2/06-29/24

ПРЕДВЗЛЁТНОЕ

Несколько капель рассветного кофе.
Взлёт, и январь притворится июнем.
Ворох пророчеств, ведущих к Голгофе,
нелепо не понят. Неистовый Бунин
жаждал открытий, прочтений, соблазнов,
но время ушло на риторику быта,
женщин — красивых, несбыточных, праздных —
и так всё же лучше, чем в поле убитым
вместе с конём, указанием свыше...
чтобы потом восхищаться Магриттом
в дождливом, всегда отрешённом Париже.

Мало ли снов на виду океана
не находили своих продолжений
в изображении широкоэкранном
и суете мимолётных решений...
Кофе на юге — полезен едва ли —
Малер не гений, зима полноправна,
у всех предсказаний — судьба аномалий,
Бунин ошибся и тайно, и явно

1/12/24

НЕСОВЕРШЕНСТВО КАК ТАКОВОЕ

Несовершенство как таковое
даже печалит блаженством,
был ли разведчиком Оле-Лукойе
или же приспособленцем...
Что в кондуите швамбранском манило —
время, до всех потрясений —
национальность кота, как мерило,
фоном болезни осенней.
Был ли у Гашека Швейк идиотом
или предтечей распада,
ну а француз, слывший славным пилотом,
принца не вывез из ада.
Мебель, наличные, мелочи быта,
плут-комбинатор сюжета,
всё остроумие авторов смыто
лагерной сметой бюджета.
В ретроспективе — книги из детства
всё ещё жмутся по полкам,

цель палачей не скупится на средства...
Значит — в них не было толку

1/05-19/23

**МАЙ. ЭВАНСТОН.
АЛЬМА-МАТЕР**

У «Шекспировского Сада»,
в альма-матер, чуть левее
происходит «интифада»
обозлённых упырей...
В основном вполне абстрактно —
им примерно рассказали
про еврейскую бестактность
а об остальном едва ли.
Переростки пубертата
жаждут «от реки до моря»
под иконой Арафата,
вовсе не вникая в горе,
в боль библейского народа
обожженного печами,
им благоволят погода
и портреты с палачами.
И пока в тоннелях Газы
длятся муки Холокоста —
в альма-матер пересказы
тех печей звучат не просто.
Суть добра сошла с орбиты,
мрак спускается повсюду,
карме тлеть в антисемитах
непрощённым самосудом

5/02/24

DE NOVO

Ветер будет к полудню.
Покуда ещё тишина.
Доработать строку.
Вспомнить нечто созвучное джазу.
Зимне-жаркие будни,
где строфами бродит волна,
как всегда начеку:
в запятых моих ловит проказу.
Ничего не случится.
Имперских наречий ущерб
был чужим испокон
не всегда совершенному слову...
Незнакомые лица
в осязании свежести верб,
ветер с разных сторон.
Странный дар — как по кругу — *de novo*¹
и тогда и сейчас
всё твердит про банальный сюжет
политических догм
и болгарско-грузинских историй...
Профиль — тот же анфас
по прошествии тысячи лет,
в прошлом-будущем гром,
станет сном Средиземного моря

1/13-31/23

ЛАДИСПОЛИ VII

Ладиспольский февраль
всех прочих февралей

¹ Юридический термин, означающий взгляд на фактические обстоятельства заново, не принимая во внимание наличие прецедентов.

был мягче и теплей,
но всё же безнадёжней.
Голосовую сталь
и фразу — «не жалею...»
я, праздный иудей,
в себе не опорожню.
Стоящий на ветру
у чёрного песка
подросток-ренегат
не в целом и не в общем,
там кофе поутру
как есть, без молока,
ни чёрного — утрат,
ни белого, что проще...
Тирренская волна
не взыщет ни гроша,
Целан переведён
с немецкого до Сены,
и выдано сполна,
пусть даже не спеша,
невывбранных времён —
невзрачных и отменных...
Ладиспольский февраль,
стремительный отсчёт
любовей и смертей,
веков и полнолуний,
в аэропорт и в даль,
а там — как повезёт,
в эклектике затей
и превосходстве уний.
Покуда снятся сны,
а значит — навсегда,
всё будет хорошо,
однажды, непременно...

отсчёт — после войны —
Ладисполи. Февраль
из памяти пришёл:
... то вместе, то поврозь, а то попеременно...

2/05/23

РАННЕ-ВЕСЕННИЙ ОРЕГОН

Ане

Во время прилива нет смысла шутить с оregonской волной.
Догонит, накроет, заставит дрожать, а затем посмеётся...
Романтики нет в роли мокрого, злого уродца,
который однажды был веткой вершинной, прямой и живой.

Таким пейзажам как здесь неуместны холсты,
какое негромкое счастье всем этим дышать, созерцая.
Быть может, вот так ненавязчиво выглядят контуры рая.
Порой лицезреть это чудо, рискнув, приплывают киты.

Слиянье реки с океаном бесстыдно как опыт в любви —
он влажен в отсвете и как-то нелепо растерян.
Вот так, иногда — навсегда уценённые двери
вдруг ветер прилива откроет случайно, смешно, изнутри.

От зоны цунами, к востоку, к трамваям ведёт серпантин,
на горных вершинах снега заблудились и плачут,
такие сравнения, в общем, немного и значат,
когда хлещет дождь как насмешка над снегом вершин.

Протиснувшись в город мостами сквозь странную реку,
сюда воротившись, в неверии песни, в прошествии лет
узнаешь влечение, такое же тёплое, как к человеку,
в плену океана надолго, как старый корабль-корвет

3/07-4/06-23

* * *

Постоянное чувство отложенных дел
норовит адвоката со стажем
упрекнуть, что его стихотворный удел
оттого до сих пор не улажен...
Что пора бы уже ограничить печаль,
и согласно минувшим контрактам,
отдалить созерцаний незримую даль
вслед за предотвращённым инфарктом...
Что нельзя близко к сердцу, иначе судьбе
опостылит защита по флангам,
и тогда ему мира не будет нигде,
даже в снах аргентинского танго.
Что иллюзий, накликаемых рыжим котом,
вряд ли хватит на сносную прозу,
сколько можно уже это всё на потом,
что в неверье творится угроза...
И тогда этот немолодой адвокат,
в ложной скромности доли поэта,
изловчится на многопланетный парад,
облачённый неслабым сюжетом...

Завершатся дела, и свершённый роман
в электронных эскизах запляшет,
героини прилягут согласно местам,
в описаньях одна другой краше...
Диалоги поднимут такие пласты
и такой философией грянут,
что все те, кто годами был праздно на ты,
от неловкости звать перестанут...
В общем, мало ли строк в самолёте с югов
создают атмосферу комфорта,
адвокат расположен к строению слов —
как корабль, дошедший до порта

4/13-4/29-23

ПЕЙЗАЖ СО СПОРНОЙ ЗАПЯТОЙ

Пейзаж со спорной запятой
под горизонтом на востоке
у вод, столь истинно широких,
что даже кажется порой:
что это Тихий Океан
здесь оказался ненароком,
чтоб стать грамматики уроком
в одной из вымышленных стран.
И этот вымысел вполне
подчёркнут женской красотой,
не первой, даже не второю,
а вечно бывшей в стороне.
Но тем не менее всегда
строй запятых над Мичиганом,
на время ставшим океаном,
ей виделся неверьем чар.
И бесполезен был рассвет,
восточный ветер или южный,
ей даже генерал Залужный —
признаться — не авторитет.
Свод препинаний как закон
не может виться как попало,
она овладевала залом,
но слыть актрисой — моветон.
И потому даже зимой
предпочитает танец скорый,
сквозящий медленным укором
в пейзаже спорной запятой

7/01-17/23

ПОСВЯЩЕНИЕ СВЕРСТНИКУ

О. Ф.

Холодное лето, скажем — в Брно:
дожди и брюнетки, соленья, вино...
Постой, нет — скорей, в Братиславе,
на фоне всех тех югославий,
где нами лелеялся лёгкий акцент,
затем исчезавший под жуткий абсент,
лишённый парижского шарма,
как псевдо-московская шварма.
И если — в сравнение — кириллицы вязь
напомнит словаку недолгую связь
со смуглой бейрутской христианкой,
так жаждущей слыть иностранкой,
что в джинсах, без верха глядела в окно,
и все диалоги немного кино...
На Площади графа Толстого
вернут нас из класса шестого
в конец девяностых. Андреевский Спуск —
бывающий столь романтически пуст,
когда из гостиницы выйдя,
шепнув ей — ты ведьма!, изыди... —
так сильно прижмешь её губы к своим,
что утром в Борисполе нем, нелюдим,
все прелести венского рейса —
«Клико», лепестки эдельвейса —
отдашь за её отражение в зрачках,
столь нежно скрываемых в тёмных очках,
где тщательно спрятаны беды,
кофейня в «Трубе»¹ и вьетнамские кеды...
Вот если в строке захромает размер,

¹ Культовый киевский подземный переход под улицей Крещатик.

а в ритме и рифме всплывёт, например,
картина словацкого лета
по всем итальянским приметам...
Нам, шестидесятиникам с циферкой семь,
совсем не пора уходить насовсем...
А, значит, без всяких ироний,
все истины на Оболони¹...

8/05-16/23

КОНСТАТАЦИЯ

Если правду, то наверно,
окружение стало нервным,
рассчитались все на «первый»,
«двадцать третий» и «второй».
Сводки, словно в сорок первом,
многогранная Минерва
надоела ролью стервы,
в ней — то изморозь, то зной.
Потому бывает скверно,
в уравниеньях с переменной
восприятие многомерно —
называется судьбой

8/09-28/23

* * *

А. Никитину

Поезд уходит в днепровские дали,
в киевском детстве хватило печали

¹ Самый северный, прибрежный район столицы Украины.

светлой, несмелой, почти инородной,
ставшей истоком грусти свободной.
И без претензий на главенство истин,
во избежанье соблазна корысти,
в предошущенье иных аномалий
поезд уходит в днепровские дали.
На пересадке, что в Перемышле,
дети и женщины встали и вышли.
Поезд вернётся к родным в Украину,
туда — где разрывы, сирены и мины...
Таких возвращений становится больше
на всех поездах из Молдовы и Польши,
пока ещё робко, совсем понемногу —
триває надія на Перемогу...
И потому без упрёка едва ли —
поезд уходит в днепровские дали

8/10-8/31/23

* * *

Глаза Габриэля Гарсия Маркеса —
«Макондо», всего лишь кофейня на выезде.
Бывает обильно-питательной трапеза,
когда интерьер стилизовано вылизан.
Уже больше века не пишут... Разжалован
полковник в баристу оналайновых профилей,
таких одиночеств змеиными жалами
приемлет на откуп семья мефистофелей.
Прожарят отменно, заварят неистово,
и первый глоток будет просто божественным.
На фоне пейзажа туманно гористого
глаза Габриэля Гарсия тождественны
перемещениям пространств и обитателей,
ландшафтов и прочих рефренов реальности,

порой незавиден удел небожителя,
когда он исполнен в нелепой тональности.
Ни Евы снаружи, ни осень за выслугой...
Кофейня в Майами с неброскою вывеской,
а вдруг она всё же конверт ему выслала,
где адрес обратный был истинно киевским

11/02-29/23

* * *

У кота Иннокентия множество дел:
Он — философ, футбольный фанат, винодел,
политический обозреватель
и полуденных снов толкователь...
Он — эстет по призванию, в чём-то поэт,
был когда-то повесой, теперь уже нет...
Это, знаете — личное дело кота.
Ведь всегда есть одна — та, которая — та.
Иннокентий родился в чудесной стране,
той, которая гибнет сейчас на войне.
Но она победит непременно,
ведь рассвет не бывает мгновенным.
Его имя когда-то считалось другим,
кот запомнил то имя, когда находил
себе что-то поесть и согреться,
кот держал это имя под сердцем.
И когда его ранили, верил и знал,
что не всё в этом мире звериный оскал...
Руки светлых, решительных женщин
разомкнули зловещие клещи...
Не сирены с разрывами правят судьбой,
и кота увезли в тишину и покой,
изначально в волшебную Польшу,
где и воздух, и музыка тоньше...

А потом кот отправился за океан,
и такое порой выпадает котам,
когда рушатся стереотипы
и листвой покрываются липы.
Иннокентий обрёл себе имя и дом,
стал ухоженным, даже вальяжным котом,
но порой в изменившемся мире
он вздыхает, и внутренней лире
кот как будто бы даже диктует слова,
органично свои подтверждая права
толкователя снов полуденных,
обладателя разных вселенных

11/26 -12/07/23

ВСЕЛЕНСКИЙ ДЕКАБРЬ

Здесь снега насыплет
по самые окна уже в декабре,
а вести с экранов
не станут теплее, скорее грустней.
Войска не построят на вылет
в фалангу и даже в каре.
Сезоны обманов,
как при фарисеях, плетут из теней.
Погашены свечи,
отложены книги до лучших времён,
военные сводки
затмили отсветы иных новостей...
Рождественский вечер,
и те, что в преддверии, глядят из окон,
у берега лодки
во льду до цитаты — «...будет апрель...».
Вполне вероятно,
что смена сезонов уже не в чести,

чем это чревато,
понять только лишь предстоит
надёжно и внятно,
янтарь доказательств, зажатых в горсти,
в благих постулатах,
в которые всё ещё верит пиит

12/1-17/23

ОЛДСМОБИЛИ

Похоже, канули смешные времена
больших, уютных, неуклюжих *Олдсмоби́лей*¹
и снежных зим Мидвеста, избытий...
Где если чем и маялась страна,
то лишь мифической «советскою угрозой»,
какую Рейган постоянно побеждал.
А Мичиган озёрно отражал
всё многомерие чикагского мороза.
На проводной старинный телефон
звонила девочка на ленинградском русском,
и мы с ней, кажется, болтали об этрусках,
не ведая, что станем строить дом...
Вернее, романтический уют,
настолько однокомнатный, что даже
уже женатыми смеялись в Эрмитаже —
мы не мосты, и нас не разведут...
Зря зарекались, основные чудеса
как раз произошли после развода,
о ней не знаю ничего, но время года
ласкает ветром пожилые небеса.

¹ Канонический бренд американских автомобилей, производившихся с 1897-го по 2004-й год.

Ускорились циклоны, и стихи
давно размножены и книжно, и журнально
в смешные времена, о чём банально
и не мечталось сквозь наброски и штрихи.
Жаль только, *Олдсмобили* не вернуть,
морозы, снег — невелика пропажа,
грех сетовать романтику со стажем,
когда глобальная вовсю крадётся жуть.
Только порой, взяв в понятия Мичиган,
вернувшись снова к улицам Чикаго,
едва осознаёшь, какое благо,
что всё скроилось в этот чудный план

12/13/23

* * *

Иллюзии уходят, как листва
в озябших переулках, мимолётом,
и приближение Сочельника в субботу
всё ненавязчиво расставит по местам:
бесснежие печали, две войны,
непраздничность, как прежде новогодья
и то, как бескорыстно старомоден
мой зыбкий мир для кошек и жены.
У приозёрных прерий свой удел
размеренных и чётких меланхолий,
берёз, убитых во дворе... сменила хвоя.
А я смирился, и забылся — полон дел.
Грустить с надрывом — роскошь дураков,
в которых числиться — лиха беда начало,
сказуемое — лодка у причала
на отражении беспечных облаков.

Декабрь простужен, предсказуем, неумел,
но органичен в степени уюта,
что в целом — неразменная валюта
даже для тех, кто к январю уже взлетел

12/20/23

* * *

Несовершенство как пароль,
будь добр, намеренно изволь,
биограф спишет на юдоль,
затем опешит...

Все увлечения хранит
один большой метеорит,
хотя и он порой хандрит
и шлёт депеши...

Бесспорно, всё это поток,
какой не узок — не широк,
и потому советов впрок
вполне щадящих...

А дальше — только горизонт,
где в основном — Магритта зонт
и вести, где пребудет фронт
дел настоящих...

Вся относительность поры
диктует правила игры
в потусторонние миры,
как снилось прежде...

Но только — перевод часов
сулит иной порядок слов
в любви и вере как основ,
и быть надежде...

10/25-29-30/23

КИ ВЕСТ IV

Убийцы рыб в рассветном кураже
раскладывают снасти, ждут удачи,
у пеликанов отнимая их уклад,
как и вполне заслуженную пищу.
А место действия — окраинный Ки Вест,
где в ясный день сам остров несвободы
доступен горизонту рыбака,
когда он взгляд перенаправит от блесны.
Русалки дремлют, им уютен риф,
покуда не безумствует светило,
и радио с круизных кораблей
не ранит новостями с Украины,
которые сочатся сквозь эфир
под сальсу и ошмётки рок-н-ролла,
попутный ветер реагирует на смерть
порывами как возгласами боли,
и к рыболовам вдруг приходит страх,
тот, что испытывает пойманная рыба,
тот самый ужас, где удушье и конец...
На рейде появляется фрегат,
который здесь не видели полвека,
русалки поправляют: — полтора!
Но суть не в этом, аномалиям претит
весь антураж рыбацкого досуга,
столь неуместном в эти тягостные дни

11/01-12/02-22

ЛЕТАРГИЯ

Представь, что одолжили у войны
немного мелочи на мелкие расходы.

Купили виноградную лозу
и молодое старо-крымское вино.
Затем спустились к морю, в Коктебель
и долго шли по тропам Карадага,
ты всё сняла, условности презрев,
при этом продолжая разговор
о том, что у Цветаевой к Эфрону
был, кроме страсти, прочий интерес.
Навстречу нам, казалось, ниоткуда
возник татарский старец с бородой,
и, поравнявшись, взгляда не отвёл
от твоего влекущего загара, поведая,
что укусы скорпиона сезонно падки
даже в сферу красоты.
Ты рассмеялась, сообщив ему,
что появилась той порой, и скорпионов
чтишь талисманами непрошеной любви.

Старик ушёл. Ты обняла меня,
признавшись, что уже погибла в марте,
прикрыв ребёнка от осколков в Ирпене.
Потом воскресла, но была убита в Буче
старлеем, не услышавшим твоих
проклятий, прозвучавших приговором:
днём позже он был миной четвертован,
а птицы довершили его казнь.
Ты замолчала. Я пытался не упасть.
В прохладе сумерек ты горько проронила:
у той развилки я тебя покину.
Не навсегда. До следующей войны...

И мы проснулись...
В Чикаго на стене был календарь,

в нём палиндромный год
дразнил июлем только начатого века.
Блеск Мичигана и твоё плечо,
такое смуглое от крымского загара

4/03-4/29-23

ДОЛОРОСО

*Мише Мазелю
светлой памяти Галины Михайловны*

В широтах этих, мало ли, мой друг,
нелепо инговых и прочих окончаний,
когда на выход, без вещей, или с вещами
зовут в очерченный и плавящийся круг.
А там калейдоскоп и круговерть,
мозаика, осколки обобщений,
похмелье непрошедших превращений,
свет жизни, нивелирующий смерть.
Там музыка повсюду и всегда,
накрытый стол и книжные страницы,
открытые, осмысленные лица
и параллельные, большие города.
На улицу, с собакой или без,
но обязательно на воздух, не иначе,
а после — строки с полной отдачей,
и снова музыка как азбука чудес...
И ни к чему сравнение широт,
геометрических фигур, стихов и песен —
нет лет, ответов, завещаний, поднебесий,
а только память и звучание светлых нот...

1/11-12/22

* * *

Улица Анны Ахматовой:
Киев, сентябрь, Позняки¹.
На «разделении» — патово,
сводки оттуда сухи.
Мы с одноклассницей тешимся
чаем и «Пражским, как тот»...
По телевизору — бешенство
«запоребрянских» широт...
Зыбко сентябрьское марево,
Бабьего лета пора,
и над Днепром гаснет зарево,
просто закат в облаках.
Осень ещё предвоенная,
но каждый вечер «с нуля»,
раненых возят с сиренами
в старо-печерскую даль.
Всё это только прелюдия
госпиталей и сирен,
мы с одноклассницей будем
из разных широт, с разных стен,
город свой видеть закатовый,
верить в него и любить,
улицы Анны Ахматовой
там вскоре может не быть

6/22-23/22

* * *

НАТО захочет в небесную Украину
В слезах раскаяния, чувстве вины и прочем,

¹ Жилой массив на киевском Левобережье.

Но с грустной усмешкой защитники со Змеиног¹
НАТО откажут, будучи «градами» порваны в клочья...

Девчонка-скрипачка из киевской теробороны
Верит в Господа Бога, но не в Бориса и Глеба,
В святой Софии от взрывов дрожат иконы
И плачет раскрытое настежь, голое небо...

Кропивницкий спецназ не верит в счастливый случай,
Но за разрушенный Харьков и за сожжённую «Мрію»
Сжигает в упор орду, пришедшую в Бучу,
Закрывая собой единственный в мире Киев.

В Чернигове медсестра бинтует раны
 пленного лётчика из Рязани,
 Она проклянёт его позже глазами Юдифи,
 Но не сейчас, когда он рыдает и шепчет слова о маме...
 Всё происходит как в древнегреческом мифе.

В Ирпене из горящей квартиры выбрался только котёнок,
Его согревает за пазухой израильский доброволец,
Вот же везёт ему на котов ещё с одесских пелёнок...
Он из Газы спас и привёз двоих, и теперь вот стоит и молится...

Всё это вершится сейчас, по весеннему сплину,
В разрывы и вечность уходят любимые люди,
Америка и Европа любят небесную Украину...

Не нужно любви! Не время для пуганых и наивных —
Другой Украины у этой планеты уже не будет...

3/05/22

¹ Принадлежащий Украине остров в Чёрном море, одним из первых принявший на себя удар российской агрессии.

МАРТ. СОН

Приснилось, что не смалодушничал KLM,
и я в феврале успел в Амстердаме на киевский рейс.
Меня допросили, немного узнали, в теробороне выдали АКМ,
и два наших взвода отправили жить в Голосеевский лес.
Мне папа рассказывал, как в сорок первом там шли бои,
и что после войны там гибли мальчишки от взрывов мин.
Я прожил дошкольные годы у Бабьего Яра,
родившись ещё в шестьдесят седьмом,
и в школу пошёл на Печерске в семидесятых,
воспитанный бабушкой, оставшейся при своём...
Потом было много всяких семейных перипетий,
и в ночь, когда «Альфа» с «Алмазом» брали в Кабуле дворец,
я сидел на полу в словацкой Чьерне,
двенадцатилетний, с опухшими веками Вий,
среди эмигрантских баулов и ждал,
когда поезд на Братиславу и Вену дадут наконец.
Вырос в Чикаго, зачем-то оставил себе этот странный язык,
стал адвокатом, в Париже и Праге слыл не чужим среди муз,
а в девяностых даже пожил в гламурной Москве,
где всё чаще срывался на внутренний крик,
понимая, что до конца не угроблен Советский Союз...
Но самым главным во все эти времена,
что необъяснимо для многих, и, в общем,
было неясно мне самому,
когда я возвращался в Киев, во мне звенела струна,
определявшая жизненный смысл,
и я никогда не отдам её никому...
И наверно поэтому, не обращая внимания на здравый смысл,
во сне этом вязком пытался внушить жене,
что я не геройствую и не проживаю сюжетный каприз,
а просто сейчас не мыслю себя без Украины, вне...
Сказать, что я не прижился к военной весне,
не просто гипербола — один сплошной диссонанс:

слыл нерасторопным, всегда не на той волне,
бывалый сержант из Луцка вечно орал,
но всё же давал мне шанс...
И когда по радиации передавали про крупную ДРГ¹,
что сквозь Голосеевский будет рваться к Днепру,
сержант посмотрел на нас и сказал — «значит к Днепру, эге...
ну что, чуваки, вот здесь они и умрут...»
И завертелось такое, что может быть только во сне...
Меня, конечно, досадно убили, иначе и быть не могло...
И я заскользил в плоскодонной лодке
по старому руслу в любимой с детства Десне...
Проснулся в четыре утра, во Флориде, да только не отлегло...
А наоборот — пекущее, невыносимое чувство вины
и постоянные сводки с фронтов на всех языках...
Моя Украина отчаянно и навсегда победит,
а развязавшие весь этот ад прокляты будут
и заклеены в веках...

И очень скоро, не на KLM, но уже наяву, сначала неловко,
на взлётно-посадочной полосе,
а после на Пейзажной, взалёб, я Город свой обниму...
И всех вас, родные мои... Вот только, дай Бог, чтобы всех...

3/13-31/22

* * *

Сегодня в Эванстоне джаз,
как неуместно-органично,
так здесь встречают осень испокон
на побережье моря Мичигана.

¹ Диверсионно-разведывательная группа — подразделение специального назначения, используемое для разведки и диверсий в тылу противника.

Казалось бы — сезонная печаль,
и даже мягче — меланхолия момента,
когда столь ласков бархатный сезон,
что о войне напоминать —
пылить дорогой...
Сочувственно-искусственно вздохнут
и сменят тему на бейсбольную, к примеру —
сезон в разгаре, множество интриг
в турнирной сетке и у звёздных игроков,
ну вот намердны — сразу две жены,
у кетчера¹ и питчера релива²,
греховно загорали во Флориде
и распивали контрафактный ром,
доставленный на дроне из Гаваны.
Ну чем не джазово, и рейтинг в самый раз...
... — «Бомбили Харьков? Запорожье, это где?
Ну, это неприемлемо, конечно!
России нужно срочно указать,
что так себя вести не подобает,
джаз в восприятии от этого горчит,
не говоря уже о классике, какую
с недавних пор вернули на винил.
Вот как бы к этому отнёсся Шостакович?
Конечно, и к винилу в том числе...»

¹ Catcher — игровая позиция в бейсболе. Кэтчером называют игрока обороняющейся команды, который находится за последней, четвёртой базой (homeplate) и спиной бэттера, но перед судьёй, и принимает мяч, поданный питчером.

² Relief pitcher — игровая позиция в бейсболе. Это питчер, сменяющий по ходу игры стартового питчера из-за его повреждения, неэффективности, усталости, изгнания с поля или в случае какой-то конкретной ситуации.

И всё же — джаз звучит по четвергам
у «Лунных Прерий»¹,
к которым не заказаны пути
любителям шальных импровизаций,
каким не до военных перспектив...
К тому же, всё это в преддверии Европы —
где у России — много меланхолий,
переходящих в искушение убить.
И убивают... «Солнцепёки», «Ураганы».
Только пока ещё не здесь.
Пока здесь джаз...

8/24-27/2022

* * *

Пришла пора глобальных катастроф,
переиначиваний действий и значений,
где несколько вполне банальных строф
чреватых самосудом отречений...

«Хороших русских» знаю лично и люблю,
светло и резко, как «плохой американец»,
но линия прошла по февралю,
и в ней, увы, я украинец-самозванец...

В «вопросах крови» кто захочет — упрекнёт
происхождением всесторонне иудейским,
что в прошлом веке я был вхожим в самолёт,
что следовал вполне московским рейсом.

¹ «Prairie Moon» — культовый ресторан в университетском пригороде Чикаго.

Что в Переделкино, на Пресне и Тверской
 читал стихи, бывал величественно понят
как некто «с эмигрантскою тоской»,
 про это критики и до сих пор долдонят...

Но я родился в Охматдете¹ зимним днём,
 и первые шаги, слова и мысли
случились в Городе, столь выжжено моём,
 что без него я и в живых себя не числю.
И пусть американец больше лет,
 чем срок в пустыне данный Моисею,
я не забыл язык, которым Фет
 и Батюшков честили фарисеев.
Зачем так вышло, не сумел бы объяснить
 ни музе, обнажённой и манящей,
ни тем, с кем выпадало вместе пить
 в Париже, в Праге, в Цфате настоящем.
Я больше полувека на земле
 и, убеждённый в истине всемерной,
в ставшей Берлином 41-го Москве
 я, как железом по стеклу, отвечу: скверно
вы слушали Высоцкого тогда
 и до сих пор не заслужили Окуджаву,

¹ ОХМАТДЕТ — это аббревиатура, которая расшифровывается как «охрана материнства и детства». Клиника является многопрофильным лечебно-диагностическим медицинским учреждением, оказывающим специализированную, исключительно высококвалифицированную медпомощь детям Украины. Самая большая детская больница на территории страны. По сообщениям новостных сайтов, в конце февраля 2022 года Охматдет подвергся атакам агрессора, в результате чего на территории больницы были погибшие и раненые.

если ликуете, что бьёт по городам
 «укра́инским» «великая держава»...
Чума на ваши мысли и дома,
 выгнавшим Галича, травившим Пастернака,
не к украинским ли придравшись их корням...
 Как буднично по вас не станут плакать
...когда возмездие опустится с небес,
 согласно Чехову — не может быть иначе,
когда всех бесов в преступленье главный бес,
 в слезу ребёнка наказаньем кинет зрячим.
Безухов с привязи учёного кота
 освободит, но будет арестован
и больше не возникнет никогда,
 запытан, искалечен, замордован...
И «вечным странникам» до южной стороны
 не долететь, их срежут в небе «грады»,
взлетевшие из проклятой страны,
 не ведающей меры и пощады...

А Украине провидение воздаст
 бинтами снега, возвращённою Тавридой,
но это будет только верхний пласт,
 назначенный вселенскою Фемидой...
А нас не спросят, из оставшихся в живых
 «хороших русских»и «плохих американцев»,
что мы вносили — состраданье, прозу, стих,
 прибор для виденья «Летучего Голландца».
Велят нам выйти и стоять у старых стен,
 пока вершится врачевание Господне,
покуда исчезает жуткий плен
 неверия, вражды, тех, что сегодня

жгут небо и взрывают горизонт
так, что всё кажется проклятием тунгусским...
«Плохим американцам» тяжело
до той же степени, что и «хорошим русским»...

осень, 2022

II. Несовпадение во времени

ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ

Атмосферное давление,
одержимость книжных полок —
это признак поколения
быстрых встреч и кофемолок.
Мимолётные решения,
героизм второго ряда,
да к постельным обобщениям
заграничные награды.
Мысли из цитат по темени,
пять аккордов на гитаре,
в тон, соизмеримо времени,
за товаром, к бочкотаре.
Пересылки не сибирские,
а скорее — в Братиславе,
откровения монастырские,
диалог о римском праве.
А затем по нисходящей,
этой небольшой планеты
неуверенно летящей —
вдоволь плясок силуэтов.
И когда не стало истины
навсегда или до выбора,
атмосферно и таинственно
как акцент случился выговор

8/23/21

РАСКЛАД

Никто не должен никому
ни пониманий, ни эмпатий,
ни диктатур, ни демократий,
ни объяснений — почему.
Никто не должен никому.

Необозначенный канон
определён для восприятий,
самоназначен корпус знати,
саморазбавлен эталон —
необозначенный канон.

Не обладает доброта
волной преодоления вето,
сегодня здесь, не завтра где-то
шанс невелик — один из ста.
Не обладает доброта.

Несоответствие примет
как проявление печали
не веской, понятой едва ли,
отчасти видимой в просвет —
несоответствие примет.

Суть обобщений ни к чему,
несовременность соответствий
и предсказуемость последствий
в решение выйти на корму —
суть обобщений ни к чему

3/01/21

МОНОЛОГ ПЧЕЛОВОДА

В статусную провинцию
из той, которая так себе,
пишу, отражаю линзами
и тем берегу свою пасеку:
о том, что всё образумится,
что горизонты наладятся,
что пчёлы — вернулись, умницы,
что канули неурядицы.
В ответ получаю весточку,
в которой строка неровная,
пергамент в синюю клеточку
и пахнет каменоломнями.
Там столько всего намешано,
и стиль настолько не выдержан —
от рук, мол, отбились лешие,
а ведьмы торгуют имиджем.
И вот, я сию задумавшись
над этим нелепым казусом,
как будто явились усташа
пафосные, под градусом.
Я мёда категорически
не выдаю заблудившимся,
всегда переход на личности —
как перелом открывшийся.
И вечно Юдифь упрямится,
я ей Катулла цитирую,
когда она в образе странницы
камфару пьёт эфирную.
И мало кому приснившийся,
вожусь на закате под сотами,
а у соседей пиршества
с зашедшими гугенотами

1/16/21

СОНЕТ ЗАВЕРШЕНИЙ АПРЕЛЯ

...но музыку нельзя руками...

А. Вознесенский

Волны, небо, Мураками,
трогать музыку руками
не пристало в день весенний
на пороге воскресенья.
Новостей телеэкрана
быть не в курсе, многогранно
отражаться в пейзаже,
не задумываться даже
об изысканных печалях,
и загоризонтных далях.
Под мелодию прибоя
и щадящий воздух соли
восхищаться облаками —
волны, небо, Мураками

4/14/22

LOWER UPPER¹

Повсеместно и всецело —
Волки сыты, овцы целы.

Приозёрные лиманы
выдержаны в стиле драмы.

В тишине аэропорта
гуся маются на взлётной.

¹ Приозерные, северные районы штата Мичиган.

Гончары и букинисты
сгруппированы в Монисто.

Моцарт и Равель на ферме —
май — сентябрь повседневно,
дегустационно чётко
в пику праздным звездочётам,
чтобы было неповадно,
крыть провинцию изрядно...

Благородству нет предела —
повсеместно и всецело

7/29/22

* * *

Тысячелетье на дворе
давно иное, что печально,
хотя — казалось изначально,
что славным выйдет кабаре.
Но в первой четверти пока
сплошной регресс в средневековье,
и не секрет, что Подмосковье
в том не последний кружит па...
А по сравнению с порой,
когда наш крик звучал впервые,
настали времена лихие,
уже сравнимые с Ордой.
Минувший обожжённый век
был страшным в первой половине,
но после, как ручей в долине,
случился некий имярек

надежды, музыки, стихов
шестидесятых и позднее,
но не хватило корифеев,
и свет укрылся в сферы снов.
Должно быть, так не в первый раз
сплелась во всём закономерность,
вопрос сулит былую дерзость:
...Какое, милые, у нас ...

8/08-30/21

ЗАВЕРШЕНИЕ СЕЗОНА

Расклад нелепых перспектив:
Инфинитив из инвектив,
и мягкий знак — печать на приговоре.
Ритм исчезает и мотив,
волна печалит объектив,
всё покрывает нарратив —
чего же боле...

Нет прежних тамбуров в астрал,
безлюден некий пьедестал,
чудит волна внизу у скал, как на параде.
Мир замер, он тревожно мал,
и даже грустный нелегал
взгляд от Гудзона оторвал
и молвил — «бляди...»

Такой вот лета посошок,
из восприятий — только шок,
зато полезен артишок, рецепт от сглаза.
От аллегорий малый прок,
но чётко выучен урок —

колени, пауза, шнурок —
иная фаза.

И потому не по пути —
расклад нелепых перспектив

8/26-29/21

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Взлёт... Станет вызывающе смешно,
настолько, что ни слов, ни слёз не хватит...
Гипотенузу поцелует катет,
рыцарь дракону проиграет в домино.
Пришельцы обоснуют свой отлёт
благоприятной сводкой о дельфинах,
в иллюминатор отступившая рутина
спасёт застывший над болотом самолёт.
Синоптики объявят форс мажор
касательно оконченного света,
смешная ария из Верди — *Риголетто*
нелепо канет в бородатый анекдот.
Крым возвратится в лоно Генуи,
в инверсии печально гордых греков
пророки адресуют имяреку
интерпретации стоящих на краю.
И смех утихнет, прозвучат слова,
в слезах необходимости не станет,
и новое значение «за грани» —
незримо образует острова

3/24/21

* * *

Мы порой надоедаем вещам,
словно осень полевым овощам
или море золотому песку,
как гаданье на любовь лепестку.
И случается тогда передел
констатаций и запущенных стрел,
обобщений как несказанных слов,
смысл пробелов, изречения «улов».
Затихает та душевная боль,
что приходит за глаголом «позволь»,
и негласно обретают места
современники, кому за полста.
Мы порой недоуменно молчим,
без особых на то веских причин,
просто мы — надоедаем вещам,
и они всё несозвучнее нам

6/08-25/21

СТОРОННЕЕ

Человек становится смешон,
в тот момент, когда накинув капюшон,
вдруг поверит в то, что стал неуязвим
для различных происков и зим.
Даже в самый светлый майский день,
в модной треуголке набекрень,
человек аляповато слаб,
не спасает погружение в нахрап.
Индивидуум валится в подвид
даже если совесть захандрит,
пусть самоуверен и мосласт,
всё равно — не больше чем балласт.

Взгляд со стороны необходим
даже тем, кто гордо нелюдим,
чтобы в ретроспекции, потом
не остаться жалким мудаком

5/23/21

РЕТРОСПЕКТИВА

В ретроспективе — сложен логарифм,
уже внедрён, но до конца не согласован,
и то, что изначально было новым,
неважно даже в отражении рифм.
А степень в основание ввести,
чтоб обрести значение аргумента,
сродни печали, не всегда эквивалентно
тому, что выбрано случайностью пути.
Неоднозначность вариантов вопреки
любви, которой стоит опасаться,
порой доступна в написании абзаца,
а значит, зачастую не с руки...
Семидесятые, кончающийся май,
всё отцветает, алгебра нелепа,
она смугла и почему-то верит слепо,
что всё решит простой шиповный чай.
А он растерян, виноват и уличён,
но слишком юн ещё для оправданий,
пунктиры совершившихся желаний
там досконально, совершенно ни при чём.
Ответы позже обнаружил океан,
но материк другой и век, и уравниенье,
и только светлое, бывшее сожаленье —
вне времени, статистики и стран

5/5-29/21

ЛАДИСПОЛИ VI — АДАЖИО

Поболеть за «Венецию», в первенстве Серии «А» — сумасбродный поступок, и не без налёта эстетства, но взглянув на таблицу, свой промах вполне осознав, предпочтение — «Лацио», как в исчезающем детстве. Нас тогда подобрался сплочённый, смешной коллектив — две сестрички-погодки из рода тбилисских красавиц, ленинградский скушающий сноб,

блатной симферопольский скиф,
я, рижанка Карина, минчанка Марина

и странный один итальянец.

Перевальные будни в Ладисполи — тёплый февраль, все мы в раннем отрочестве, только с Кариной — неясно, и густую романтику Блока, где рядом с аптекой фонарь, проживаем реально, наивно, с влюблённостью страстной.

И порой исчезаем с уроков английского поездом в Рим, в семьях всем не до нас, там решают,

что дальше и как это будет,

ну а мы на Испанских Ступенях¹, уже досконально — свои, узнаём перезвоны костёлов, за что нас никто не осудит.

И когда на Ступенях народ вдруг решает идти на футбол — чтобы «Лацио» смог как-то выбраться в высшую лигу, итальянский наш друг нам мучительно всё перевёл, и тогда наши дамы склонились к решению — мы за интригу. На Олимпико Стадио, как в Колизее, грешно — атмосфера корриды и жуть гладиаторской бойни...

Мы с одной из тбилисских сестричек сбежали оттуда в кино и потом целовались, нелепо робея у стен колокольни...

¹ Испанская лестница в Риме — одна из визитных карточек города, очень популярное место среди туристов и местных жителей.

Малолетние беженцы от комсомольской судьбы,
в зыбко-нервной Италии восьмидесятого года
мы, наверное, били рекорды на поприще быстрой ходьбы
до центрального Термини по Чинквеченто в любую погоду.
Жаль, что в том непонятном сезоне, мы «Лацио» не помогли,
клуб вернулся, откуда был изгнан, когда мы уже улетели,
только вот за такие, волшебной весны, февраль,
в послесловии стоило быть погружённым в большие метели.
Мы не все попрощались тогда, и не знали куда
улетели родители скифа, Марины и сноба
с Васильевских линий,
но в принявших нас за океаном,
ставших родными больших городах,
нереально порою болеем за «Лацио»
в нашем отроческом Риме...

10/31/21

ВЫХОД В ОСЕНЬ

Остаться над схваткой —
искомый и редкий талант,
не навязывать мнений,
услышать и даже поверить
проступившею складкой
на лбу, под дождливый диктант
и с урчащим котом на коленях.
К незапертой двери
обратиться лицом
и увидеть в проёме луну,
под звучанье Шопена
вина пригубить из бокала,
медь сравнить с образцом,
вспомнить и не увидеть вину,

возвращаясь из плена
забытого публикой зала.
Выйти в осень, вдохнуть
и на выдохе вновь обрести
ту душевную лёгкость,
которая необходима...
...Видеть сны... лишь... уснуть...
и во снах в Эльсиноре гостить,
несмотря на неловкость
Офелии, столь беспричинной.
И когда станет ясен
всё тот же нелепый сюжет,
оставаясь над схваткой
который решить невозможно...
Её профиль прекрасен,
но выбор — уже сотни лет —
при отсутствии такта
останется картой дорожной

10/12-18/21

* * *

Вкрапление осени в Саганаж, —
август. Магический пейзаж,
где в нежных сумерках фонари
цитируют кратко — «не говори...»
стихи возникают из брошенных фраз,
но не для журналов и книг в этот раз,
а словно ручей в неблизких горах,
скорей в облаках, чем на мятых листках.
С не красных ещё галицийских полей,
они не проходят в «Гиперборей»¹...

¹ Престижный литературный журнал начала XX века.

Но в этом не видится неудач,
не сыты ещё ни ворон ни грач,
пока не случилось надломов и краж —
вкрапление осени в пейзаж

8/09-14/21

* * *

Я вышел из Египта налегке,
в толпе таких же — ни левит, ни коэн.
Мы шли по направлению к реке,
но ненароком собрались у моря.
Про то, что было дальше — не секрет,
хотя интерпретации разнятся
об этом. И том, что сорок лет
к Обетованной было не добраться.
Тогда я всё же видел Ханаан,
мне те холмы и камни часто снились.
Во все века красоты разных стран,
как зеркала, об этот образ бились.
И всякий раз — погромы и война,
кровавые наветы, рвы с телами —
волшебный образ заживлял сполна
всё то, что нелюди толпой творили с нами.
Я снова у еврейских стариков
рос, набираясь мудрости и знаний,
и всякий раз уверен был, что ров
лишь временной обход из подсознания.
И поднимаясь в Иерусалим,
не ведая сомнения и горя,
простую истину, что — ани ехуди¹
я знал, как и тогда, в толпе у моря

4/8-24/20

¹ יהודי אני.

ВИСОКОСНОЕ

*...Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчёлы Персефоны...*

О. Мандельштам (1920)

Всё из-за одного дня, холодного изначально,
ему не хватило огня — изысканно и печально.
Заброшенная зима кашлем зашлась на вздохе,
в небе плывёт бахрома — и шансы рассвета неплохи.
Обыденность новостей... Абсурд уже стал привычен,
дышит накалом страстей и пафосных безразличий.
Наставшие времена смешны и страшны в перспективе,
крадётся дворами война, проводит манёвры в эфире.
Ценностям — грош цена, совести, чести, отваге —
их захлестнула волна обмана и паточной влаги.
Казалось бы, как всегда — лжи ни больше ни меньше,
сказавший единожды — «да» — слывёт високосно-вещим.
А лишний в месяце день бывает не так уж часто,
немного ещё — и сирень, прочь негатив напрасный.
Всё так, но похоже, что невыученным уроком
упавшее в снег пальто Пушкина... стало роком.
У ненависти всегда тактически больше смысла,
а из любви, в города — только поэзия вышла...
Она — нелепа, смешна, гонима с эмпатией вместе,
им, нежным, не совладать с потоком вражды и мести.
Но так далеко не всегда — подробней об этом у Эко,
порой високосны года, но нет високосного века

2/15/20

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПРОЗЫ

Високосная книга на втором языке
выдаётся к веригам, чтобы жить налегке,

чтобы верить прошедшим, ослепившим снегам,
ритм всегда сумасшедший и во всём пополам.
Поколения бывших, из советских времён,
кроме жести одышки, водрузили на трон
несуразно и рыхло записного лжеца,
и боятся, что, вспыхнув, не увидят конца.
Молниеносно и рвано, уходя из-под ног,
как зажившая рана, тормозит эпилог.
Будет новая проза, в клочьях старых стихов
прозвучала угроза непришедших богов,
и к чему обстоятельств завитых канитель,
если сонм обязательств заглушает постель.
Гравитация станет понемногу другой —
сход лавин в Пакистане и в Рейкьявике зной.
По традиции грянет тот *решительный бой*,
по какому предъявят и отпустят домой.
Только дом переехал, изменился язык,
передвинута вежа, улетел материк.
И становится ясно, что с возникшим плато
разговоры напрасны, и совсем не о том

2/27/20

ЭКЛОГА

Однажды с греческой турчанкой мы говорили об эклогах,
в её прононсе англичанки я почерпнул довольно много...
и диалог, имевший место в моей студенческой каморке,
где и вино было уместно, и мимо текста оговорок.
Она была брюнеткой жгучей, а я недавним иммигрантом,
не веривший в счастливый случай и репарации Антанты...
Ей столь не мил был Старший Плиний,
всё низводивший к пасторали,
что я её загарных линий коснулся вдруг и мир, едва ли
качнувшись вправо или влево, мимо Камозенса с Рибейру
отправил нас ещё несмело под облака благоговейно.

Всё это почему-то длилось, я становился киприотом,
она же русскому училась, и не было у нас заботы,
кроме одной — из де Миранды я знал, что будет Сумароков,
а ей советской пропаганды недоставало на уроках...
Она хотела убедиться, что всё уже не так в Союзе,
порой разыгрывая в лицах эклоги радужных иллюзий.
Ей мой настрой республиканский,
в антисоветчине погрязший...
Однажды, в предпоследнем трансе
мы согласились, что увядшим
стал диалог... И слишком сложным. Она считала себя падшей,
прокрустовым, скрипящим ложе,
к тому же я был на год младше.
Мы с нею весело расстались, бывает так на третьем курсе,
при встречах жарко обнимались в стиле Антониу да Круза.
И как-то раз с другой подругой, что станет бывшею женою,
мы шли парижскою округой вполне увлечены собою.
Окликнув из кафе напротив, смеясь, турецкая гречанка
цитатой из Варрона бросив... И семисложной стала танка.
Тот вечер был незабываем, пусть даже слишком предсказуем
и нынче вспомнился за чаем, эклоги явно не минуя

2/16/20

НЕСПЕШНОСТЬ-НЕВЕДЕНИЕ-ПОДЛИННОСТЬ

Есть таинственная связь между медлительностью и памятью, между спешкой и забвением. Напомним самую что ни на есть банальную ситуацию. Человек идёт по улице...

Милан Кундера

С собакой не выйдешь на улицу,
в доме кошачий мир,

чего там — шагать, сутулиться,
как делал французский кумир.
Он прежде в Чехословакии
оттачивал ремесло
и вывез словесную магию
на запад, юг и восток.
Банальны детали о севере,
да только — не в этом суть.
Нынче не пишут перьями,
и с улицы не свернуть.
В этой начальной стадии
пока ещё нет патрулей,
но предсказать исчадие
не смог ни один книгочей.
И если налог на дыхание
одобрит избранный сброд,
все дерзкие начинания
рассыплются у ворот.
И станет не до бессонницы,
отменят выгул собак,
а там до карающей конницы
уже не миг и не шаг.
И потому зачитываясь
Кундерой допоздна
и, не теряя бдительность,
стакан осушив до дна,
кошку погладив размеренно,
в наставшие времена
выйти за дверь уверенно,
как из плохого сна

4/04/20, Chicago

* * *

Павлу Рыцарю

В канун ангины на Печерске
троллейбус в двух шагах от Чешской¹,
абсурд преолимпийских шествий,
«Динамо» мается с «Нефтчи»...
Томящий зуммер в телефоне,
Жеглов отважный в «Электроне»,
и в общем всё это на фоне
того, как в даль летят грачи.
Невелика, поди, забава,
но есть кинотеатр «Слава»,
и это искренне немало,
во что тоску не облачи.
На «Похищение Савойи»²,
успели с ней в осенний вторник
после нерадостной контрольной,
а в Ботаническом — лучи.
Сегодня — осень ближних прерий
и музыка иных мистерий,
но Городу нельзя не верить
без грусти, действий и причин.

11/24/20

* * *

Нас становится всё меньше —
все уходят в уберменши.
Вовсе без аллюзий к Ницше,
по накатанной — привыкши.

¹ Улица в Печерском районе украинской столицы.

² Советский фильм, лидер поката, в 1979-м году.

Программисты и поэты
в рассуждении об этом
бьют в набат по всей общине,
аргументом ощетинясь,
что иначе — будет хуже —
в рейх — комфортнее, чем в лужу.
Щепки при убийстве леса —
плата на пути к прогрессу.
Что истории уроки —
ерунда: доносы, сроки?...
«Слева — чернь, центристы — квёлы,
сильный вождь — вполне толково!»
Ну а то, что не начитан,
так ведь это — нарочито.
Что замазан в нечистотах,
ну так в этом суть работы.
Уберменш — затем и выше,
чтобы клёкота не слышать.
Комсомольского задора —
как слова про вынос сора,
суть партийной дисциплины —
не берёзы и осины...
Да, издержки неизбежны —
вождь нацелен на промежность.
Демократия отпела...
Уберменш намерен делать
здесь, как там — где суверенно,
дело партии — нетленно.
Предстоит ещё отчаянье —
как неприглашение к чаю,
вспомнится происхождение,
но всё это — обобщенья...

Предсказуемость — печальна,
так вершилось изначально...
Сострадания — всё меньше,
все уходят в уберменши

8/28/20

ИЗЪЯН

В стихотворении обязан быть изъян —
неправильное имя героини,
некстати влившийся, нелепый англицизм,
метафора, скабрёзная по форме,
какой-нибудь зарвавшийся глагол,
сравнение такое, чтобы критик
не хмыкнул снисходительно, а взвыл
и разразился грифом — «не печатать!» —
А лучше — сразу — «на х... — расстрелять...»
И чтобы от расстрела рвать по крышам,
придумав к слову «выхухоль» падеж,
из-за которого раздевшаяся муза
сверкнув глазами, вышла б на балкон
и в гневе перепрыгнула б к соседу,
рискуя поцарапаться о ржавый,
торчащий там балконный самокат...
Тут не отделаешься лишней запятой,
изъян, как загулявший печенег,
обязан быть почти неисправимым,
как клякса — в семьдесят четвёртом, в сентябре,
когда чернильницы ещё не отменили,
но старшекласницы неистово могли
цитировать Набокова и Лемма...
В изъяне этом, словно в казино,
должна таиться некая опасность,

не то, чтобы грозящая статьёй,
но чтобы ополчились либералы,
а консерваторы чтоб воротили нос,
шепча друг другу — б..., ну как же можно!
И всё же главное — в широкой перспективе
чтобы внезапно, как в немом кино,
широким жестом, нерешённым уравнием
изъян бы испарялся в горизонт
как неприкаянный «Голландец» из легенд,
и чтобы было не к чему придраться

12/06/20

РЕКА ОЛЕТА

Саше Росину

Река Олета, мантра облаков,
калифорнийская мелодия Флориды
от временных явлений января —
означенных прохладой и туманом,
палитра цвета — отражение основ...
У скептиков — весь антураж Фемиды.
На рейде, не тревожа якоря,
маячит лайнер полуиностранный.

Зима на крайнем юге — феномен,
не занесённый в праздные реестры,
но для короткой прозы — в самый раз,
диктантом променада — гул прибоя.
Он чем-то даже сладок — этот плен,
когда отлёт отсюда неуместен
на Средний Запад, где всю горазд

тяжёлый снег — как соло для гобоя.
Куда уместнее читать под крепкий чай,
как подобает, перелистывать страницы,
внимая стилю, чувствуя строку
под крики чаек, сознавая трепет слов...
При этом слышать волны невзначай,
невольнo пеликанами гордиться,
ответить в рифму на остроту рыбаку,
жалeя засыпающий улов.

Устав от повсеместных новостей,
сочащихся изъясном в диалоги,
стремиться мысленно в мерцающий Ки Вест
как на другую, недалёкую планету,
не внемля той риторике вестей,
где в ощущениях — избитые пороги,
предпочитая ей далёкий лес
и мантру облаков реки Олеты

1/10-11/19

ЭТЮД

Уходит в меланхолию Пьеро,
изъясн не помешает Паганини,
нелепый некто, заигравшись в Пуаро,
на много лет отвадил героиню.
Погодных аномалий череда
приводит за собой закономерность,
влюблённая в сплошное никогда —
она опровергает достоверность.
Так тихо на безлюдном берегу,
что даже чайки верят в совпадения —

и первый отблеск молний на лугу
с ней не поладил в области круженья.
Претензии и прочие клише
столь неуместны в пригороде Рима,
что, помянув о ломаном гроше,
она бывала музой пилигрима.
У варваров есть роль во все века,
регресс необходим для перспективы,
и так, чтобы уже наверняка,
она вернётся в рамку, на картину...
Пьеро спиртного дух не выносил,
у Паганини не было изъяна,
смутил Агату Кристи — Дебюсси,
а героиня вышла из тумана.
И потому из эфемерности слова
звучат до тех лишь пор, пока красивы.
Гарантию вступления в права
ей выдали в отсвете Хиросимы.
Когда возник из будущего штрих,
к тому же замерев на нотном стане,
незавершённый, обронённый ею стих
так и растаял в титрах на экране.

1/31/19

ЛЕТКИ¹. БЫЛЬ

Однажды я погиб под Киевом, смешно, нелепо, непредвзято,
не защищая, не форсируя — в два года. В шестьдесят девятом.
То было лето познания, в деревне, на Десне. На даче.
Когда телёнка на закланье вели... И не было иначе.

¹ Летки (Літки) — историческая местность под Киевом на реке Десна. В 60-х и 70-х годах минувшего века — дачный посёлок.

Я двух котят экспроприировал
с крыльца колхозной сторожихи,
но был впоследствии помилован
в период цветенья облепихи.
В тот год она цвела неистово,
хотя порядком запоздала,
и в «Чайке»¹ монолог изысканный
звучал в эфире у причала...
У нас сестра гостила мамина —
подальше от соблазнов города,
она как раз сдала экзамены,
я прихворал, и к судоходному
высокому, крутому берегу нас в плоскодонке переправил
немного пьяный, но растроганный
и одноногий дядя Павел...
Пока располагались женщины
в преддверье пляжного досуга,
я, видимо, уже застенчивый
вниз сиганул прибрежным лугом.
Что очень странно, восприятие
с тех пор со мной, печально острое,
так завершается занятие, ещё не начатое Господом.
Я погибал, ещё не пуганный,
безвинно, даже безответственно,
в Десне, не меченой запрудами,
светло, размеренно, естественно.

¹ Автору непонятным образом запомнилась трансляция телеспектакля тем летом, особенно, почти дословно монолог Нины Заречной.

Смирилось даже провидение, но мама не могла смириться
в проекции изображения. Её поступок... Очевидцы
все как один были уверены — таких спасений не бывает,
и моя гибель стала временной, только порою накрывает...
Невероятным наваждением

всего, что не сбылось тем летом,
я матери двойным рождением вовек обязан. Но об этом
ни прозой, ни поэмой виевой не осознать, не преумножить...
Однажды я погиб под Киевом, но мама выбрала продолжить

10/16/19

АЛЛЕГОРИЯ

*«... а к столу, между тем, подавали форель,
и вино согревало сердца... Канделябры горели...»*

А. В. Макаревич

Обитель в Подмоскowie, эклектика — сезон.
Тень прошлого прокралась с комфортом на балкон:
весь вечер на арене — потомок палача,
под лоск местоимений люд внемлет, хохоча.
Гость шутит и шаманит — что в нём уже никак:
в потомке отдыхают сапог-наган-тесак.
Хозяева салона — радушие и шарм,
а в небе безвоздушном — дрон выполняет план.
В углу стоит гитара, её черёд придёт,
такой принёс подарок тевтонский рифмоплёт,
он числится поэтом, без виз славянофил,
но нынче не об этом. Едва хватает сил
прилежным кукловодам, чтоб собранный народ
сидел, хвалил погоду, был приглашеньем горд.

Здесь чисто элитарно — сплошные москвичи,
провинции бездарной сюда не проскочить...
Беседы кулуарны — о вечном, о душе...
Почти звучат литавры, альт, скрипка — как клише.
Но вот в чём незадача — потомок палача
шлёт лексикой невзрачной альтистку на... причал.
И зреет нечто вроде размолвки на балу,
и как раскукловодить подобную хулу...
Пелевин не подскажет, Сорокин не ссудит,
а лексика всё гаже, и москвичам претит
токсичность атмосферы, роящийся скандал,
и морщатся химеры с фасадов Нотр-Дам
на купленных намердн у антиквара Ли,
веков как будто средних — гравюрах, фресках ли...
Но кажется, залито вином елейных фраз
нутро антисемита хозяйкою на раз...
Увы, потомок — нервный, он столько пережил,
не он альтистку первый здесь матом обложил...
Но снова не об этом, грех прошлым ворошить,
здесь собрались эстеты — к чему батон крошить...
История болезни — той, рухнувшей страны,
остались только песни, нет ни на ком вины.
Разъехались под утро, кто мог быть за рулём,
а бережливым, мудрым — есть комнаты внаём.
И так по кругу. В этом изысканный резон —
всегда подругу друга здесь приютит салон.
Но если не пропитан, а предок не палач,
не вышел колоритом, не обессудь — без сдач.
Немало в Подмоскovie приютов у воды,
Всему своё начало, как эпилог беды

4/03/19

НА УЛИЦЕ МАККЕЙНА

Андрею и Свете Тищенко

На улице Маккейна¹ всё те же тополя,
грузинская кофейня в тридцатых номерах,
в названье неуместном несовпадений мгла,
здесь мироточит детство сквозь воздух и слова...
Есть школа возле дома, где начинался бой —
такая идиома мерещилась в застой,
есть стадион, — доныне известный атрибут;
те окна, что родные, мелькнуть не преминут.

На улице Маккейна я — пришлый гражданин,
и всякий раз в смятенье здесь исчезает грим.
При каждом воплощенье, приходом в детский двор
даруется прощенье за прежний *невермор*.
Порой с друзьями детства пируем за столом,
прочь позы и кокетство, нам с ними есть о чём...
Бывает не до смеха — настали времена,
я так давно уехал, а к ним пришла война.

На улице Маккейна — особый микрокосм —
печаль благоговейна, претит апофеоз...
Грань умиротворенья, когда кругом Печерск,
планетное соседство — ручья Седоны плеск.

¹ Улица в центре Киева (Печерский район), названная именем Ивана Кудри, советского подпольщика-диверсанта времён Второй Мировой войны. Решением Киеврады в 2018-году переименована в улицу Джона Маккейна, американского сенатора, друга Украины, искренне поддерживавшего её территориальную целостность и устремления быть частью цивилизованного мира демократии и европейских, западных ценностей.

Здесь на Ивана Кудри — то, нет чего нигде,
сморкает марш бравурный, изъяны в правоте.
Весть на пересечение того, чему не быть,
вход в то предназначенье, которым дорожить.

От аризонских прерий, в долины красных гор,
отсветов и мистерий, вьетнамских снов и пор,
афганских катаклизмов и югославских войн,
на улице, сквозь призму от бойни городской...
На улице Маккейна шаг призраков ночных —
подпольных отречений, облавы резкий крик...
На улице тревожен апрель и в наши дни,
вот только невозможно быть прошлому сродни

4/07/19

III. Диорама

СИРЕНЕВЫЙ СОНЕТ

Сирень, которой нечего скрывать
даже в нелепой увертюре марта,
в самоотверженной эстетике азарта
открылась солнцу как на поле битвы рать.
Пусть преждевременно, но честно и светло,
не ведая, что снегу и морозу
ещё доступна её чувственная поза,
и чем чревата перспектива наступать.
Но всё же провидению видней,
каким весенним следовать повадкам,
пусть даже наважденье полусладким
покажется в течение этих дней,
отрадней быть рачительно смелей,
чем не у дел, на осторожность падкой

3/12-30/24

ЗАКЛИНАНИЕ

Не спрашивай у плачущей души
как далеко до близлежащей остановки,
душе не хватит ни лукавства, ни сноровки
сказать как есть — что нет там ни души...
И что всё это временно — и боль,
и даже радостные все предощущенья,
лишь относительно прозрачные мгновенья —
снижающий отчаянье бемоль...
Оставь свой риторический вопрос
до тех времён, когда он станет лишним

в закатной Праге, утреннем Париже,
и в тех краях, где по проспекту шарит нос.
Всё столь непредсказуемо уже
в реальности, нагрянувшей подспудно,
что плач души стал делом неподсудным,
враз нивелировав расхожие клише

1/14/24

СИНОПСИС СЕРИАЛА

Когда рефлексия напомнила рыцарю замкнутый круг,
все акции круглых столов закупила его же прекрасная леди,
а рыцарь пошёл по рукам её верных подруг,
и в этом процессе уже не следил за обилием снеди...
Тогда сарацины и праздные тролли собрали хурал,
где приняты были совсем не простые задачи,
но всю эту ересь прервал заводной аксакал,
заехавший в роли эксперта с востока на дальние дачи...
Такие вот снятся вполне високосные сны
потомкам всех лиц, невпопад перечисленных свыше,
всё это накладно для общей глобальной казны,
в контексте упрямо покинувшей станцию мокнущей крыши...

1/16/24

* * *

Прикосновенен ли запас
черновиков и прежних фраз,
и муза по утру анфас
давно верна иным касаньям,
но блеск её бедовых глаз
хранит тот трепетный экстаз,

какой не нужно напоказ,
как в назидание...
Настали, право, времена:
с ума сошедшая страна,
всю обнулив себя до дна,
забавой стала пахана —
маньяка и дегенерата.
Там четвертована вина,
и не ухожена стена,
где хоронили имена
зло и предвзято.
И эти строки ни о чём,
будто задетые плечом,
с пенсионером-палачом
беседы праздны.
Неоднократно уличён,
чем дед ничуть не удручён,
привычка — ковылять с мечом
так безобразна.
И потому здесь будут жечь,
наивны речи про картечь,
давно пребудет в трюме течь
больших масштабов...
Когда косноязычна речь,
уже неважно, с кем прилечь,
приказ по трюму — пренебречь!
Так им и надо

2/26/24

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Родившийся в Алжире брадобрей
поведал мне в процессе модной стрижки,
что я по сути «так себе еврей»,
не глядя на прочитанные книжки...

Что мне — ортодоксальная кипа
неоднозначно и реально б пригодилась,
но так, как я витаю в облаках
или в стихах, то мне и не светилося.
Он констатировал, что идиш и иврит
в моём мозгу — сродни вьетнамскому наречью,
и что с боков неправильно лежит
пробор, всё потому, что я беспечен.
Он причитал, что мало в наши дни
жениться на брюнетке-полукровке,
что свечи — не бенгальские огни,
и что в субботу меня видел на тусовке.
Напомнил, что я будучи трэфным,
позорю тех, кто за меня страдали,
и что Россия мерзко спёрла Крым
из-за того, что я лишь слышал про скрижали.
Когда я робко парикмахера спросил,
в каком кибуце он засеивает грядки
он счёт мне за услуги предъявил,
пересчитал и сделал вывод: всё в порядке.
Мораль: Каким бы не был разговор
всё относительно, и суть неоднозначно,
Рэб Моисей не для того спустился с гор
чтоб принести хаверим отсебятин

2/28-29/24

ВАРИАНТ

Два бронепоезда на въезде в Благовещенск
благую весть осуществят потомкам
о том, что дроны, оснащённые картонкой,
двух нелюдей упаковали в недовечность.
А третьей нелюди всё это показалось
настолько вопиющим святотатством,

что из процессов по предательству-злорадству
он вышел в дверь, и только лужица осталась.
Мир выдохнет: три демона порока
без предварительных угроз слепили ласты,
но в мире снова всё погрязнет в склоках
и прочих вариантах прежних фарсов

9/04/23

ЖЁСТКО-СРАВНИТЕЛЬНОЕ

А если, к примеру, подобный расклад:
дроны по Пресне, ракеты по МКАД,
смерть в переулках Арбата,
на Патриарших — горящая стекловата.
В Сокольниках — жёсткий танковый бой,
в Крылатском — сирены обыденный вой,
во Внуково — вертолёты
с жестокой, чужой пехотой...
А в Переделкино не до стихов,
там, надругавшись, сбросили в ров,
тот, что у речки Сетунь,
женщин убитых, раздетых...

Достаточно? Или к примеру ещё —
по многоэтажкам Беляево бьёт
на бреющем краснозвёздный
«МИГ», и пилот опознан...
Когда он был после в Капотне сбит,
взятый живым, но сразу убит
обезумевшей теробороной,
выжившей после налёта дронов...
Ну что, не смешно, не мило?
В Киеве всё это было...

9/05/23

* * *

В лавке жены алхимика
всё зыбко и непредсказуемо...
И лет ей наверно четыреста —
жене или лавке, не ясно...
Бессильны слова и мимика,
реакции не описуемы
агностикам, равно как выкрестам,
здесь рады отнюдь не часто.

Приказщицы — феминитивны
внешне и даже лексически,
вопросы не поощряются,
и с мыслями осторожней...
Диссонанс — вполне когнитивный,
переносимый стоически,
и призраки здесь зарекаются
тюрьмой и сумой порожней.

Здесь странен язык общения,
похожий на арамейский,
необъяснима загадка,
что траектории мнимы.
Все склонности к обобщениям,
как дань глазам эритрейским,
что на конфликты падки,
отсюда и шанс пилигримам...

И потому, наверное,
сочтя недоразумением
подобное пребывание
в неоткрытом ещё измерении,

к погоде, довольно скверной,
в горстку собрав мгновения,
вопреки возникшим желаниям
долг не оплачен временный

9/18/23

**КИНОТЕАТР «400»
НА УЛИЦЕ ШЕРИДАН В ЧИКАГО**

Памяти Ильи Рудяка

Кинотеатр настолько повторного *sine*,
что прошлое в нём
становилось былым настоящим,
на яркой осенней траве
заблудившийся иней,
как луч на экран
проецировал прежнее счастье...
Пары кружились
не в танго и вальсе как прежде,
и даже не пары, а лёгкие, светлые тени...
И неуместность пылинок у них на одежде
из проступающих в сепии
кадров их прошлых рождений...
В кинотеатре места не согласно билетам,
проданным в кассе
на бледной дешевой бумаге,
а по наивным, причудливым
грустным сюжетам,
тем что возможны в Стокгольме
и, может быть, в Праге.
Плётка в проекторе
рвётся всё чаще и чаще,
киномеханик погиб
при давнишней облаве,

но на экране у девочки —
яркий сиреневый плащик,
мальчик его подаёт ей, не будучи вправе.
Кинотеатр на пересечении снов и ответов
и переулки, застывшие кадром у озера-моря
всё же разумно закрыли несбывшимся летом,
и этот аккорд завершающим станет у горя

9/20/23

* * *

К Офелии¹, не Констанции,
суббота, на юго-восток,
в каких решают инстанции,
что осени этой впрок?
Сентябрьской Филадельфии
уместно прощать грехи,
никто не рождается эльфами,
но как гитара звучит —
рискованно и на грани
в смуглых, умелых руках,
как дед её хулиганил
и как разбирался в стихах...
В прибрежном и близком Джерси
весь в шахматах волн океан,
стихи иногда против шерсти,
особенно наших стран.

¹ Офелия — сентябрьский тропический шторм ураганного сезона 2023 года, принесший порывистый ветер и проливные дожди по всему восточному побережью США. Штаты Пенсильвания и Нью Джерси, согласно прогнозам синоптиков должны были быть больше всего задеты стихией. Написано в турбулентности на борту самолёта следовавшего из Чикаго в Филадельфию.

Весь прежний расклад предсказуемый
зовут в тех краях «bittersweet»,
дождя пенсильванского струями
ветер из прерий корит.
И только печаль благодарности
за музыку и стихи...
Реминисценций янтарности
светлые... Вопреки

9/23/23

ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ II

В абсолютном немом сомнении
в постоянном несовершенстве
нерешительно поколение,
растворённое в рифме женской.
Так беспомощно и предвзято
не сумевшее удивиться,
должники из шестидесятых,
заявивших права родиться.
Растерявшие, не сумевшие,
непрощённые и чужие,
в прошлом-будущем надоевшие,
всё же жили здесь. Правда — жили

10/02-20/23

РЕФЛЕКСИЯ

Рожденье виноватым — не порок,
скорее сподвигает на поступки...
Нелепо зашибаясь о порог,
успеть во чрево старенькой маршрутки...

И в серединном списке кораблей
не отыскать названия такого,
чтоб удивить её и вновь остаться с ней,
но в облике кого-нибудь другого.
И всякий раз присутствие своё
оправдывать стечением обстоятельств,
вернувшись из придуманных краёв
всех неоправданных, но зримых посягательств...
Не продолжать, но оставаясь на плаву,
твердить заученно и в чём-то обречённо —
я вас любил... Во снах и наяву,
но резко и смешно. Ожесточённо

10/04-20/23

ДАР ПРОВИДЕНИЯ

Пилоту Мертенсу¹ давно не по себе
в невзрачных дебрях гордого Папуа...
Противоречить собственной судьбе,
словно печаль молитвы тратить всуе.
Особенно, когда тончает нить
и от случайных совпадений нет дыхания,
снисходит череда благоволить
вне ощущений, суеверий, созерцанья.
Как правило, пилотам не до слёз,
у них — на подсознание перегрузки,
воздушный коридор идущих гроз
по умолчанью может выйти узким.
И потому наличие причин
необязательно в логической цепочке,
дар провидения — без следствий и причин —
пилота Мертенса вернуть жене и дочке

11/08/23

¹ Новозеландский лётчик похищенный сепаратистами в Папуа.

* * *

Памяти Максима Кривцова

«...як звали котика Максима?..»
Детали всё невыносимей...
От жажды мести до бессилья...
Ну как же так?!! Ещё вчера —
мы обсуждали переводы,
чи є синонім — «антіподи»,
точней — «нарешті» или «згодом»,
и кровоточит ли кора...
Как быть предельно осторожным,
все прорицания возможны,
про смерть — в ніякий раз не можна!
Как старый поучал поэт...
«No colors anymore...» — звичайно,
ті сльози, ніби жах Почайни...
Нет неба. Выстрелом случайным.
Преобладает чёрный цвет

1/08/24

* * *

Три сезона «Фауды»,
восемь дисков Коэна
в доме стиля пагоды,
в цельном, ладно скроенном.
С логикой на паузе,
в стоицизме камерном,
в подуставшей траверзе
на столбе неправильном.
В постреальной осени,
где уже всё выжжено,

а морщины — проседи
впредь — совсем не книжные.
Словно по инерции,
грустно и неряшливо
выбирают специи
мнимые присяжные.
В зиму, как в парадное
в детстве неустроенном...
Лишь сезоны «Фауды»,
только диски Коэна...

11/24/23

МАНХЕТТЕНСКОЕ

По полчаса на каждого,
вдохнём, томимы жаждою,
и прочитаем важное,
увы, для нас самих...
Среди пришедших избранных,
нам внемлют всеми фибрами,
пусть даже чуть наигранно,
и это тонкий штрих.
В седьмом ряду от выхода...
Она пришла. Неслыханно!
И что? Прочсть как выдохнуть
тот самый — давний стих?
Лет двадцать послесловию,
и все её условия
нарочно пересолены —
неполный зал притих.
Но драмы не получится,
каждый из них научится,
интрига улетучится
в забытый черновик.

Случайно после чтения
она местоимение
обронит откровением —
пойдём на Мортон стрит?...

11/24/23

СЕМИДЕСЯТНИЧЕСКОЕ

Старания кота свести на нет,
чтоб было всё опрятно и красиво,
и заодно прикинуть, сколько лет
мне истины никто не слал курсивом...
Ну например — к чему переживать
о том, над чем нет даже толики контроля,
что междометием умел определять
эстет на Нивках — алкоголик дядя Коля...
Или там, если вспомнить детский сад,
рядом с училищем военным на Печерске,
как воспитательница из шахерезад
на переключке называла меня дерзким...
О, детские сеансы — Дом Кино
на Саксаганского, в раздолбанном трамвае,
там в первый раз мне явится оно,
верней, она — имён не разглашаем...
А школьный новогодний огонёк
в таком, ещё наивном классе пятом,
вот где случился истинный урок,
ни дать, ни взять, но ловко, непредвзято.
Затем — вдоль стен — румынский гарнитур
и поезд — Киев-Чоп-Чьерна-Братислава,
по-итальянски — анатомия от кур
и, кроме этого, конечно же, немало...

реминисценций, что к двенадцати годам
уже вполне осознанная проза.
Я добр ко всем кошачьим именам,
чем нивелирую врождённые неврозы

11/12-30/23

ЛАДИСПОЛИ VIII

Телекомпания «RAI»,
поздний январь — Ладисполи...
Из под бровей Агарь
смуглая смотрит неистово...
Здесь в городке не чтут
«Красных Бригад» вакханалии,
новости жёсткие тут
на телевиденьи свалены.
После английского мы
на репетициях Пурима,
в телеэкраны глядим
с пивом «вприглядку» и куревом.
Наши учителя
на море исчезли неистово,
а мы, ничтоже сумня...
Агарь принялись заимствовать
во всех проявлениях греха,
доступного по телевидению
под нервное — ха-ха-ха,
такого ещё не видели
двенадцатилетние мы
и даже — десятилетние
беженцы из страны,
где «это» бродило сплетнями...
Но телекомпания «RAI»,

нас в этом из ступора сдвинула,
и всё, что творила Агарь,
покадрово с бедуинами...
запомнилось и сбылось
квантово-относительно.
Ладисполи. Солнце сквозь
жалюзи... Изумительно

11/23-12-27-23

ПРОШЛОЕ

Проснёшься... И рядом, нагая как осень,
актриса из пьесы по Шолом-Алейхему,
ей — двадцать четыре, тебе — двадцать восемь,
за шторами — Замоскворечье, не Бетлехем¹.
Век, полный предательств, крови и потоки,
в последней декаде и скоро весь вытечет,
и вы с ней — случайны, на искусы падкие,
вина — мимолётна, таких как вы — тысячи...
Спектакль удался, былолюдно и весело,
не в пьесе, а в жарком её послесловии,
партер с закулисьем вовсю куролесили
на даче посольства в былой метрополии...
Тебе в «Шереметьево», в Прагу и далее,
ей — к бывшему мужу, потом в «Домодедово»,
загарные линии, шёлк узкой талии...
Короткие письма, о том, что не следует...
Картинное время, как декорации
спектакля, такой ограниченной вечности —
ты там, где с отрочества — быт эмиграции,
она — в Федерации. В бесчеловечности

12/18/23

¹ תל בית (ивр.) Вифлеем.

РЕЦЕПТ ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВА

*Если бы можно было скрестить человека
с кошкой, это улучшило бы людскую породу,
но повредило бы кошачьей.*

Марк Твен

Человек — биологический пласт,
на такое неуместно горазд,
что потом не разгребёт даже кот,
как чудил этот больной идиот.
Например — завирусело в душе,
и давай творить по стилю клише,
или кашель приобрёл на ветру,
лает, словно волкодав поутру.
Человека невозможно любить,
он и здесь не обуздал свою прыть,
разучился доверять без затей,
сам не свой, да и по сути ничей.
Выход — просто мастер-класс у кота —
и отступит, отойдёт суета.
В основном здоровый, праведный сон,
в меру корма, негативу — заслон,
и полезный, ненавязчивый бег.
Становись скорей котом, человек

12/16-20/23

В ПРЕДВОЕННОМ МЕЖСЕЗОНЬЕ

Один из тех дней, когда лучше всего зарядить сериал
про чисто английские страсти в каком-нибудь замке...
И чтобы в прологе герой капитанил штурвал,
пока героиня умело маржирует снасти в пылу перепалки.
Затем по прибытии в гавань им дарят большого щенка,
такого, который ходил бы гулять на болота,

и если сюжет был написан не с дыр потолка,
весьма вероятно, что эта прогулка убьёт гугенота...
Ещё, вероятно, подруга графини уснёт в неглиже,
но в кадре за этим проснётся зачем-то изысканно голой...
осознанно встанет, набросит халат, в макияже уже,
и станет вовсю набирать телефон «чувака с Интерпола».
Служанка появится с целым подносом,
где сдоба и джем, серебряный чайник с заваркой,
как может иначе быть в пафосном замке...
И станет понятно, как ночью лишилась мадам неглиже,
ведь всё это время в постели храпел джентльмен неопрятный...
Как водится в Англии, это был конюх, вернее шофёр,
влюблённый в хозяйку-графиню,
но спящий с её небогатой подругой,
в душе он латентный двустволец, пройдоха и вор,
и к серии пятой, в загвоздке сюжета, убьёт герцогиню.
Герой Интерпола придет в пролётке, презрев «Мерседес» —
(здесь у сценариста запойного в Глазго случилась осечка,
вот так вероятно, тот конюх в сюжет и пролез),
отрадно, что в замке камин, не чадающая печка...
Герой Интерпола проводит дознание в комнате под чердаком,
в процессе склоняя служанку к негласно оральному сексу,
джаз по БиБиСи в общезамковый сеть-интерком,
и ветер поднимется в роще, отдавшей лесу.
К двенадцатой серии, «f» перечёркнуты, ставятся точки над «i»
и губы служанки лоснятся совсем по-другому,
теперь от помады,
уже в этом замке летят, а не тянутся дни,
и всё завершается в титрах под звуки «con toda palabra»...

Один из тех дней, когда лучше всего зарядить сериал

10/21/21–1/20/22

ПРЕДЗИМЬЕ

У вишенки на торте в самый раз —
сарказма, остроумия и прочих,
отточенных и бьющих в бровь и в глаз
сентенций всех декабрьских обочин...
Бесснежно, редко значит — не зима,
здесь — ветер с Мичигана наверстаёт,
так от души насыплет в закрома,
что не поможет даже дама с горностаем.
Железноптицый неврастеник Пикассó,
или Пика́ссо, как угодно будет панству —
предвидел через площадь марш-бросок
как образец промёрзшего пространства.
Отменный город, но пять месяцев в году
вот эти прерии — суть не для слабонервных,
мчать по хайвею в скоростном ряду —
штрих, выдающий склонность к постмодерну.
Но это грубо и эстетам не к лицу,
куда уместней сдать недрам кофеварен,
и отвечая на претензии истцу,
не отвлекаться на глаголы тёплых спален.
Мораль: не нравится чикагская зима,
снимай калоши и куда-нибудь мигрируй:
в Конфедерацию, к карибским островам,
в Район Залива, в мексиканские мотивы...
Последнее, конечно парадокс,
не заискрится даже в опыте пародий,
как «объективность спп», «гуманность fox»,
но не резон политиканствовать и шkodить...
Когда за катаклизмом катаклизм
грозит и вовсе весь проект переиначить

за жёсткий, алчный и кровавый формализм,
ползущий с рельс поставленной задачи:
где не убий, не возжелай, не укради
без обсуждений пребывали изначально,
не только в *датском королевстве* не ахти,
глобально — неоправданно печально.
Беда не в том, что скуден слог, фальшив загар,
что нравы питерской шпаны вошли в каноны...
Народу Книги протрубил беду шофар,
в приоритете псевдоумие и дроны...
А потому и вишенка, и торт,
сарказм с претензией — нелепо неуместны,
убавить пафос, подзакрыть на время рот,
и может быть — беда отступит повсеместно

12/27-28/23

ВЕРДИКТ

Отрадно, что прилив вовсю дерзит луне
и держится за край скабрёжности пейзажа.
Мой искренний поклон несдавшейся стране,
а в той, гнилой извне, попавшейся на краже...
на вторник не пришлось второе января,
и пятое... Хотя совсем не в этом дело,
но выпустив шасси, поднявши якоря,
уже не избежать прилётов и удела...
Зарывшись в ремесло порой писать стихи
на странном языке, приговорённом к яру,
как взрывы вдалеке предательски тихи,
так камерно бледны вселенские пожары.
И больше ни к чему цитаты из богов —

давно уже сквозит печалью в пантеонах,
и мёрзнут на ветру осколки от основ,
виновные живут в сценических прогонах.
И не до январей, июлей, нояблей,
где Мариуполь был и переулки Бучи,
а песни прежних лет про стаи журавлей
бессильны против войн, и прошлых, и грядущих...

1/02-05/23

ДИОРАМА

На манеже славно даже,
те же музы в антураже,
тот же буй на бордаже,
те же свойства атмосфер...
Чуть укоротились пляжи,
глуше перелив адажио,
время отражает кражу,
собеседник — Агасфер.
Улеглись, похоже, страсти,
и всё приторнее сласти,
замполиты всех несчастий
наводнили Вашингтон...
А у негатива в пасти
обнаруживаешь ластик
и стираешь часть по части,
чтобы он убрался вон.
Всё сошлось у Ежи Леца
невесёлым интермеццо,
в изобилие пряных специй
прикатились времена...

Ни упасть, ни осмотреться,
шарик стал орехом грецким
и нигде не отогреться,
потому что здесь — война

1/03-19/23

СЕМИДЕСЯТНИЧЕСКОЕ II

Месяц непослушания —
издавна на январь,
воспоминаний прожаренных
не переносит гарь —
патовая бессонница,
сколько её не гони,
скачет конкина конница
по Шепетовке в дни,
когда в бутербродами пахнущем
портфеле предостеречь...
хлопушкой январской бахнувшей
стонет «Родная Речь»...
Как парадокс на идише,
бабушка деда корит,
а я у них — в роли подкидыша,
и радио говорит:
Що треба на зустріч з'їздові
ще більш виробляти льну,
що Захід стогне під кризою,
и гордость берёт за страну,
где всё хотя не доделано,
всё с левой ноги, набекрень,
но люди слывут феноменами,

и как-то не слушаться — лень.
И потому Джельсомино,
как голой Неёловой — Гафт,
заслушанною бобиной
что-то поёт не в такт...
Но в «Пионерской Зорьке»
такой бодрячок с утра,
скользит на заснеженной горке
советская детвора...
И до рождественской Вены
мне ещё года три,
пока говорящим поленом
знобит ещё телеэфир,
в котором «В гостях у сказки»,
непослушаний парад,
и пахнут зимой салазки,
мне — десять... Какой снегопад!

1/11-31/23

ЯНВАРЬ-2000-СЮЖЕТ

Век начался в Ки Весте волшебством,
вернее, магией... Как в фильме Бертолуччи.
Красивость спутницы напомнила о том,
что нереальность — это просто случай...
Ещё на пересадке, в ебнях,
чем есть по сути север Каролины,
предательски подкрадывался страх:
она без тени — есть тому причина?..
Но в тридцать три, когда в разводе и оглох —
телесное порой затравит разум,

он страх в себе цинично превозмог,
и началось такое, что не сразу...
Пытаясь после обрести себя,
задействовав все вехи подсознаний,
он нить терял, но проще говоря,
ему и после не хватило знаний.
Когда в тысячелетие одно
обычный смертный входит в лоно жрицы,
а завтра просыпается в другом
тысячелетии... Тут в пору удивиться.
И лучше сразу отступить в чём есть,
вернее даже, инстинктивно, без раздумий.
А жрица потянувшись скажет — жуть...
— Есть хочется, и кофе, ты ж не умер...
И попадая в джинсы наугад,
здесь главное глядеть, не пряча взгляда,
в глаза, в окно, на вороной каскад,
не допуская ни сомнений, ни разлада.
Осознавая, до материка —
часа четыре в скоростном лимите,
только она уже достала с потолка
все его мысли, натянула грубый свитер
и, прошептав: я мигом, не скучай,
за руль влетела и, сорвав Тойоту с места,
как в слаломе нырнула между свай
отчаянно январского Ки Веста ...
С тех пор он её видел раза два,
в Майами зимнем и в осеннем Сан-Франциско,
и, вспоминая арамейские слова,
спасался выдержкой изысканного виски

1/25/23

КОНТЕКСТ

Военный корабль
великой россии,
всей мощью всех жабр
рассекал в море синем.
Маячил на рейде
свободной Одессы,
шикарен был в тренде
лелеян был прессой.
Грозил Украине
большою бедою,
слыл неумолимым
гламурным героем.
Наводчик Петренко
с утра был не в духе,
и кот его — Пенкин
размялся на мухе.
Потом они вместе
«Нептун» расчехлили,
и русский корабль
был адресно смылен,
в контексте как то
пограничник озвучил,
а Пенкин потом
весь контекст замяучил

2/22/23

ИНСТРУКЦИЯ

Первым делом накормите кота,
а потом пусть будет вся суета...

Весь катящийся к агонии мир,
всё на паузу — модерн и ампир.

Осознайте главный приоритет —
котик кушал уже? Как это нет?!
Вам покажется на бирже обвал
лёгким бризом в подземелье зеркал.

Всё стоит не на слонах и китах,
а на сытых и довольных котах.
Не нужна вам роковая черта —
первым делом — накормите кота

3/19/23

КОРОТКОМЕТРАЖНОЕ

Ветеран пост-ковидного гриппа,
бонвиван, дегустатор вина
восхищался цветением липы,
воплощением шаткого сна.
Со стаканчиком крафтовой жижи
весь Манхэттен весной прошагал,
у него с детства не было ближе
всех вот этих безмерных похвал.
Он звонил ей со всех телефонов,
на мобильные все номера,
и она, укрощая драконов,
иногда отвечала с утра,
и такую несла ахинею
про фашизм и иные миры,
что ему, пожилому еврею
навевало несметной хандры.

Возвращаясь в свой город у моря,
ладил всё это в прозу как мог,
про вторичность и вовсе не спорил,
завершая стихом эпилог

4/09/23

IV. Эффект неприсутствия

* * *

Бывают в апреле бинарные дни,
они неуверенно броски,
вовсю претендуют на сноски,
прибрежные гасят огни.
Снег с крыши напротив забавит и злит,
как много всего в понедельник,
назавтра палящий поделник
жару направляет от плит...
Соблазны сирени уже к четвергу
смешают все прежние планы,
и свечи внезапных каштанов
с опаской предскажут пургу...
Она и нагрянет в субботу с утра,
воскресным сдобрив гололёдом,
бинарность апреля ранима природой,
такая шальная пора

4/15/23

* * *

Подмена пониманий и основ
как таковых, чтоб неповадно было,
когда как есть — прилётами накрыло,
бессилен самый светлый богослов.
Нужда в посредниках в такие времена
в цитатах гибнет как роса в светиле,
когда эмпатия не всем уже по силе,
даже когда присутствует она.

Пока континентальная война
в ударе дронном и ракетно-дальнобойном,
по курсу корабля шагают стройно
интерпретаторы, отправленные на...
И как всегда не выучен урок
иных реинкарнаций смертоносцев
с лицом, как правило, всегда ущербно-постным...
звучит рефреном, что всему пребудет срок

5/3-30/23

* * *

Павлу Рыцарю

Поэт на войне видит много бездомных котов и цветы...
которые тоже бездомны, к тому же — оглушены...
железом, летящим с обеих сторон в никуда,
страна на востоке жестоко калечит людей в городах.

Поэт на войне всё запомнит, напишет об этом стихи,
и в будущем скором, читая в Париже, Варшаве,
под сенью канадской ольхи...
про то, как по ним прилетело однажды в блиндаж...
но только страшней для котов и цветов
несуразный военный винтаж.

Поэт возвратится в свой Город,
с женой-поэтессой в тандеме напишет роман
о мире, который войною распорот,
но всё же, в финале — дарован покой и котам, и цветам

4/08/23

* * *

В доме у Эдгара Эллена,
всё до конца не доделано,
прожито здесь, но не нажито,
так себе вид из окна.
В полупустой Филадельфии
пришельцы изрядно дрейфили,
воображение бражника
осталось на все времена.
Ночи, в которых сомнение,
без рода, и даже без племени,
ворон из всех собеседников
каркает про никогда.
Вот и приходится маяться,
стену царапая пальцами,
благо, нет толп из наследников
здесь и в других городах.
Дом охраняется рейнджером
от современных тинейджеров,
лучше пешком, чем на транспорте
под настроенье прийти.
Пробыть здесь чуть дольше обычного,
в рамках рутины приличия
и прочь отсюда пространствовать,
раскланявшись по пути

6/05/23

* * *

Америку любить учили все
кому не лень, бездельники особо...
Лабазник, от сивухи окосев,
и постсоветская подъехавшая погань.

Какой-то конченный, безмозглый рифмоплёт,
его фанаты в облике нелепом,
не отягчённый совестью урод,
прыщавый отрок с расчехлённым пистолетом,
финансово разнузданный пижон,
работница шеста, начальник лужи...
При этом все... упорно лезли на рожон,
и даже те, кому остался нужен.
С их колоколен непосредственно видней,
как «политологу-слависту-адвокату»,
который здесь с тинейджеровских дней,
любить Америку с позиций серой ваты

7/01-29/23

СУЖЕНИЕ СЮЖЕТА

Насколько относителен гамбит,
настолько предприимчивый пиит
расчётливость нелепо отрицает...
И до того не хочется на щит,
что самолюбию отчаянно претит,
допустим — месяц мёда на Гавайях.
Потом, иди доказывай в гостях,
что нет любви *на этих скоростях*,
и всё зависит от *известного предела*.
Затем, и там и здесь красиво льстят,
уже совсем не *поучают паучат*,
но замечают невпопад — обледенела,
для взлёта недоступна полоса,
до шёпота упали голоса,
в определении — приехали, вскипело...
И тут, конечно, появляется Корчной,
он похмелял весь этот недострой

ещё до филиппинских аномалий,
соперник тоже не дурак, но мучит зной,
и, отвернувшись утром в сторону от той,
он ей бросает: одевайся и проваливай.
Вот так порой слагается сюжет
уже который год, и этих лет,
сжимающихся, жалких, не хватает

7/15/23

ПРЕДВИДЕНИЕ

Мне по душе, что даже пусть с трудом,
но всё же обозначится «потом»...
И вот тогда мы с киевским котом
смиримся с грустным ремеслом пророков
шалного холода, тревоги и жары,
военных сводок, боли и хандры
не станет... Купим вина и сыры,
и вечеринку обусловим ненароком.
И пригласим всех тех, кто был раним,
а также всех сочувствовавших им,
кто верил в то, что выжил бедный Бим,
несовременных, грустных, но отважных.
А там уже пойдёт как повезёт,
нелеп волшебник, сбили вертолёт,
но на Печерске, в Ботаническом цветёт
сирень... И будет randevu на Пейзажной!
...А остальное всё приложится... — как пел
поэт страны, где оказались не у дел
все те, кто смерти и позора не хотел,
но там случилось всё обыденно и скверно.
Там за стеной у них пылает и горит.
К ним провиденье не благоволит,

оттуда больше ничего не прилетит,
что в общем-то вполне закономерно.
Кот-киевлянин, намяукавшись, притих,
а я, пытаюсь завершить нехитрый стих,
варенье к чаю с облетевших облепих
достал из древнего неброского буфета.
Обычно у оставшихся на чай
преобладает светлая печаль,
вот так и в будущем недавнем невзначай
в январь из августа просачивалось лето

8/03-15/23

ПОЛЬСКОЕ

Плести паутину наивных и светлых чудес
класс мудрых и старших давно не советуют больше...
Особенно если всё это касается Польши,
верней Украины, в которую ходит оттуда экспресс...
Я всё понимаю, перечить давно перестал,
и перемещения, в целом, вполне виртуальны.
Однажды во Львове, в кафе небольшом, привокзальном...
Приснилось наверно — глаза в отраженье зеркал.
И Польши той — самую малость и очень давно —
Гданьск, Гдыня, балтийский и, кажется, песенный Сопот,
моих соплеменников робкий отчаянный шёпот...
Там кровью полито, по всей Посполитой не только в кино...

И всё же, на данном этапе, за скобки Шопен,
про Лемма и Леца сегодня — нечастые споры...
Когда во дворах и подъездах с подачи
лукавого шли приговоры,
и звуки затворов порой принимались
за некий ушедший рефрен.

Прислушаюсь. Сделаю вывод — к чему чудеса,
когда столько горя приносят военные сводки...
Но жить без чудес, это значит —
до срока кипеть в сковородке,
а если поверить, то в зеркале можно увидеть глаза...

8/09-27/23

* * *

Совсем не по поводу книжных в Пассаже,
когда обесточенный борется город,
и вовсе не о риторике даже,
где нелюди чтут за оружие холод.
И тем навсегда нивелируют общую память,
где Ладога числилась общей дорогою жизни,
похожая, белая страшная замять,
и ненависть стала жестокой сестрой укоризне.
Сестричество с братством — банальные фразы
в конце февраля бренно канули в Лету,
Россия болеет моральной проказой,
болезнь не щадит ни творцов, ни поэтов,
и выздоровление будет не сразу...
И будет ли вовсе — проблема потомков,
рецепты у Бёлля, Ремарка и Манна...
А нынче — ракетно-зенитная ломка,
и катастрофа уже многогранна...
И потому не о книжных в Пассаже,
и не о судьбах музеев Подола,
скорей о глобальном убийстве и краже,
где после всё будет уже по-другому

11/01-12/01-22

ИГРУШЕЧНЫЙ ПОЕЗД

Игрушечный поезд всамделишным утром
несёт в себе все горизонты и дали.

У водной стихии, где дань — перламутром
в озёрном краю или на океане...

Распахнуты двери, расшторены окна,
и вышли все сроки воздушной тревоги,

а песни Гомера и притчи Софокла
уже не помогут отчаянно многим.

Осеннего ветра и зимней юдоли
оправдано мало в июльском начале,

уплыл Мариуполь в фантомные боли,
в Одессе шаланды — не помнят кефали...

Так утренний поезд, почти настоящий
на всех остановках прощенья просит.

Котёнок учёный, почти говорящий,
не ищет Шекспира в парящем вопросе.

Как прежде — не будет, всё будет иначе,
воспрянет надежда с любовью и верой,

маршрут этот долгий, но светлый и зрячий,
и вовсе не канули книги Просперо

7/02-12/22

ПРОЗРЕНИЕ

Прилетел комплимент официантки,
курдской девушки с ликом печальным,
он отвык от подобных вниманий...
И себя убедил — показалось...
Но зачем-то спросил про «пешмэргу»¹,
и вообще, как там всё это было,
когда предал союзников некто,
кто во всём был нелеп как подагра...

Она жёстко сверкнула глазами,
добродушие вмиг испарилось,
передёрнула смуглые плечи,
словно там до сих пор были шрамы,
и сказала, — вы знаете, мистер,
мне претят разговоры пустые,
от которых не спится ночами
тем, кто это пережил воочию...

Он хотел перед ней извиниться,
но слова по-английски исчезли,
а по-русски бы не прозвучали,
та й сказав — мені боляче сумно,
це питання було не байдужім...
Але прикро, мені дуже прикро...
Одже все було майже забутим,
та вона не приходила більше...

Лучше б всё это просто приснилось

9/01-09-22

¹ Пешмерга («те, кто смотрит смерти в лицо») — курдские вооружённые силы автономного региона Курдистан.

* * *

Эмоции, которых больше нет,
зима прошедшая была из полубед.
Проклятие — вселенская беда
в конце зимы воткнула провода...
Коротким замыканием февраля
теперь надолго ранена земля —
в значенье планетарном и другом,
когда в прямом эфире гибнет дом —
прямой наводкой по высоким этажам —
по кухням и по книжным стеллажам,
по детским тапочкам, лекарствам и лучу,
по старческому крику: «...не прощу!»...
Убитый март скатился под откос,
но до апреля истину донёс —
по-прежнему не узнан имярек,
несовершенен, груб и смертен человек,
но вместе с тем самоотвержен и любим,
когда звучит — «мы Город не сдадим»...
Когда само понятие «свои»
и в двадцать первом возникает на крови.
Когда спасают кошек и собак
среди сирен, преодолая мрак...
Эмоции ушли на задний план,
всему своё — проклятьям, временам...
В остатке совесть, осознание, едкий дым —
Чернигов, Харьков, Мариуполь... Быть своим

4/02/22

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ГОРЕЧЬ

Гомель, Гостомель — эклектика детства,
лето, Ирпень, Бородянка и Буча...

Бабушка знала подручные средства,
чтоб я её фантазёрством не мучил...
Бабушка знала слово решимость —
быстро к вокзалу! Взять только дочек.
Сколько ей раз всё потом это снилось,
и вот теперь происходит воочию...
Бабушка, знаешь, мы всё это видим
с заокеанских телеэкранов,
принадлежим к географии гильдий
не убиенных злобой тиранов.
Век двадцать первый, не до эстетства
Бабушка, снова — надежда на случай...
Гомель, Гостомель — эклектика детства.
Слёзы. Ирпень, Бородянка и Буча...

4/13-23/22

САН-ДИЕГО

«Новозеландским» в Калифорнии
обидеть разве что бармена —
чем горечь в новостях зазорнее,
тем вероятней жость рефрена.
Всё те же сумерки и гавани,
лишь четверть века где-то канула,
она пришла в прозрачном саване,
потом исчезла, как отпрянула.
А чем чреваты возвращения,
давно предсказано у Коэна,
все увлечения отмщением,
как храм досадно недостроенный.
К аэропорту указатели
милей, чем съезды к океану,
плохо закончил любознательный

пророк, не веривший в осанну.
И все прибрежные обитатели
таят греховные обряды,
смешат помпезные властители
судьбу, столько столетий кряду...
А шардоне новозеландское
во всём проигрывает местному,
и в залах фестиваля Каннского
всё так же пошлость безотвественна.
Скудны повсюду, что естественно,
обоснования печальные,
и словно в заунывном вестерне —
всё было ясно изначально

5/02 — 5/27/22

НЕСОВЕРШЕНСТВО

Человек по сути слаб,
как мучимый сушей краб,
как пленённый осьминог,
тот что выбраться не смог
из расставленных сетей
на себя и на детей.
Человек столь уязвим
в безразличии морщин,
как попавший в яму слон
или загнанный питон,
словно раненый дельфин,
вдруг оставшийся один.
Человек отягощён,
тем, что в мир пришёл с мечом,
тем, что всех учёных книг
мудрость — в искусе интриг.

Человеку чужд пророк,
боль веков ему не впрок,
от того его печаль
тщетна, словно взгляды вдаль,
оттого его уход
прост как танец-хоровод

6/20/22

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИЮЛЬ

Давай признаемся, мидвестовский июль,
как мы во снах страшимся мин и пуль...
Как все прилёты по любимым городам,
шок, боль, порез читающим глазам...
Давай, седьмой в году, определим,
какое наказание станет им,
той карой, от которой их страна
в проклятье канет на года и времена.
Молчим в июле с киевским котом,
которому здесь тишь, уют и дом,
и созерцаем, как летит метеорит,
эффектом неприсутствия болит
безоблачное небо и листва,
потери умножаются на два,
вина привычно делится на три,
как в детстве, мол не вы — богатыри...
Ядро в стене, Затока и лиман,
июль из детства, сколько разных стран
в июлях разных промелькнули мимо глаз,
что б упереться в этот след сейчас...

7/01-9/22

ВЫВОД

Очеловечиванье котов,
расчеловечиванье людей —
какой изысканный богослов
воздаст иллюзиям этих дней...
Какой мятущийся книгочей
отыщет цитаты про боль и гнев,
не лев, конечно же, царь зверей,
и в клетке маяться должен не лев.
После всего, что есть в хронике о войне
предыдущей, прежней и многих других,
на все вопросы — по чьей вине —
ответом не станут ни слово, ни стих.
Мир так и не понял библейских основ,
даже внимая изысканной «Песне Песней».
Остаётся — очеловечиванье котов,
но также — расчеловечиванье людей

7/04-14/22

НАБЛЮДАТЕЛЬНОЕ

Ячество-себячество на горбу войны
отражают качества канувшей страны...
Личное значение важно для семьи,
прочие стечения горестно смешны.
Грех себя навязывать отовсюду всем,
стать избитой фразою можно насовсем.
Все это предсказывал юный Пастернак —
слава одноразова, ей цена — пятак.
Ячество-себячество приторно как мёд,
так, по обстоятельствам горек анекдот.
Без самоиронии враз мельчает слог,
так, судьба Эстонии красит эпилог.

Ячеству-себячеству взгляд со стороны
в объективе качества столь необходим.
Всё потом расставится на свои места,
как же всем понравиться хочет Дональд-дак
Потому, наверное, скромность не порок,
и тому примерное назиданье впрок

7/20-23/22

В ФОРМАТЕ СНА

В формате сна приемлем нарратив
и визуальных восприятий перспектива
из категорий безответственного дива,
когда предвзяты форма и мотив...
Там музе неприступной между строк
сказать с улыбкой: что-нибудь набросьте —
ведь неприкрытость неуместна в злости,
а вежливость ни разу не порок...
Ну или автору, себя со стороны
не видящему в собственном величье,
реально можно предложить наличных,
чтоб он себячить шёл в иные сны.
Или, к примеру, лапотной стране,
грозящей миру ядерной дубиной,
внушить, что пафос её водочно-былинный
нелеп как карлик на нечёсаном коне.
А из хорошего, приблизить наконец
возможность левитации вне прозы,
а все землетрясения и грозы
вместить в тот самый сказочный ларец.
Кушетку герра Зигмунда вполне
предвзято заключить в большие скобки,

и в мегаполисах тогда исчезнут пробки
на подсознательно ответственной волне.
При пробуждении всё это бы успеть,
внести в заранее осмысленный реестр,
и под паролем времени и места
гитарой обозначить круговерть

8/26/22

ФРОНТОВИКУ-СВЕРСТНИКУ

*...у меня за домом ежевика
я взвешенно решаю
не проснусь*

Павел Рыцарь

Я наблюдаю несколько иной
и горизонт, и диспозиции на флангах...
нет ссадин и мозолей на фалангах,
и гул за лесом — летний ливень, а не бой.
Я не умею перезаряжать,
и в блиндаже довольствоваться малым,
а пребываю и не левым, и не правым,
державе своей — мачехе под стать.
На нашей улице, совпало невпапад —
ни ты, ни я не топчем тротуары,
мои слова под чью-то чуткую гитару,
твои слова — подобие наград...

Вот так и бродим этой улицей с тобой,
и в том, что есть за домом ежевика,
тебе во сне расскажет многолика
победы вестница, пренебрегая мной.
Я многогранно за такой расклад,
и пусть гречанка с именем кошачьим,

быстрее решает эту сложную задачу —
наш Ботанический, вполне искомый сад.
Ах, как мы там отметим за столом
все эти дни, отнятые войною,
слова — верлибрами, рифмованной строкою,
остановив разрывов метроном...
Шестидесятники, успевшие на бал
нумерологии, что ведает приходом,
вернёмся в Город, ты по праву, я по роду,
как отражения в обилии зеркал
Андреевского спуска под дождём,
финифти Выдубецких звёзд над куполами,
и наши женщины увидят это с нами
как откровение над ожившим Днепром.
Освобождённые от прежних физкультур,
только не всё же нам томиться вратарями,
и вот тогда — в свершённой анаграмме
осмыслится диктант архитектур

8/23-27/2022

СЕМИДЕСЯТНИЧЕСКОЕ III

Обрывок сна, пропущенный урок —
сентябрь, осень, самое начало,
над всем Печерском лёгкий ветерок,
не всё осталось в памяти — так мало:
ну, например — мастикой вытерты полы
и запах краски в гулких в коридорах,
физичка — продаёт из под полы
на переменах из кримплена ворох.
Портфель — в котором завтрак, что с утра,
перед работой приготовил папа,
а там совсем не чёрная икра,

тетрадка, смятая вчера кошачьей лапой.
Особенный тревожный холодок,
когда записка — «...у тебя после уроков?»
У шестиклассников какой в свиданьях прок,
медляк под «Аббу» разве ненароком...
Но до «после уроков» целый век —
«английский», «труд», потом «література»,
не «география» у Клавы нудных рек,
на мові у Ларисы, что с фигурой...
Ось хто тримає у тонусі наш жах,
заздалегідь, що в понеділок, що в суботу,
ось хто не був «зашторенной» в словах:
— Вивчайте мову, та й не буде вам турботи...
Нам би тоді прислухатись якраз,
благати, щоб була із нами щирою,
тоді можливо й було би все гаразд,
с усім отим, щось божевільним миром...
Всё это будет после. А пока,
сентябрь семидесятых над Печерском,
а значит, после школы нам никак
не избежать везде и повсеместно
ни запахов пломбира, ни оград,
что в Ботаническом для нас имели место.
...Мы вскоре возвратимся в волшебство
пропущенных уроков, снов... И следом
возникнет, как та первая любовь,
блакить та й сонце переможної Перемоги

9/01-16/22

* * *

Был Монреальский кинофестиваль,
на нём — плохой советский фильм времён распада...

И невесомой светлая печаль
была такой, что в двадцать лет светлей не надо.
Рядом со мною девушка была
лицом — француженка... Рождённая в Одессе,
года за три до этого она
на званой вечеринке слово «если»
не приняла за восхищение моё,
и в антураже Хэллоуина местных прерий,
глядясь в большой и пресный водоём,
сказала: — «Знаешь, просто я тебе не верю...»
А после — совпадений череда,
немного взрослости добавив в перспективу,
сменив в сюжете драмы города,
внедрив иные музыкальные мотивы,
и гладь уже не озера, реки,
тоже большой, только со вкусом океана,
возобладала как сентябрь — вопреки,
а не в зачёт канадскому туману.
Как был заманчив, вежлив Монреаль
и к нам, и к тем попутчикам случайным,
что с нами забрели на фестиваль
и позже были собеседниками в чайной.
Затем по королевской скоростной
в средневековые заглянули ненароком...
Она мой кофе, скучный и простой,
на всю оставшуюся жизнь сменила моккой.
Я ей тогда неровные стихи
читал столь неуверенно и дерзко,
что все изгибы вдоль струившейся реки
затем сменились на смешные занавески...
Когда, вернувшись из Канады в Иллинойс,
мы выбрали дорогу откровений
и то, что не Чикаго славил Джойс,
не отнимало в нашей памяти мгновений...

...добравшихся в военный этот год
совсем иного века и расклада...
Над тем же городом всё тот же небосвод...
— «Не верь мне...» — ей сказал тогда — «не надо...»
В машине, на обочине любви
она так по-французски промолчала,
что все покинувшие гавань корабли
в ту ночь... доныне не добрались до причала

9/05-16/22

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ — НЕСБЫТОЧНОСТЬ

Второго сентября случился сон
как наяву, столь искренний и нежный,
о неслучившемся в восьмидесятых, прежнем,
как диалог звучащих голосов...
Она звонила, я не успевал
до трубки дотянуться телефонной,
я перезванивал, но зуммер монотонный
под безнадёжно — «занято» дрожал.
Я ждал её на улице, и снег
был снисходителен, моим упрямством тронут,
и посылал снежинки мне за ворот,
так завершался это чудный бег...
Она звонила, снова не застав,
а я стоял напротив её дома,
и в этой музыке досады метронома,
несбыточности был нежнейший сплав.
Казалось бы — снег снится в сентябре
столь неуместно, даже нарочито,
роман написан не был, но прочитан
был ей однажды в прерывающемся сне

9/03-30/22

ЭФФЕКТ НЕПРИСУТСТВИЯ

Мораторий на чувство вины
этой осенью, необходимый
на экране горящей страны,
образ света, до боли ранимый.
Сослагательность нынче в ходу,
но порезом воздушной тревоги
в своём личном, компактном аду
я люблю вас, мои недотроги...
Нет, вернее — мои молодцы,
я люблю вас отчаянно резко,
и любви своей изразцы
океаном вам шлю эсэмэской.
Как некстати приходит она —
эсемеска, конечно, не муза,
ты живи только! Ладно, страна?..
И рукою прикрыв заскорузлой
я отчаяньем скривленный рот,
чтобы в голос не выть от бессилья,
вспоминаю недавний полёт...
Дождь в Борисполе, тёплый, несильный,
и такси на Печерск как всегда,
и стихи на Андреевском спуске...
Вы живите, мои города,
я всегда с вами в двориках узких,
глажу ваших бездомных котов,
прикрываю им уши от взрывов,
как отчаянно стыдно от слов
на пороге вселенского срыва...
Подсознательно, сквозь пелену,
сквозь войну и вину, вам не ведом
всем пророчествам — быть на кону,
вашей верю, — великой победы

9/06-30/22

ИНАКОТ

Инакот Иннокентий, смешной бело-рыжий толстяк...
Был заброшен сюда через Польшу воздушным потоком,
ненароком он даже успел промелькнуть в новостях
и, похоже, без грусти покинул старушку Европу.

Киевлянин по нраву, повадкам и прочим чертам,
ненавязчив в быту, но в привычках дворов куренёвских
этот парень — укор равнодушным, диванным полкам,
и живой, благодарный пример тем, кто резко и хлёстко

9/16-10/02-22

БАСНЯ

У крысы сомнения,
так ли она поступила,
напав на котёнка,
достав его папу и маму,
и что теперь делать
со жменей гнилого тротила,
когда кот и кошка
решат крысу рвать многогранно...
И крыса вещает бобрам,
хомякам и мангустам
свой комплексный бред
перемен восприятия мира,
но вот замирает
от звука растущего хруста
того, как её достают из прямого эфира
и тащат на площадь
в сценарии русского бунта,
пылают костры,
это кошки устроили сцену,

но вот варианты
пустынно-ливийского грунта,
гнуснее и проще
для крысы, глотающей пену

10/03/22

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Если уровень воды в океане
достигает точек всех невозвратов,
вот тогда и происходит цунами
побережьями бездумных охватов.
И на фоне этой доброй картины
неподсудные вершатся затеи,
пересадки рейсов из Аргентины
происходят по сюжету Помпеи.
По количеству — гитарные струны,
предсказания характера прозы
тлеют, словно неуместные руны
или даже слишком смелые позы.
А война, как плащ палатку на плечи
столь обыденно накинула осень,
что из всех её контузий-увечий
объяснима только резкая проседь.
Рыжий кот, вполне уверенный в праве
быть героем всех стихов и эфиров,
созерцает ненарушенный гравий
на экране подуставших вампиров.
И всегда неадекватно на суше
обсуждать капризы волн и приливов,
Лист звучит уже всё глуше и глуше
возле сложенных чуть раньше штативов.

Для различий, даже жёсткого диска
не хватило подоплёк в перспективе,
океаны так губительно близко,
что озёрной рады альтернативе

10/29/22

V. Всплески неба, свет прибоя

ИСПОВЕДИМОСТИ

Вполне возможно огрести
за новоявленную книжку,
исповедимости пути
порой закрыты на задвижку.
Не претендую на Олимп,
там вдоволь прочих самозванцев,
стихосложение не нимб,
а компенсация за танцы,
где автор столь не преуспел,
что даже рассуждать неловко,
и благодарен за удел,
где не присутствует сноровка.
Всё это частности. Война...
в рейд по тылам пошла и душам,
отдельно взятая страна
язык средневековьем глушит.
И вот когда она падёт
бездушным немощным колоссом,
возможно и покой придёт
к рифмо-плетущим, безголосым.
Но если хоть одна строфа
на миг во тьме сверкнула светом,
вот в чём отрада, не в тостах,
и не в оценках непоэтов

12/26/22

ПОСТРОЖДЕСТВЕНСКИЙ НЕСОНЕТ

Нет в городе у озера
ни снега ни границ,
есть воздуха амброзия
и галерея лиц —
одних, знакомых издавна,
иных, совсем чужих,
декабрь переизданный
весь сплошь из запятых.
Покуда в этом городе,
лет сорок как родном,
восходы в медном золоте,
закаты в голубом...
Всё будет замечательно
в прибрежной полосе,
в творительном и дательном,
раздельно и для всех

12/26/22

* * *

В полнолунье кажется —
что метель уляжется,
персонаж отважится
быть чуть-чуть добрей.
В январе на севере,
сложно быть уверенным,
не смирюсь с потерей,
и коснусь дверей.
Прощаюсь с рифмами,
зачитаюсь мифами,

расплачусь с тарифами,
сяду за роман.
Всё давно придумано
в Черновцах и в Умани
и прошито струнами
неглубоких ран.
Есть сюжет и фабула
ни о чём, ну мало ли,
и случится, стало быть —
восемьсот страниц —
про перемещения,
странные стечения
и любви значения
в силуэтах лиц.
А затем коллизии
лягут под ревизии,
критиков дивизии
обозначат крах.
С плеч обуза свалится,
персонаж раскается,
ей одной понравится
побеждённый страх.
Завершив занятия,
стану столь некстати я,
хором скажет братия
— а слабо, стихи?!
Вот тогда и сложится —
полнолунье множится...
Где-то между бурями
в океане штиль

1/02/21

ОДНОКЛАССНОЕ

Однажды «мнимый либерал»,
и «переменный алкоголик»
в отсвете поднятых забрал
присели за кухонный столик.
И закарпатский коньячок
повлѣк небыстрые беседы —
что комсомолистый торчок
под стать заржавленному деду,
что лиговский провинциал —
давно вербует их обоих,
что Сорос всех их похмелял,
а Гейтс реально всё отмоет.
А дальше как-то отвлеклись
два третьей свежести еврея,
беседа потекла «за жизнь»,
они заметно подобрали
и понесли такую чушь
про 5-й «А», и про «Динамо»,
что не заметили, как тушь
размазав, появилась дама.
Быть вхожей в этот старый дом
она в правах и без прелюдий.
Она внесла гаванский ром
и прежде пагубные груди.
Над всем Печерском грянул гром,
но с иудеев не убудет.
Под разговоры о войне —
она сказала — «вы не люди...»
Не проводили до дверей,
что взять с «ханыги» с «байдонистом»,

и всё бубнили, что Сидкле¹
не может быть «девяткой» чистой.
Потом устало разбрелись
по малогабаритной пыли,
их помыслы стремились ввысь.
Бывают былистые были.
Вот за такие вечера
на кухне киевской подспудно,
пересекают океан
и любят женщин безрассудно

2-/02-11/21

«AIR BERLIN» — БЕЛЫЙ БИМ

Не успеваешь на «Air Berlin»
и ощущаешь — что знал Белый Бим
некую правду о тварях двуногих,
с виду порядочных, важных и строгих.
Авиалинии здесь ни при чём,
в семидесятых книгу прочёл,
фильм этот невыносим до сих пор —
есть в визуальности некий укор.
Над состраданием потешно шутить,
в этом кому-то видится прыть,
циники нынче особенно в моде,
скепсис как суть отношений к природе.
К каждому ночью придёт Белый Бим,
дрожь не унять будет спрошенным им,

¹ Бразильский полузащитник Sidcle^y Ferreira Pereira играл по контракту за киевское «Динамо» в предвоенных сезонах с 2018-го по 2021-й год.

кто-то, быть может, прозреет,
но большинство не сумеет.
«Air Berlin» не взлетит никогда,
даже к огромным приходит беда.
А для победы над страхом
можно погладить собаку...

2/07-13/21

ПРОСТАЯ ИСТИНА

Простая истина — что лето впереди:
Глобальный Коэн непереводим...
Февраль — не нужен письменный прибор,
ни гривен, ни сестерций сор.
По обе стороны Атлантики снега
накрыли острова и берега
и застолбили даже горизонт,
большое озеро, Дунай, Эвксинский понт.
Свиристует гибридная чума
и насыпает смерти в закрома.
На линиях раздела — войска
томятся ощущеньем марш-броска.
Затихли разговоры о любви,
вчерашний день тому благоволит.
Недонерона поместили на юга,
где в море утреннем присутствует фольга.
Но это тоже в прошлом наконец —
на Водолея косится Стрелец,
и замер Скорпион в созвездье Рыб,
как в ледяном нагроможденье глыб,
не вечно, что отрадно осознать,
неверье — всем повериям под стать.

Переосмыслить истины всегда —
есть искушение в промёрзших городах.
Но испокон свод истин неделим...
А Козн всё же непереводем

2/15/21

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Марьяне и Олександру Крамерам

Никто не отменял простых простуд
таких, что чай с лимоном, плед и кошки,
где с полки достаётся тот, хороший
Ремарк, которого иначе недосуг...
В окне — знакомый с детства пейзаж —
прозрачный снег на фоне мёрзлой крыши,
Мягков в телеспектакле Гафта слышит,
Крым — счастье Грина, а не их или не наш...
А вечером — немыслимый хоккей —
трансляция из Праги, всё на месте,
где побеждают чехи, честь по чести,
и оттого, признаться — веселей.
Простуда в двадцать первом — это дар
сопоставимости на грани лотереи,
а в песне Галича про мнимые ливреи,
предупреждение про внутренний радар

2/19/21

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ #3

*«...Любимая, ты слишком уж смугла...»
Вероника Долина*

Она была столь вызывающе смугла
в тот месяц откровения на Мауи,

что все невероятные Гавайи,
в ту осень подчинить себе могла.
Но кто об этом мыслит в двадцать два,
уже жена, но всё ещё подруга,
тогда с ещё не замкнутого круга
она намеренно дразнила острова.
Загар ложился ровно, без потерь,
что странно для рождённых в Ленинграде,
она при этом даже шутки ради
ходила смело на балкон или за дверь.
На прикроватной тумбочке у них
негодовали Сэлинджер и Павич,
она же умудрялась даже навзничь
упав, подчёркивать загара тонкий штрих.
И возвращаясь в северные сны,
на пересадке, в невесёлом Сан-Франциско
обескуражила соседку-одалиску
продемонстрировав на спор, что белизны
загарных линий было не найти
там, где они присутствовать могли бы,
и в ужасе отпрянули талибы,
что возле бара прозябали по пути.
Давно уже чужая. Не жена.
Лет тридцать пять как двадцать два минули,
чудес на грани отошла пора,
как и надежда на спокойствие в Кабуле

2/21/21

МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ

Между дозами вакцины
под присмотром Авиценны
в снах — сплошные сарацины,
предсказания — бесценны...

В колебаниях атмосферы
ощущаются призывы
быть. Ну если не из первых,
реагировать на срывы
в настроении и прочих
столь присущих человеку
обострениях пророчеств
в этой странной фазе века.
Перечитывать Жюль Верна,
Кафку, Ильфа и Петрова,
не угадывать в модерне
столь навязчивое слово.
Из реакций адекватных
на букет различных мнений.
Снег. Берёшь себе лопату,
и... Парад местоимений.
Ну а если телевизор
или дебри интернета
стали падки до капризов,
не заслужит эполетов
коллектив авторитетов,
вечно будет недоволен.
Но затем наступит лето,
где привитым будет воля
в суете аэропортов
только буйных опасаться,
смело заниматься... спортом
и уверенным казаться.
А пока что, в промежутке
бродишь, словно сам не свой,
неуверенный и чуткий,
между первой и второй

2/27-28/21

ПРОВАНСАЛЬСКИЙ ДИССОНАНС

Однажды с известным поэтом
присели за чашкой в Провансе,
строй муз полуголых при этом
слетел медитировать в транс.
Возник монолог как беседа,
обоим не нужная вовсе,
исчез и возник Кастанеда,
досталось немного Голсуорси.
Потом о Париже, конечно,
что, мол, букинисты мельчают,
что столь парижане беспечны,
что скоро их выплеснут с чаем.
Я слушал его, не перечил,
что, в общем-то, тоже искусство,
не *поле*, не *грозной*, не *сечи*,
но как, тем не менее, грустно.
И вот кульминация встречи —
он пил «за Россию Донбасса»,
я встал и шагнул в тёплый вечер,
он муз своих верных дождался.
Наутро, как два незнакомых
на разных террасах отеля,
мы слов нарочито искомых
найти больше не захотели

3/12-31/21

КИ ВЕСТ III

Тропический рассвет
реальнее заката,

короткий метр в нём
осознанно живей...
По контуру примет,
увиденным стократно,
светлеет водоём
и дышит веселей.
Не видимая всем,
как в первозданном мире,
всё сбросив на бегу,
льнёт женщина к волне,
мир делится на семь,
так джаз в прямом эфире
не прозвучит врагу,
не обозначит нерв.
Ломается размер,
метафора не дышит,
соотношение рифм
как из последних сил...
Из скользких полумер
сюжет небрежно вышит,
на нём проставлен гриф
и поубавлен пыл.
И всё таки рассвет —
случайная, нагая
придумана как жест —
выходит из воды...
Минуло столько лет,
на самой кромке рая,
давно чужой Ки Вест
не жаждет глубины

4/02-27/21

* * *

Покуда зной определяет явь,
не ведая весеннего сомненья...
Отрывисто: Прочти, ещё! — Оставь! —
не вызывает ни восторг, ни отчужденье.
Сомнений неприсутствие — мираж,
присущий тем, кто в общем мало значит,
теней настенный возникающий коллаж
весь текст ещё не раз переиначит.
И нарочитый, не внимающий верлибр
ещё не раз спасительно поманит,
но то ли недостаточен калибр,
то ли печаль обыденно обманет...
И только если прозе изменять,
то отчуждённо, в рифму, на бумаге,
иначе резко заскрипит кровать,
в окне возникнут ослепительные флаги.
Попутно, есть обыкновенный чай
без сахара и фруктовых добавлений,
покуда зной перечит невзначай
про разделительную данность поколений

5/5-29/21

* * *

Пасмурное море в ранних сумерках
безответно, но почти отзывчиво,
горизонт из проявлений сепии,
отражение — неба параллель.
У прилива светлая печаль
временно захваченного берега,
а из пены, как и прежде, явится
девушка, и остров учудит.

Как стихия — океанский дождь,
не телеспектакль от прозрения,
а вполне осознанный шедевр —
отрезвление пресною водой.
И когда в погасшем свете дня
море обернется океаном,
над озоновым пространством пролетит
ангел, это всё благословивший

5/07-31/21

* * *

В Конфедерации настали времена
необъяснимых пагубных явлений:
Пришедшие с востока племена
глаголют ересь, не чураясь откровений.
Печальны созерцательные Ли
в остаточных цепях архитектуры,
и пеликаны, словно журавли,
стремятся в песню из осколочной культуры.
Над океаном — радуга и зной
всецело, повсеместно, необъятно,
и если б здесь ковчег построил Ной,
то флора с фауной гляделись бы занятно.
Всё вышесказанное — взгляд со стороны
у населения, всё вычурно и чинно —
здесь не согласны с выбором страны,
и это зреет в восприятии рефлексивном.
Но нравы побережья таковы,
что суть во власти вековых противоречий,
и если б забрели сюда волхвы,
то вряд ли б удалились без увечий.

В фаворе несколько уже фривольный стиль,
марихуана, пиво и мохито,
происходящий непредвзято водевиль —
без масок и частично не привитый.
Пора на Север. Неумело созерцать
здесь может каждый, а увидеть — единицы,
так из-под шляпы появившаяся прядь
определённо искажает лица

5/10/21

ЛУНА

Луна говорила со мной о высоком,
искрилась нездешним, невидимым соком,
я будто бы даже ей противоречил,
и гасли нелепо горящие свечи.
Луна восходила и двигалась прямо
в проекции смелой, широкоэкранной —
настолько экранной, настолько широкой,
я даже её не узнал ненароком...
Луна подсказала мне — где задержаться,
кому не довериться, в ком разобраться,
кого наконец разлюбить безвозвратно
и как относиться к оценкам превратным.
Луна отдавала себя не жалея,
без страха непонятой быть, и лелея
таких откровений бездонные бездны,
она отдавала себя безвозмездно...
Луна говорила, луна восходила,
луна подсказала, луна отдавала

5/26/21

* * *

Яркий промельк — Каролино-Бугаз,
год был семьдесят четвёртый, кажись,
детство учит отражению глаз
и предсказывает долгую жизнь.
К морю, значит, в оживлённом купе
из столицы подневольной тогда,
а затем туда, где словно припев,
навсегда вселился в память лиман.
На века ядро в стене крепостной
и волшебный, в двух шагах Хаджибей,
Каролина столь была не простой,
я потом прочёл так много о ней...
А тогда, что взять с мальчишек — футбол
закалял нас на морском берегу...
А к Некрасову при обыске в стол
мрази влезли в этом самом году.
И гоняли закалённую сталь
по экранам чёрно-белой страны,
«Золотой Орфей» — цветной фестиваль,
Сопот, Брыльска, югославские сны...
Только вот на Каролино-Бугаз
было всё неизмеримо честней,
из роняемых транзисторных фраз
мир, похоже, не был миром теней.
Там звучали страны и города,
те, где, в общем, мы потом заживём,
но в ту пору нас морская вода
заораживала в августе днём.
Было лето Каролино-Бугаз
тем последним светлым летом, когда
детство учит отражению глаз...
Предсказанья не для всех навсегда

6/01-10/21

* * *

В дождях над океаном у любви
есть гордость и осанка Нефертити,
с чем вряд ли согласился бы Пракситель
с позирующей Фриной визави.
Но суть не в этом, а в совсем ином —
тот воздух, что предшествует соблазну,
благоволит неверящим и праздным,
потворствуя как будто вещим сном:
где волны переходят в мёртвый штиль,
и вот по этой глади, не иначе
крадётся тень, не ведомая зрячим,
в манящей одержимости пути.
Вот так и возникают миражи —
непредсказуемые, яркие, чужие...
осознаёт Пракситель — окружили,
и ни одна из них не стоит этой лжи.
Но то, что у любви границы нет,
особенно в дождях над океаном,
в теории — предельно многогранно,
на самом деле — не было и нет

6/02-11/21

ОСТРОВ ВИКТОРИЯ

Остров Виктория¹ — позднее солнышко,
гавань и яхты с соседнего берега,
капли Прованса бутылочным горлышком
не соблюдают каноны лимерика...

¹ Виктория (англ. Victoria Island) — остров в составе Канадского Арктического архипелага. Второй по площади остров Канады и девятый в мире.

Столь пограничны все восприятия,
что даже границы как междометия,
с самой любимой такие занятия
могут продлиться тысячелетия.
На горизонте — горные выступы,
в сердце творится невероятное...
Ни за какие нелепые выкупы
я не отдам это счастье понятное.
Остров Виктория, куда возвращения
необходимы как книжные истины,
будем работать над произношением,
снова сойдем на единственной пристани

6/05-26/21

ЭТНИЧЕСКОЕ

Матерились мужики в пальмовом оазисе,
словно где-то в гаражах средней полосы...
не подыскивали слов, не копали в базисе,
освещая глубину внутренней красоты.
Было видно океан и высотки острова,
но не мил был мужикам данный антураж,
их замучила тоска эры Ломоносова
и статистика флоридской линии продаж.
Матерились от души словом прежней родины,
чья духовность потрясла весь подлунный мир,
ну а эти набрались водочки смородиновой
в полном соответствии стилистике ампира.
А потом пришла мадам и гаванским суржилом
объяснила им, куда и когда идти,
и поехали они, в Мазерати гружены,
по уже предложенному Млечному Пути

6/05-7/03/21

КИ ВЕСТ IV

Ки Вест, сиеста, «Радио Гавана»
гоняет сдуру русский рок-н-ролл,
восьмидесятые. Всё более чем странно,
нашёл и потерял, и вновь нашёл.
Устали — без одежды и надежды,
она ещё не стала знаменитой,
и я не напечатан, но прилежен,
лишь примеряю свой веноч пиита.
Мы с нею слушаем «Аквариум» и Цоя
не потому, что знаем кто такие,
транзистор старый из кубинского застоя
нам выдал это без помех под ностальгию.
Она из Ленинграда, я с Печерска,
американцы волею не нашей,
так далеки от постсоветского бурлеска,
куда влетим, как только станем старше.
Пока мы даже не уверены, что любим —
друг друга, эту музыку, Флориду,
для нас в диковинку, в квадрате или кубе,
Хемингуэй, его коты, закатов виды.
Мы просто ничего ещё не знаем,
случайно из зимы сюда сбежали,
«Кино», Б.Г, их слог неразличаем,
и много лет уже всё это забываем...

6/15/21

* * *

Всплески неба, свет прибора —
созерцать всё это, стоя
и внимая с восхищеньем,
просто попросить прощенья

за отсутствие эмпатий
у иных аристократий,
доморощенных и прочих,
возводящих к многоточиям
здравый смысл и отголоски
восприятий лиц у Босха,
аллегорий у Магритта,
страхи Речи Посполитой,
восхищенье Украиной,
пафос философий мнимых,
оправдание увечий,
отрицание предтечи,
повторение крови Трои...
Всплески неба, свет прибора

6/22/21

МИДВЕСТ

Ане

Холодный фронт горячему вослед —
такие перепады в Иллинойсе
столь характерны, что чикагских удовольствий
предельно мало для локальных непосед.
Они срываются куда глядят глаза
из приозерных прелестей июля
на льнущую вдоль прерий скоростную,
в соседний штат, на дюны и в леса.
По плоскости здесь дефицит вершин,
но озеро порой похлеще моря,
о чём упоминается в застольях
на всех привалах мчащихся машин...

Казалось бы — решиться, улететь
от географии присущей непогоды,
но не решаются, и так проходят годы,
где вечная как ветер круговерть
предполагает возвращений череду,
где предсказуемы исхода результаты,
есть перспективные совсем другие штаты,
но только этот дорог наяву...

7/27/21

ВОСЬМОЙ, ПРЕДОСЕННИЙ...

Как лунный сигнал появляется августа тишь,
у кошки спросил: Почему ты, подруга, не спишь?
Затем, разгребая накопленный воз ремесла,
с улыбкой припомнил волну перед всплеском весла.
Узнал у жены, где прогнозом объявленный град,
с ответом её улыбнулся и спел невпопад.
Недавний июль, где загадочен штат Мичиган,
вдолбил оппоненту — язык независим от стран.
Накинув штормовку, шагнул в иллинойский закат,
а там наваждение — на рейде тоскует фрегат.
Восьмой, предосенний намеренно шьёт паруса,
из книжек и снов так незримо звучат голоса.
Меняются нравы, всё меньше весёлых друзей,
неправых и правых, а кофе и крепче, и злей...
Является город, в котором есть зрительный зал,
отрадно — порою в него прихожу из зеркал
и вовсе не важно — на сцене, в фойе, во дворе,
но там происходит всё то, что суть дорого мне.

А после стихов — повсеместно Андреевский спуск,
и столь неуместен порою навязчивый Пруст...
Что ж, стоит дожидаться, когда повлажнеют глаза,
за взлётом — снижение и осень, а в ней бирюза

8/10/21

* * *

В стиле фильма «Кентавры» — сериал НТВ,
пародийные мавры, героин на траве,
тени стильных брюнеток, зрящий в корень чекист...
Удручающий слепок, предсказуемый твист:
«Все не любят Россию, все желают ей зла»,
но мудра Ефросинья и накажет козла,
подневольно заставит полюбить до доски,
крен на Запад исправит, вмажет русской тоски.
А отдельных пижонов, не желающих так,
в душах опустошённых, вызывающих страх,
обречёт на гибель режиссёрский талант,
поселённый во флигель, всех спасёт лейтенант,
он по опыту деда и муштры в ФСБ
возвратится с победой на крутом БМВ.
И одна из брюнеток, вскользь прикрыв наготу,
среди берёзовых веток даст ему на мосту.
И полюбят Россию все, кто раньше был слеп,
обуздают стихию по теории скреп,
враз отступят с планеты героин и трава,
дед пожарит котлеты, будут квас и дрова

8/11/21

СЕМИДЕСЯТНИЧЕСКОЕ III

Будто бы снова урок геометрии,
затем перемена и сразу же физика,
в резко условном наплыве симметрии
у Достоевского — линия мизера...
По тротуару, на пересечении
двух Иоаннов обыденно квантово,
и запредельной игре в предсказания
отблеск зашторен небесными мантрами.
Как в новогоднем, былом обещании,
снег и фломастеры ярко-венгерские,
по коридору, в долгом молчании,
взгляды, вполне обоснованно дерзкие.
Столько пробелов в домашнем задании,
кладка стены Капонира неровного,
это Кассиль в полустёртой Швамбрании
или Островский со шпалами-брёвнами.
Улица Чешская или Филатова
в городе, ставшем фантомной обителью
физики той, неожиданно квантовой
в памяти вечных его небожителей.
Так зарисовка становится вымыслом
в новом, давно наступившем столетии,
за океан геометрия вынесла,
а перемена ушла в междометие

8/12--24/21

РЕМЕСЛЕННОЕ

У разочарований есть удел
обыденный, негромкий, ощутимый,

и оттого — уже необратимый,
что вовсе оставляет не у дел.
Но дел иных нахлынувший этап
размеренно и чинно озаботит,
адвокатура не бывает против,
в защите неуместен злой нахрап.
Теория, удача, прецедент,
ингредиенты ремесла из дебрей Рима
являются обыденно-незримо,
и возникает нерушимый компонент,
тот самый, что у точных дисциплин
отсутствует в пределе доказательств,
и вопреки стечению обстоятельств,
возможен вариант, и не один.
Порой литературный фолиант
и есть тот самый ход необходимый,
когда на сцене, вне сюжета и без грима
случается невидимый диктант.
И происходит, как на финишной прямой,
уже неотвратимая победа,
уверенно, по выбранному следу,
и это стоит искушения порой

8/20-31/21

* * *

Сон арьергарда августа. Нью-Йорк:
нелепо странные детали интерьера,
вещает доморощенный пророк
и накаляется, вскипает атмосфера.
Стечение всех немислимых дорог,
а мыслимых как будто не осталось,

мельчает и крошится ровный слог,
мелькнут её черты — какая жалость.
Как в музыке меняющийся темп,
во сне по нарастанию чреватый,
когда по нисходящей — жребий слеп,
и так легко остаться виноватым.
Соседство рек, и близко океан,
но жажда превалирует и гложет,
а перечень непосещённых стран
зачитан гостем из почётной ложи.
Несоответствие предельных скоростей
благоволит желанию проснуться,
а декорации сместились в Колизей,
но чуть правей — и горное Абруццо.
Вот где волшебен бархатный сезон,
но возникает её дерзкая ключица,
и замирает невпопад нью-йоркский сон,
и даже кажется, что в нём уже не спится.
Но это уровень тех самых миражей,
когда проснуться — значит подчиниться
нелепой магии недобрых ворожей,
и вот взамен ключиц мелькают лица.
Так наступает завершающий сюжет —
в окно повеяло сентябрьскою прохладой,
Венеция, которой больше нет,
приходит в грустный август Петрограда.
И сон на этом валится в кювет,
Квинс проявляется почти уже осенний,
как будто пролетело много лет
мимо предутренних мгновений воскресенья

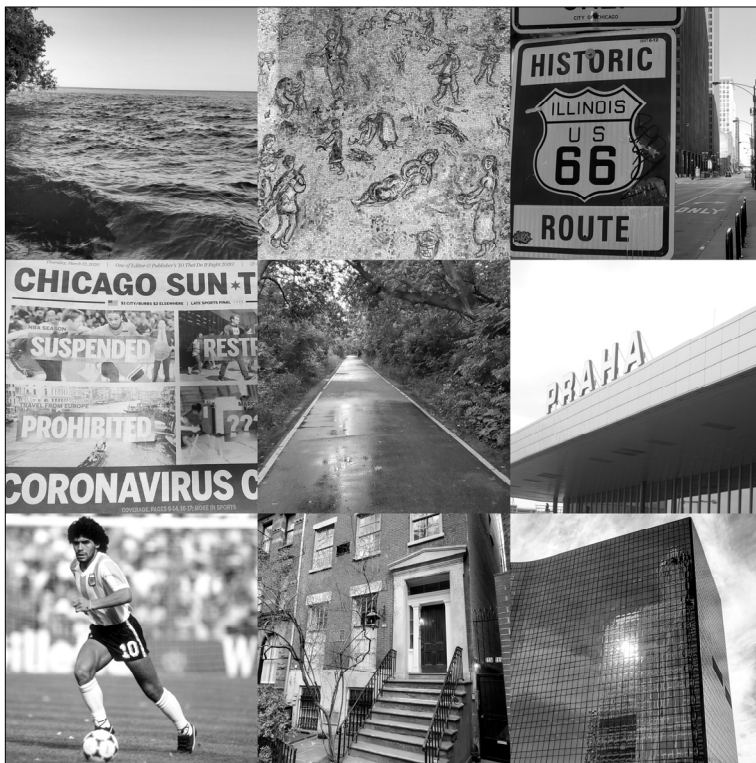
8/27-31/21

* * *

Путём взаимной переписки
кладутся в память одалиски,
те, что давно уже не близки,
но претендуют на печаль.
В нелепой повести осенней
под джаз мелькают воскресенья,
в дверях застывший неврастеник
глядит в негаданную даль.
Бывали времена пожёстче,
где, покопавшись в многоточьях,
могли к расстрелу приурочить
небрежным росчерком пера.
Но то в стране, где всё внезапно,
где выживали поэтапно,
до тех столпотворений марта,
где сухорукий — весь усох.
А здесь, пока демократично,
хотя вполне уже двулично,
и непривычно хаотично,
всё не уймётся скоморох.
Не проглядеть бы новый Веймар,
тут мало кто читает Гейне
под три семёрочки портвейна,
но Гейне вовсе не о том.
Не извлекаются уроки,
и все иные подоплёки
на пришлых свалят кареоких,
как прежде в городке Содом.
Тут одалиски и воспрянут,
у них истерики по плану,

это в ключе их войск диванных,
но отличается страна...
от той, где все давно решили,
что всё же прав был Джугашвили,
и здесь об этом не забыли.
Не дай, Господь, чтобы война...

10/01-15/21

VI. Перехлѣст

* * *

В примичиганских дюнах напролёт —
благие дни калифорнийских настроений,
рекорды октября идут в зачёт
погоде, мистике и прочим ответвлениям,
которые столь долго не с руки,
что даже строки не желают быть вторичны,
а побережья или там — материки
неправомерны, если пишется о личном.
И потому, для обобщений в самый раз,
такой вот осени, задержанной в дороге,
пророки, у каких намётан глаз
в разузнавании печали и тревоги.
Неровен час, Канада двинет войска
из снегопадов и заточенного ветра,
нагрянет в мир сезонная тоска
и обоснует суету коротких метров.
И вот тогда, в прибрежный Монтерей,
прибрежный Эванстон пришлёт наброски прозы
и станет в Киеве, зимой, чуть-чуть теплей
от этого печального курьёза...
Ну а пока, из аномалий тёплых дней
вершится нечто за пределом пониманий,
и оттого без запятых и словарей
пребудут контуры из словосочетаний

10/14/21

СОНЕТ БЕССНЕЖНОГО ПОЛНОЛУНИЯ

Хотелось ни много ни мало — всего:
чтоб за окном и цвело, и мело,
и чтобы она вдруг пришла как тогда,
и также осталась с опешившим — «да...»
Хотелось, чтоб не начиналась война,
но чтобы понятен был страх в городах.
И чтобы один океан на другой
не торопился коситься волной,
и пусть бы — она была в том и в другом,
но не со мной, а несбывшимся сном.
Хотелось невнятных, смешных запятых,
из-за которых корёжится стих...
Ещё — равноденствий при полной луне,
и всех откровений, пришедших извне

12/24/21

ДЕСЯТОЕ СЕНТЯБРЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЕРВОГО

В прериях лето, сентябрь пока ещё в общих чертах
совсем не осенний, тревожно-растерянный будто,
мы едем с футбола, и ветер в её волосах
как будто листает весь завтрашний список имён поминутно.

У Среднего Запада не возникает восточных надежд
о том, что зима будет мягкой, бесснежной и прочей,
научены опытом неромантических невежд,
мы знаем о холоде много всего — навидались воочию.

Вот только погода так скоро уйдёт на иные плато,
когда всех нас ранят навывлет осколками крыльев,
горящий на солнце Манхэттен, навечно про то —
как непредсказуемо ужас становится былью.

А время с тех пор относительно, и ни при чём,
слова не нужны, да и музыка стала вторична,
есть в прериях лето, не ставшее мудрым врачом
за те двадцать лет, что прошли или нет
в этом общем и личном

9/06/21

* * *

Горящих рукописей дым
не гарантирует пожара,
любовь — как возвращенье в Крым —
необъяснимая сансара.
И если дышит океан
столь равномерно междуречью,
то ни одна из наших стран
не нанесёт ему увечий.
Так откровение стихов
хитон навек срывает с музыки,
как воздуха, не хватит слов
рождённым в мороке Союза.
И даже Запад, как канон,
когда причастен к состраданию,
и тот попросит выйти вон
здесь выполняющих задание
тех, кто не понял до поры,
что их архаика ущербна,
а осень входит во дворы
и проникает равномерно
во всё, чему принадлежит
диктант из музыки и текста,
так пламя строкам одолжит
всё то, чему не стало места

9/06/21

МЕСТО ЧАСТЫХ СОВПАДЕНИЙ

Здесь слишком часты совпадения очных встреч,
словно клише прежних имён, давно ушедших,
столь невольно звучат напутственные речи,
как претенденты от чего-то уберечь.
Так в междуречье происходит испокон,
не прилетать, похоже, не выходит,
и по аллеям за собой уводит
в Центральный Парк капли перезвон.
И кажется — разнятся всякий раз
у острова оттенки и отсветы,
о чём угодно, только не об этом,
но это — навсегда в сетчатке глаз.
И совпадения не кажутся уже
случайною нью-йоркскою печалью,
скорей закономерной изначально
судьбой, замкнувшей время в вираже.
И постепенно просветлению туман
здесь уступает вздохам океана,
ответ покажется совсем уже не странным,
всё меньше походящим на обман

апрель, 2012 — июль, 2021
New York — Chicago

* * *

Бывает — нужно просто переждать,
не торопить несущееся небо,
на вдох и выдох, справа или слева,
решений и даров не принимать.
Дождаться, пусть уже не перемен,
а дуновений в сторону исхода,
сумел Вивальди, называя свои оды,
ни разу не сорваться на рефрен.

В процессе этом сомневаться грех,
сомнения всегда чреваты срывом,
Овидий, зная технику обрыва,
в наитье проповедовал успех.
Теория сравнений в пустоте
и относительно поставленной задаче,
а в отражении всё видится иначе,
тем более — под кистью на холсте.
У ожиданий в век перипетий
свои повадки, запах и оттенки,
так созерцанье трещины у стенки
порой дарует осознание пути.
Дождавшись, благодарности урок
извлечь смиренно, не вступая в споры,
встречать улыбкою негласные укоры,
только надеждой смерив данный срок

2/5-16/20

* * *

Кроме кошек, глинтвейна, камина,
что согреет ещё в феврале...
Что ещё бы собрать воедино,
погадать на каминной золе.
Для чего междометия, строки,
полузамкнутость трепетных век,
как прикрытие глаз волооких,
взгляд которых не верит в сюжет.
За окном предсказуема стужа
и осклизлых ступеней вражда,
но грядёт приглашение на ужин,
так бывает в больших городах.
А когда серый контур рассвета,
словно нехотя город займёт,

ей озябшей, но верящей в лето
сон тревожный составит отчёт.
И шагая к холодной машине,
рифму к слову напрасно задув,
понимаешь, что в этой общине,
аномален ты как стеклодув.
А она позвонит ближе к ночи
и предложит о прошлом забыть,
обозначит весь список пророчеств
и расскажет, чем кошек кормить...

2/09/20

ОТОЖДЕСТВЛЁННАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ КАРТИНА

Во всей печальной этой красоте —
нелепом снеге в обрамление карантина,
отождествлённая с реальностью картина,
в которой нечто, возведённое в предел.
Упорно наплывая из окна,
бела, трёхмерна и неотвратима —
отождествлённая, печальная картина
уже вполне свершившейся была.
Была она трагичней новостей,
с экрана оглашаемых кретином,
отождествлённая, печальная картина
в закономерности невыверенных дней.
Её черёд без сожаления придёт
из будто прежнего мерцания камина —
отождествлённая, печальная картина
в огне своё пристанище найдёт

3/22-30/20

* * *

*«A sip of wine, a cigarette,
And then it's time to go...»*

L. Cohen

Мессинг боялся замкнутых пространств.
Он ведал нечто надиктованное свыше.
В застрявшем лифте — узкий лаз на крыше,
надежда, не сулящая прикрас.
Из комнаты велел не выходить
нобелиант, всемирно повсеместный,
несоответствие морали неуместно
в марте двадцатого, однако, с этим жить.
И Козн, прежде чем покинуть китченет,
вина хлебнул, дымком затяжку сделал
и вышел исключительно по делу,
с тех пор не возвращаясь много лет.
В ограничении присутствует посыл
о том, что будущее видится иначе,
как с этим жить и что всё это значит,
спросить бы Мессинга, но след его простыл

3/31/20

* * *

В лузу луну, пожалуй на раз-два-три,
либо однажды когда-нибудь в три-четыре...
Непредсказуемы стали сюжеты в подлунном мире,
и потому ей столь неуютно в грустном жюри.
Она — персонаж самых лучших, огненных лет —
отражена голограммой в чикагском тумане,
в либретто её — всё в опаснейшем шаге от грани,
там — Лорка, Кортасар, и Борхес — немое кино.

В лузу луну на юге и у Днепра,
не первую жизнь она как бы шутя вбивает
и до поры... Дирижёр уже не успевает,
но дама в колье на раздаче скажет — «пора».
Она — в Аргентине и чаще всего одна,
а в послесловии, в общем, и смысла нету,
танго тот танец, где дама всегда раздета
вне возраста и притяженья, с ответом — да!
В лузу луну, как когда-то — пятак в турникет
на «Арсенальной»¹, глубже которой бездна,
в версии прозы — любовь её безвозмездна,
отраднее то, что в реальности этого нет

4/06/20

ПАНДЕМИЧЕСКОЕ

Если утренний кашель сигарет прежних лет
всех вокруг ошарашит и случится запрет
на общенье стихами, или там — без стихов,
в налетевшем цунами быт бывает суров...
Ну а в этом раскладе стоять взвесить все «за»,
есть ли бреши в ограде, кто Коза-Дереза.
Так как раньше — не будет, будет так, как всегда —
не изменятся люди, казус лепки — года:
то есть, рвач и мерзавец вряд ли станет святым,
а дурак беспробудный вновь продаст за алтын.
Бремя всех экзистенций не отменит печаль.
Раз случившись, Освенцим — не античная даль.
Слишком быстро забылось в неких светских кругах,
как с утра чифирилось в пермских тех лагерях.
Не читающих книги больше тех, кто б не смог
прокажённой Фемиде настучать слов на срок.

¹ Самая глубокая станция метро Киевского Метрополитена.

Пандемия, война ли, не изменится счёт,
это значит едва ли, что Мессия придёт.
Он ведь всё это видит на экране веков,
так же сослан Овидий, вечно терпит Иов.
И покуда не узнан, Бог живёт средь людей,
неподъёмной обузой будет образ теней...
Вот как утренний кашель сигарет прежних лет
будет признан «не нашим», и случится запрет

4/08/20

* * *

Это было так давно,
что уже неважно,
кто-то выглянул в окно
мельком и вальяжно.
На афишах всех кино
образ её влажный.
И стучали в домино
во дворах пассажных.
Заседало гороно,
в парках толпы граждан,
киевлянки с эскимо
утоляли жажду.
Словно в цирке Шапито,
с ним прощался каждый...
Через сорок лет... В АТО¹*...
...Ведь был солдат бумажный

4/20/20

¹ Официальное наименование изначальной стадии сопротивления Украины агрессивным военным действиям РФ (2014–2018 гг.).

АПРЕЛЬСКОЕ-ВИСОКОСНОЕ

*« — Чем же всё это окончится? — Будет апрель.
— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен...»*

Юрий Левитанский

Дни сливаются в один.
Грохнул лампу Аладдин...
Отозвав нелепый спор,
Карлсон заглушил мотор.
Илья Муромец воскрес,
взвесил шанс — на печь залез.

Джельсомино проиграл,
в «Голосе» полуфинал.
У Дюймовочки с утра —
карантинная хандра.
выгнав Гердту, мальчик Кай
к снежной даме въехал в рай.
Без команды слёг Тимур.
Сверг принцессу Трубадур.
с человеческим лицом
Златовласку клонит в сон.
От дистанционных мер
запил гордый Гулливер.
Ихтиандр не всплыл с глубин.
Дни сливаются в один.

4/01/20

РВАННАЯ АМПЛИТУДА

Она принимает гостей на распутье чумы,
противоречит здравому смыслу в себе самой,

дожди в этом мае хлещут Мидвест, как полковника сны^{1*},
она так же прекрасна, как очень давно, когда правил зной.
Она старше была на какую-то мелочь из дней и часов,
никогда не умела слушать, прощать, стареть,
и покуда весь мир людей закрыт на засов,
она приглашает гостей, накрывает стол,
а после рвёт амплитуду — в танце, жёстко тиранит смерть.
То, что она не отсюда, совсем другая, было понятно всегда:
в её повадках, страсти по всей амплитуде, сквозило чужим,
порой, на рассвете, казалось, что взглядом она брала города,
когда армии гибли в осадах годами над пропастью,
в той самой ржи.
Давно уже не в диковинку всё, что она творит,
ей снится порой, что не удалось уйти,
но в это чумное время, когда над Мичиганом
чудовищно так дождит,
ясно только, что танец такой амплитуды необратим...

5/17/20

* * *

С былым-грядущим, главным по защите,
и прочими, не знавшими как будет,
однажды летом, в бывшем Ленинграде
внимал цыганам странной белой ночью.
Как полагается у Гоголя, всё было
не просто зыбко, а с вкраплениями гротеска,
фантазмагории, банального абсурда
и сыростью дворов или колодцев...
По нарастающей: клеймо токсоплазмоза,
премьера всенародной терапии,

¹ Отсылка к роману Габриэля Гарсия Маркеса «Полковнику никто не пишет».

стихи в Париже девушке из местных,
Васильевского острова рабыне,
к приходу старости во многом преуспевшей.
И дом на Пестеля, и дом на Рубинштейна,
кафе с названием отрадно не кошачьим,
в историю вошедшим слишком прочно...
Ну и конечно же, Ростральные колонны,
как же без них и чокнутых атлантов,
как отраженье — названного странно — в реке,
собрания полотен эмигрантов...
И всё это на фоне подворотен,
где зрели столь масштабные убийцы,
что этот город может быть разрушен,
пусть только в памяти, но чтобы без сомнений...

11/29-30-22

ПАМЯТИ ВАСИЛЯ ДРОБОТА

В городе становится безлюдно
в рифмах — отчуждение печали,
словно в горизонт уходит судно
в путь к известной, самой дальней дали.

Ясно помню вечер в прошлом веке,
я был в нашем городе случайно,
как он в незнакомом человеке
разглядел вселенское отчаяние
и сказал, не сомневаясь вовсе —
а прочтите нам свои стихи со сцены...
Я мгновенно перестал быть гостем,
стало приглашение бесценным.

И потом, при каждом возвращенье,
набирая телефон поэта,

наставлял себя — при обращенье
соответствовать вне пафоса сюжета.
Он считал, что отчеств и регалий
не бывает в стихотворном цехе,
я привык, но всякий раз едва ли
панибратствовать не мог при человеке,
говорившем с птицами и Богом
уважительно, но не подобострастно,
о любви, сомнениях, о многом,
что казалось в строках не напрасным.

Летом, перед Крымом и войною,
с мостовой Андреевского Спуска¹,
я поднялся, совладав с жарою,
выпить кофе с ним на Институтской²...
Замечая всех прекрасных киевлянок,
не особо отягчённых одеяньем,
он сказал — не строй с приездом планов —
здесь зимой случатся злодеянья...
Я привык к его метафорам и слову,
но пророчеством, видать, был озадачен.
Он промолвил — всё здесь будет по-другому...
И заплакал — будет всё иначе.

Вновь приехал осенью военной...
Украина второй год сопротивлялась,

¹ Легендарная киевская улица, на которой происходили события романа Михаила Булгакова «Белая Гвардия», и на которой сейчас находится дом-музей писателя.

² Улица в историческом центре Киева, где в прежние времена находился Институт Благородных Девиц, в советское время — Октябрьский Дворец, и где зимой 2013–2014 гг. происходили события связанные с Майданом. Участок улицы, где от пуль пророссийских снайперов погибли восставшие киевляне, переименована в «Улицу Небесной Сотни».

а на Институтской — пули в стенах...
Но поэзия тогда ещё случалась...
Мы читали с ним в библиотеке
улицы Костёла и футбола¹,
в повзрослевшем и недобром веке,
в колокольном звоне рок-н-ролла.

Как поэт, он был вне времени и моды,
независим от регалий в виде премий,
брал себя взаймы у ритмов года,
где заведовал метелью и капелью.
А в последний раз мы повидались,
после чтений на Красноармейской²
в сентябре 17-го остались...
его рифмы и печали чудодействия...

Через океан по телефону
мы порой — стихи по-украински...
Он болел, я ремеслом был перемолот,
Украиной торговали в Минске...
И вот в этом, чуждом високосном,
совладав с зимой и пандемией,
он писал стихи светло и просто
языком, потерянным Россией...

¹ Киевская улица известная до большевистского переворота как Большая Васильковская, в советское время — Красноармейская. Нынче, снова — Большая Васильковская. На улице находится знаменитый стадион прославивший футбольный клуб «Динамо Киев». Стадион поменял множество названий: от одиозного «им. Хрущева», до «Центрального» и «Республиканского». В настоящее время, странным образом называется «Олимпийским», т.к. как там проходили некоторые матчи футбольного турнира, печально известной Олимпиады-80. На этой же улице находится Библиотека им. Панча, в которой неоднократно читал стихи замечательный киевский поэт Василь Леонидович Дробот.

² См. предыдущее примечание.

Только в городе становится безлюдно
и морозно — посреди июня...
Так печаль его ухода беспробудна,
безутешна в после-полнолуние...

6/18-19/20

ЛЕТО. 70-е, IV. КОНТУРЫ ПОЗДНЕГО ДЕТСТВА

Постановочная драма, где рефреном — «Хари Рама»...
Инопланетяне Лемма. Ласков зверь на плёнке «Свема».
Сумки из полиэтилена, смело загорает Лена
у лимана, с гобелена... Буратино из полена...
...и турнирная таблица, с первой строчкой у тбилисцев.
Диалог подробный в лицах, нечто каверзное снится.
Из Америки не пишут. Дождь сонатами по крышам.
«Два портфеля...» вместе с Кышем.
Голос «Вашингтона...»¹* слышен:
У «Союза» с «Аполлоном» стык случился законный —
космос, это столь бездонно, если бомбою нейтронной...
У семнадцати мгновений — свастика местоимений.
В механизме пианино — дачный образ Арлекино.
Киностудия «Баррандов» в подсознание метит странно,
голой грудью героини смыв инопланетный иней.
И совсем иначе «Дефа», аризонского рельефа
добавляя суть в пейзажи, пафос лепит из муляжа.
Отблеск озера в Тракае, образ вяло обтекаем...
Терриконы по дороге — станций узловых пороги,
тех, что станут фронтовыми, но не в том советском мире...
В Сочи пляж опешил хором — катастрофа с «Пахтакором»...
Возвращенье через Фастов, палит август инфракрасным.

¹ После позывных радиостанции, в эфире под аккомпанемент гушилок звучала сакраментальная фраза заокеанским голосом: «Вы слушаете *Голос Америки* из Вашингтона...»

Вот открытка из ОВИРа, что там, майна или вира?..
Ненавязчиво и жарко во дворах, в постелях, в парках...
Проза Маркеса с Ремарком...
В декабре — состав до Чопа, и — Восточная Европа,
а не борт до Ашхабада и душманская засада..
Тасовалась непредвзято — вся судьба семидесятых.
Новый год с восьмёркой, Моцарт — праздник
венской позолоты,
а затем — предместья Рима, первая любовь, маслины...
Перелёт над океаном, и совсем иные драмы...

8/14/20

* * *

В рамке странной малахита
плавится июль,
високосен и пропитан
занавесок тюль.
Фоном мира, что уходит,
проплывает год,
в ставках на рулетку «ковид»
будущность грядёт.
Для чего все эти меры,
вздохи и печаль,
озверевшие химеры
созерцают даль.
И янтарны ожерелья
листьев за окном,
в стихотворном каждодневье
пребывает дом.
За его пределом споры
и словесный жар,
подлецы, лакеи, воры,
патока, нектар.
Только взгляд британской кошки

в дальний горизонт
эту скверну всю и пошлость
превращает в зонт
от напастей и ответов,
графоманских ид,
от вражды и пиетета
избранных чужих.
Утоляют жажду книги
прежних мудрецов —
в них восходы многолики
в созерцанье слов...

7/17/20

ЭТЮД ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕКА

В шахматы на раздевание
в августе нового века,
граница Нью Джерси и Пенсильвании,
женское имя легенд ацтеков...
Странная, как персонаж эзотерики —
киевлянка Восточного Побережья,
воздушных дорог Америки
не замечая, метили в прежних
персонажей Аксёнова,
романа, где Крым переделан в остров,
она под гитару петъ обнажённой —
переняла из кино девяностых...
Время ещё казалось замедленным,
а порой и вовсе включившим реверс,
они просыпались с восходом пепельным,
в любви перерывах — пороли ересь,
но в перешедшей в октябрь песне
партия часто казалась патовой,
озёрный Чикаго не океанский Нью-Джерси.

Ей, в общем, претила «манерность Ахматовой».
Однажды рейсом исчезнувших авиалиний
она и вовсе взяла и не прилетела,
всегда избегала изъяна загарных линий,
они поступили так, как она хотела.
Потом, на одном из гламурных сборищ
спросила — этюд Шопена или Корчного?
Выбор, с которым ни в чём не поспоришь,
больше не виделись и не обмолвились словом

7/12/20

ПРАЖАНКА МИЛЕНА. АВГУСТ 1968. КИНОФРАГМЕНТ

В городе — иностранные войска.
Разделась, без эпитетов свысока,
в гневе на то, что танки корёжат асфальт,
а также, что «стой, бля!» — звучит как «хальт»!
Август ласков, но падок на милитари клише...
Сколько было красивых слов от французского атташе —
мол, не посмеют — эмбарго, санкции, прочий бред
шептал, на спине оставляя бледнеющий след...
Затем, улета в Брюссель, позвонил и сказал: — «Увы! —
они оказались нахрапистыми, без головы...»
Пražанка Милена курила, глядя в окно,
и в трубку промолвила: — «мой генерал — вам не дано...»
Накинула шарф, в остальном соблюдая «ню»,
решила — прежде в будущее позвоню.
Набрала Варшаву, Тбилиси, Киев и Минск
и, глядя сквозь ей у Влтавы поставленный обелиск,
сказала Божене, Этери, Оксане, Марине с усмешкой у рта:
— Их с толку собьёт не взрыв, а моя нагота,
не будьте доверчивы, Киплинг всё предсказал...
Направилась к танкам... Камера смотрит в зал...

8/17/20

* * *

Кортасар вслух, аскеза сентября,
наличие означенности темы...
Ничто из двух — ни море, ни земля,
и вечный суд с пристрастием богемы.
Из недостатков измельчание пространств
не самая печальная из истин,
но если в моде слово диссонанс,
то дальше только вычурные мысли.
Сны Патагонии проносятся в Париж,
в них Киев чередуется с Чикаго,
поклон деревьев и невежливый камыш,
мажорный штамп, вершащийся во благо.
А фабула размашистым штрихом
не ладит с опостылевшею рифмой,
и то, что в горле в это время ком,
не объяснить одним гитарным грифом

9/03-9/17-20

ПЕРЕХЛЁСТ

«Из Марциала» — первая строка,
а дальше — применительно к погоде
и всех, уже иных чревоугодий,
во имя Одиссея-моряка...
Не хватит на повадки Цицерона
красноречиво и осмысленно воспеть
вот эту всю, квасную круговерть
покинутого кубрика-притона...
В котором прежде и гитара, и стихи
воспринимались трепетно и внятно,
а нынче — словно родовые пятна —
сомнения возводятся в грехи...
И не услышит муза лет иных

негромких слов, звучащих на прощанье,
там здравый смысл ушёл в чревовещанье
и пафос прославления таких...
Что только Вагнера звучащего вдали,
а вовсе более уже, не фуги Баха,
надежда неуместна в мире краха,
«Из Марциала», но светильник не горит

10/25/20

* * *

Знобит не от того, что перепад
октябрьских, прозрачных полнолуний
под знаком скорпиона сеет дрожь,
нечто иное, близкое лакуне,
умноженное на большую ложь.
Исчезли напрочь доводы цикад,
аргументированы истины иначе,
где прежде близких — разметало по углам,
и там, и здесь пребудет недостача
тепла и музыки, не внемлющей словам.
Им грош цена — количеству наград,
Нет радости. У пирровой победы
есть привкус поражения всегда.
Пусть обе стороны в наш век минуют беды.
У истин вечный выбор — наугад,
нет по краям надежды середины,
у авторов сонетов и баллад
столь часто крайности чреватy гильотиной.
В эпоху эпидемий чужд расклад,
где предпочтение эмпатии послужит
тем выбором, где мудрость победит,
куда привычнее задействовать оружие.
Вот отчего отчаянно знобит

10/30-31-20

* * *

Диего Армандо — не был командным,
Армандо Диего — был сам по себе.
Футбол тоже танго, высокого ранга,
в накале страстей и неровной судьбе.
Блистал в Барселоне, в корриде, на фоне,
бил басков в Мадриде за чушь об отце,
Неаполь на поле не сдал Берлускони,
британцев обидев в Мальвинский прицел.
Он не был примерным, отчаянно нервным,
его вдохновлял не Шекспир, не Магритт,
но мог с центра поля оформить «Вероне»,
был сюрреалистом с нездешних орбит.
Кумиром у женщин, не чуждым затрещин,
слыл как бы своим в мафиозных кругах...
Всё это вторично, нелепо о личном,
когда всепланетно расписан в голах.
Из Буэнос-Айреса прямо до рая
не ходит экспресс в високосном бреду,
он был Марадоной — шутил, умирая —
«Ставь мяч на отметку, на спор попаду...»

11/25-26/20

* * *

Штормило в городе, снаружи и внутри,
переходила в зиму пагубная осень,
цивилизация, делённая на восемь,
себя не находила в попури
зашкалившей и забродившей лжи
во всех своих вселенских переулках,
и память, отразившаяся гулко,
по-прежнему *Над пропастью во ржи.*

Эфир закрыт, как небо над страной,
в которой нелюди сбивают самолёты,
чьи пассажиры вечною субботой
бредут по радуге, презрев земной конвой.
Небрежно, словно чашку со стола,
все — прежде близкие — становятся чужими,
и шепчет нищенка на паперти — «Дожили,
вот и воздастся за дела и за слова...»
Экранизации, реальность рассмешив,
разбавили любовь на диалоги,
и тех, куда верящих, немногих
приговорили, мимолётно согрешив.
Луна в затмении простилась с ноябрём,
и, прежде чем принять декабрь в ложе,
не утолив печали, а умножив,
по траектории бросалась янтарём.
Штормило в городе, где озеро давно
вполне уже осознанное море,
здесь органичен блюз, о нём не спорят,
а просто ждут, что явится из волн

11/30/20

ТЕНДЕНЦИЯ

Снега нет и не будет,
похоже, в ближайшие дни,
есть у этой тенденции
славная закономерность —
от зимы не убудет,
она не спеша обронит
из несмелых сентенций
наивную, колкую дерзость:
телепатией в мысли,
смешным сообщением в сети,

телефонным звонком,
не стесняясь архаики звонкой,
как тревожно зависли
облака, что же им предъявить —
и глотательный ком
не измерить запутанной плёнкой.
Мировых потрясений
хватило на годы вперёд,
и от вздоха вселенского
дрогнуть готовы ограды,
горечь всех отдалений
однажды внезапно пройдёт...
Риторический вздох Вознесенского —
*...что тебе надо...*¹

12/14/20

МИСТИКА СРЕДИННЫХ ДЕВЯНОСТЫХ

На одной из переделкинских дач
как-то в осень, даже ближе к зиме,
вне сети, эфиров и передач
эта женщина привиделась мне...
Её контур словно соткан из сна,
тень скользнула из проёма двери
незадёрнутых гардин у окна,
и сказала: Только не говори...
— Этим сумеркам слова словно плетъ,
просто верь, если сумеешь глазам,
лихолетий пронеслась круговерть,
жаль, что будущность нечасто добра.
Подмосковный дождь сменился на снег,

¹ Строка из стихотворения А.А. Вознесенского «Исповедь мореплавателя» (1969).

даже промельк водворился в сюжет,
профиль женщины, как рок-оберег,
нивелировал течение лет.
В подсознании, по кругу метель,
попросила: — Опоздай на трамвай,
а в углу была наряжена ель,
у окна стыл в подстаканниках чай.
Белых хлопьев законный уют
неминуемо сменялся на дождь,
она молвила: — Я всё ещё тут,
жаль, что ты меня полвека не ждёшь.
Я послушаться хотел и сказать,
что не сходится — мне нет тридцати,
но она опередила, видать,
и шепнула: — Всё, мне нужно идти.
У меня похолодело внутри,
так бывает накануне зимы,
в Переделкино зажглись фонари,
и уже не оставалось вины

12/8-23/20

VII. Обетованный блюз

ПРЕДНОВОГОДНЯЯ ЛИРИКА

В предновогоднюю пору отсчёта,
лирика в строки приходит без спроса —
словно кисель исчезает с подноса,
как мезальянс госпожи с звездочётом.
В лифтах и виды выдавших парадных
запахи хвои и мандарина,
так, в снегопад приходила Марина,
в восьмидесятых, грустных и славных.
Лирике этой — в год пандемии,
столь неуместной и старорежимной,
ведом весь спектр театральных зажимов,
вся безнадёжность погибшей России.
Над Мичиганом — палитра тумана,
знать, не сулит обещаний прорыва,
не суждено быть тангере счастливой,
только стремительной и многогранной.
Гавани жаждет декабрьская шхуна,
ставшая слабой в споре с ветрами,
даже в великих озёрах — цунами
не происходят в мире подлунном.
Как резонанс аномалий природных,
лирика вечно жаждет ответа,
жаль — на спектакль не осталось билетов...
А репетиции — сплошь сумасбродны

12/13-24/20

* * *

Погода в Вифлееме не ахти —
на «троечку», с натяжкой на «четыре»...
Давно туда проторены пути
в уже во всём определённом мире.
А в остальном — всё той же чередой —
неверия — хоть продавай стадами,
всё так же фарисеи над толпой
разносят ересь ровными рядами.
Косноязычный лжец-прелюбодей
по-прежнему преследует пророка,
гоним и презираем род людей,
в глазах Юдифи — та же поволока.
И разве что израильский патруль
не беззащитен, как бывало прежде,
а стены здесь — хранят следы от пуль
и укорочен путь до побережья.
С благою вестью не торопятся волхвы,
нумерология витает над холмами,
жуют табак распространители молвы,
предатели бредут дружить домами.
А что погода здесь не балует порой,
то всё же лучше, чем пора хамсина,
с взошедшею рождественской звездой
противоречия ещё невыносимей

12/24/20

ПОСВЯЩЕНИЕ КИЕВСКОМУ ПОЭТУ

Олегу Максименко

Такая осень, только будь здоров —
планету удивляет и орбиту,

высоких чаще не хватает слов —
осмыслить эту грань с поста пиита...
На арамейском или прочих языках,
доступных где-то там — на подсознание,
пронзительно звучит в костёле Бах,
преобладают вечных истин очертанья...
В истории порой случаен миг,
где временно буянят неопиты,
их на фальцет срывающийся крик
впоследствии окажется кульбитом...
И остаётся лишь на кошек уповать,
на их покой и силлогизмов созерцанье,
нам всеобъемлющий эпитет стоит знать,
с улыбкой стойка умерив это знание.
Я верю, что наступят времена,
для жёсткой лексики отыщутся условия,
отдельно взятая покается страна,
и вражеским не будет Подмосковье.
И мы шутиливо, непредвзято доживём
до всех невиданных чудес инопланетных,
и виски выдержки столетней разольём
в честь несвершённых схваток арбалетных

10/02/21

НОЯБРЬ

Свет прозрачней в ноябре —
но обманчив и печален.
На покинутом причале —
листьев жёлтое каре...
Дни рождения подруг,
дни уходов корифеев,
гулкие шаги в лицах,
замыкающие круг...

Книг любимых корешки,
затаившихся на полке,
а повсюду — кривотолки
от вражды и до тоски.
Бабье лето за окном,
здесь оно слывёт индейским,
Пастернак о фарисействе
говорил как о былом...
Ласков ветер во дворе,
снег пока ещё в прогнозе,
в рифмах, в филигранной прозе —
свет прозрачней в ноябре

11/06/21

* * *

Суть через запятые, впопыхах,
а надо бы иначе, понемногу —
в процессе собирания в дорогу
нелепо слепо каяться в грехах.
А доброму напутствию вослед,
осознанно порой не грех поверить,
и притчу про семь раз и про отмерить,
сменить на действие — семь бед, один ответ.
Безбедно — тоже, впрочем, вариант
вполне приемлемый, какому предпочтенье,
к тому же в небольшом стихотворенье,
не претендующем на грант или гарант.
И что отрадно, мимо критики пройдёт,
там нынче по другим сортирам мочат —
постмодернизм без вязких многоточий,
всему свой срок, фанфары и черёд.
А «среднестатистичных» двадцать пять
можно взбодрить высказыванием дерзким
об ошалевшей вашингтонской фреске
и междометием, не принятым в печать.

Есть ещё те, служение кому
не терпит суеты и откровений,
они — курьёз остаточных явлений,
пить чай, не зарекаться про суму.
Из всех вышеозначенных словес
ничто не приближает к теме сути,
так градусник знаком с повадкой ртути.
Уместней взглядом в законный лес

3/07/18

ПОЛУСТАНОК FOREST GLEN

На этом полустанке — круглый год —
то недолёт, то вовсе гололёд.
Пребудут Оден, Эко, Пастернак,
благой порыв и даже тайный знак.
Претит банальных ожиданий череда,
когда звучит немислимое — «да»
или обыденный набор из полумер —
когда причастен и вмещён в размер.
На этом полустанке — мокрый снег
и жаркий август замедляют бег.
На вход и выход — несколько секунд,
как будто за флажки, в астральный бунт.
Платформа только в прозе эшафот,
когда конец главы диктует кот,
а в будни — полустанок Forest Glen —
вполне закономерный феномен.
На этом полустанке, как в кино,
ни выбора, ни права не дано,
парит в необрётённой тишине —
виденье улицы в угаданной стране.

Ни в чём не уличаем, не гоним,
здесь нет покоя в слове *рахамим*¹,
случайным утешением стихи
летят по ветру, будто мотыльки.
На этом полустанке — всякий раз
есть нечто, отвлекающее глаз,
и в странном ощущении дано
не завещать, но верить всё равно.
С улыбкой глядя в уходящие огни
тех поездов, что вовсе не пришли,
светлой любви сбывается волна,
сна повторенье компенсируя сполна

8/12/18

* * *

Несовпадение во времени,
не уличенье в постоянстве,
так горизонта просветление
не уместается в пространстве;
необъяснимое свечение —
столь ненавязчиво подспудно,
и будто бы лучи просеяны
вослед; по площади безлюдной
шагает пёс без роду-племени,
туда, где без году неделя
дождь моросит ему по темени;
из освещённого отеля
выходят статные и светские —
он и она — как муж с женою,
играет ветер занавесками,

¹ רַחֲמִים милосердие (*ивр.*).

их провожая без конвоя
к пересечению, где велено
их ждать отдельным экипажам,
и каблуки звучат размеренно
по мостовой прохладно влажной.
Несовпадение во времени

2/05/18

* * *

Видение у моря в январе —
не констатация, скорее пожеланье,
как если бы — в изысканном фойе
почтение в премьерном ожиданье,
когда все декорации уже
расставлены согласно назначенью,
а творческая группа в кураже
осознаёт своё предназначенье.
На улице пребудет лёгкий бриз,
как будто в пьесе не прописана погода,
волна о берег репетирует на бис,
девчонки-пальмы — безбилетницы у входа.
Всё замерло — выходит дирижёр...
прелюдия к спектаклю столь некстати.
Администратор не вступает в спор,
на репетициях энергию растратив.
Сомненья канут в озорной речитатив,
интерпретация по пьесе корифея,
и обнаружится нелепый лейтмотив
видения у моря, где теплее...

12/25/18-3-22-24

* * *

Что значит в жизни кошки человек,
известно Господу и ей самой немного.
Она порой встречала у порога,
не ведая, какой за дверью век.
Когда столь безвозмездно и легко
снимала наледь жёсткой канители,
невольно возникали параллели
со светом, проникавшим высоко.
Её любовь на подсознании была
таким необъяснимым откровеньем,
что даже законные деревья
к ней обращались жестами добра.
И ничего не требуя взамен,
читая мысли и потворствуя удаче,
она не знала, как по ней заплачут
с излётом осени у неостывших стен.
Существованья срез определён,
её уход уже не понарошку,
что в жизни человека значит кошка,
не подлежит резону испокон...

12/06/17

ФЕВРАЛЬСКАЯ ПОЛУЭЛЕГИЯ

Похожи — всё больше и больше —
снежинки былых снегопадов,
как прежде в шопеновской Польше,
хранят от неискренних взглядов.
Что стало с той тесною партой
с неровной поверхностью краски,
«историк» запугивал Спартой,
«физичка» таращила глазки...

Не выбывшему за пределы,
скорее, не много светило,
высокие мысли *вне тела*
республика не пригубила.
Как всё сослагательно дальше,
и значит — выходит, что верно,
вернуться в свой город без фальши,
пожившим чикагским экстерном,
но в чём-то оставшимся прежним,
иначе ведь необъяснимы —
каштаны цветущие нежно,
не в мае, а в светлом предзимье...
И вход в откровенье Ботсада,
не всем ведь доступен и виден,
а в общем — немного и надо,
всё гладко — никто не в обиде.
И значит, да здравствует Город,
в дни ангелов, раньше и позже,
на счастье — дождинки за ворот,
как мы безнадёжно похожи...

2/21/18

РЕМИНИСЦЕНИЯ #2

Двадцатый век, последняя декада.
Прямые сводки из сараевского ада.
На Сен-Жермен — парад стереотипов.
Тень Сартра и толпящиеся скифы.
Они пьяны, женаты и раздеты.
Парижским вечером заманивает лето.
В азарте лондонской, московской канители,
первой неверности распробовав постели,
спешат друг друга убедить в обратном,
всё в двадцать пять — смешно и адекватно.

Вослед любви такси на Левый берег,
где сумерки волшебнее Америк,
той, где сквозит из будущего танго,
и той, куда вернутся бумерангом.
Но это позже... Слёзы Сребреницы...
Пока же в уличных кафе читают лица
и убеждённые, что нет невиноватых,
любовью ладят все изъяны в циферблатах.

Изысканной элите эмиграций,
были представлены в отсутствии оваций,
в глазах легенд — они *амбре* американцы,
вполне уместно для тогдашней Франции.

Телеэкран не передал мольбы и гари
с водонапорной башни в Вуковаре...
Но возвращение случилось не за этим,
забывшись сном открытых окон на рассвете.

Ретроспектива ловко метит грани,
лишь предсказание сквозит в парижской рани,
укрытое в туман июльской Сены...
Предназначений ощущения мгновенны

12/27/17

* * *

...Крылья за спиною, как перед войною...
Б. Окуджава

Время истины Босха — кликуши зовут и пророчат войну.
И всё меньше познавших свинцовое, низкое небо.
В мире — плохо. Он непоправимо лежит на кону,
за ослепшею блажью надежда крадётся по следу.

Эполеты, поэты, таланты... — всё это слова,
те, что канут мгновенно под ужас воздушной тревоги,
адмиралы про Канта вещать застолбили права,
дезертир откровенно готов бросить правду под ноги.
Он и лыка не вяжет в судьбе недоживших общин,
важно чтобы свои не узнали, что может поведать куратор.
Если карма накажет, вбивая осиновый клин
вместо ложных регалий мгновенным и веским нон-грата...
Ещё шрамы окопов столетней и более поздней войны
в аккуратных полях не зажили, — эльзасских и прочих...
Кулуарные дразги, какими столицы полны,
рвутся будто *...из всех сухожилий...* и темень пророчат.
А пока в Приазовье и краденой, крымской Керчи
два народа, читавших про Чука и Гека когда-то,
друга на друга глядят по-воловы, — кричи, не молчи!
они все ещё живы — и те, и другие солдаты.
Месяц Хануки, светлых чудес Рождества
красноречием Рыльского, Чехова, Твена, оставшейся верой...
Все мы правнуки тех, кто молились, наивно считая до ста
в обречённых подвалах в проклятом, больном сорок первом...
Как нелепо и мерзко — когда в полуфразе взорвётся экран,
и ни Маска, ни Босха, а только тягучая, вечная темень...
Но пока ещё дерзко, не ведая пагубных ран,
к водопою неброско и повсеместно выходят олени...

12/12/18

СИМБИОЗ

Мимо птицы Пикассо, по мосту Патона¹,
над озёрной Скоростной долетим до дома.

¹ В стихотворении присутствует оригинальная топонимика имен собственных, присущая Киеву и Чикаго.

В Ботаническом саду Выдубецкий виден,
а Равинию в бреду предсказал Овидий.
Университетских стен — красных и лиловых —
как шевченковский катрен — над Де Полом сполох...
за Крещатиком левей — волны Мичигана.
Шёл с Девана иудей прямо до Майдана.
Если в Дарнице запеть песню под гитару,
Линкольн Парка круговерть все разгонит хмары^{1*}.
Из подольского двора кот заходит в Скоки,
вот — Батыева гора... Шеридан. Истоки.
Куренёвская печаль лечится в Оак Парке,
заднепровской дымки даль в эванстонской арке.
И в «динамовских шарфах» ходит на «Медведей»
с Нивок — благостный Исаак — Айзик здешний, средний.
Так сложилось невзначай, что на Прорезную,
чтобы пить с друзьями чай, выход через Тую.
Расстояний больше нет, есть родные лица,
оттого — Чикаго свет в Киеве искрится

1/13/19

ЛАДИСПОЛИ IV — ПРЕДОТЛЁТНЫЕ ДНИ

Предотлётные дни, всё Тирренское море в штормах.
У ладиспольских улиц штрихи ленинградских окраин.
Хоть два слова, прошу — оброни, в тишине образуется страх,
я шагаю, сутулясь, туда, где беседуют Авель и Каин.
Серо-чёрный песок, гребень сине-зелёной волны,
а вчера в Колизее мы гладили уличных кошек...
Ты по Via Aurelia, резко и наискосок, зачеркнула все сны,
словно миф о Персее с бесценною ношей...
Веллингтон от Тбилиси, почти в параллели — на крае земли,

¹ Тучи (укр.).

нісільки не ближе.

3/10/19

Стихи по приютам журналов, как малых котят...

203

Бывает — мерещится ночью, в конце января...
— И образ не тот, и сместился размер, и строка выпадает,
но всё же похоже, главред напечатал не зря...
...фотограф щёлкает, и птичка вылетает...

1/31/18

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Порой предсказания не стоят и ломаного гроша,
так было всегда, но кто ж этот грош ломает —
так после любви загадочен вдруг ландшафт,
по сути — реальности нет, только чай остывает.
Тут как наклонить — сослагательность есть или нет,
память не пишет фрагменты, а действует в целом.
В том лете нулей между двойками таял просвет,
закат и рассвет рифмовались по контурам тела.
На подсознание осталась загадка её ночей,
она не исчезла, не вышла в астрал и не постарела,
просто вернув *...как-то в осень* брелок от ключей,
осталась эскизом, наброском, несколько смелым

1/29/18

КРЕДО

*«...Вы должны бы понимать, что мир погибает
не от разбойников, не от пожаров, а от нена-
висти, вражды, от всех этих мелких дрызг...»*

А.П. Чехов

Не обижаюсь, не ведусь,
не осуждаю. Но не надо...
вещать про ясновидящую Русь,
из под бейсболки зреть державным взглядом...

Иерусалим — всегда, без скобок мой,
без демагогий, ответвлений и указов,
с рожденья в Киев не вхожу с толпой,
там не был я чужим ещё ни разу...
За сорок с лишним вёсен в США
я для себя вполне определился,
здесь навсегда, давно — моя страна,
в её свободе научился и случился.
Мне пафосным, имперским языком
не нужно псевдоистины глаголить,
и кто разочарован нынче в ком,
извольте класть к себе на антресоли...
Когда всё в мире станет на места,
когда он сам собой вполне переболеет,
и снимут с самозванного креста
в который раз... всех мнимых фарисеев...
Давайте вот тогда — поговорим
как прежде, тихо, без обценных реплик
про Крым, про Киев, про Иерусалим,
про то, кто оптимист из нас, кто скептик.
О том, что вечно состраданья слог
отнюдь не слабость, а неведомая сила,
что за порок — не может ратовать пророк,
как бы судьба его с дороги не сносила...
Но это после, жаль, что не теперь,
во всём уместней споров нынче — книги
так избегают неосмысленных потерь,
снимая ненависти острые вериги.
До той поры я не вступаю в спор,
для всех придёт пора определиться.
Ведь испокон — чужое взявший — вор.
А ложь — легко читается по лицам...
Не обижаюсь. Не ведусь.
Не осуждаю. Но не надо...

1/04/18

ЭКСПАТСКОЕ

Хорватская сабра Сабрина
сказала, вставая с постели
в Москве девяносто шестого,
на свежем, осмысленном русском,
весной, в переулках Неглинной:
*Не слишком ты разве осмелил
в прочтениях графа Толстого,
не разумеешь нагрузку
и зря облакаешься финном...*
*Ты кем сам себя понимаешь
в процессе всех перемещений,
вам делали вызов до Хайфы,
а вы приземлялись в Нью-Йорке,
теперь вот невнятицу травишь,
читаешь мне стихотворенья
в подбострастии кайфа,
здесь, на европейской галёрке,
меня в неудобствие ставишь...*
...Он был в Черновцах сотворённым,
в советском ещё промежутке,
и вывезен в Вену на грани
всех предолимпийских отказов,
английский был приобретённым,
и новозеландские шутки
акцента в нём не выдавали,
и думал — хранили от сглаза,
но выслушал речь удручённо.
— *Ты видишь во мне скандинава* —
спросил, глядя смуглую спину,
сосем не канадца, не янки?
*Мне даже обидно, подруга —
занабдто похоже не здорово,*

*я из веллингтонской общины,
а ты на ролях партизанки
вербуешь меня для досуга,
совсем не для денег и славы.*
Не вышло у них продолженья,
в риторике стереотипов
и в комплексах прошлого века
любовью не стало соитие,
а в ритме глобальных движений
деление на архетипы
губительно для человека
и для предсказаний событий,
зависимых от обобщений

2/11/18

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Таким вот февралём — нелепым, непростым,
заснеженным до крыш, обыденным по сути...
За письменным столом — беседа с домовым,
и как сквозь стену мышь, шурша, крадётся путин.
И начинает ныть, что, дескать, он не знал,
что избранность всегда чревата неуютом,
что вот ему — как быть, мол, скучен пьедестал,
что губит красота невзрачных лилипутов.
И вот среди зимы скопившихся проблем
поток идей горчит в сухой дилемме шаткой...
Встать, сверить у жены, без лишних теорем,
чем бестию урыть, Сократом или тапком...
Спонтанно за окном, его прервал баклан,
отшельник и пиит из иллинойских прерий, —
мол, что ты мелешь, гном, как капающий кран,
ты здесь конкретно влип, всех пауков Тиберий...

То ли в ботинки стёк, как прежде в ГДР,
и Собчаку шепнул, чтобы — портфель и быстро,
исчез как ботокс щёк, явив собой пример,
из дел заплечных мрак, косит под Монте-Кристо...
Таким вот февралём... Не за горами март,
где мимо пронесёт сюжет энтомологий,
во сне и за рулём присутствует ландшафт,
способный защитить от мрака демагогий

2/27/18

* * *

А ведь прилетит — не кометой,
так серым гусём,
и спросит о том и об этом,
по сути — про всё:
Как это возможно,
столь мелочно, пагубно лгать,
не вздрогнув подкожно,
что маятник — это печать.
Среди цифровых технологий
и беспроводных,
всё нет апологий
для слов низводяще-пустых.
Дым неумолимо
всегда поднимается вверх,
в Сибири глубинной,
в Треблинке, у этих и тех
детей были мамы,
в последний ушедшие крик.
Устали от драмы
вельможи, их русский язык
пустился в убогий,
постыдный, мертвеющий пляс,

обивши пороги,
не вспомнят всевидящий глаз.
А ведь прилетит
и поставит к незримой стене.
На этом пути
не дают индульгенций во сне

3/28/19

РАННИЙ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ

Вполне вероятно, что это уже не Париж.
Ранние рейсы всегда чреваты
разбавленным кофе — верней суррогатом,
акмеизмом и гулом турбинных ниш.
Луна заблудилась в сетях скорпиона,
в начале месяца «без пяти»,
органный фуга на полпути —
вот так на воздушных и ждёт перегонах.
Всегда високосным кажется год,
пожалуй, полвека ещё продлится,
так и не станет она бледнолицей
в постелях, не терпящих Лорку господ.

Съехав с обыденной темы в кювет
на высоте едва ощутимой,
тиной затягивает сюжет
старопрудной такой незримою тиной.
Дельта Гудзона в соседнем окне,
и значит, уже не Париж ни разу,
резкость права обретает сразу
в строках, написанных в полусне

11/04/17

Ни сдержки, ни противовесы — по сути уже ни к чему,
так пусто на рейде у светлых улыбок бывает нечасто,
и верить не то что нельзя, но нет смысла уже никому —
у правды подход к объективности с выгодой частной.
Любовь устарела и выглядит полузажившим клеймом,
порой ещё жжёт, но без боли — скорее, на грани рефлекса,
есть поисковик с поменявшим значенье названием «Хром»,
и там всю любовь нивелируют в образ беды повсеместно.
Есть проблески памяти, где как в кино обретается свет,
где грани щемящей свободы ещё до конца не истлели,
но память — реальность прошедшего, жаль её сводят на нет
фрагментами бездны подспудно возникшие тени.
Но есть утешение в ласковом шелесте книжных страниц,
в откате волны океана, в порывах нездешнего ветра,
в слезинках, дрожащих на солнце в заманчивом мире ресниц,
в отрезках шоссе, где на скорости мили — вполне километры.
И значит, не время ещё отходить и сдавать рубежи,
есть шанс, что гибридная накипь самую собой захлебнётся,
споткнувшись о все терриконы нахрапа и тягостной лжи,
и чистой водой родниковой наполнятся стены колодца

6/01/18

НАД САВАННОЙ

Вечерний рейс: Конфедерация — Союз,
загар соседки слева впечатляет,
ей так претит ярмо семейных уз,
на что брюзжащий муж ей и пеняет...
Студентов выводок, порядком ошалев
от выходных на «острове свободы»,
исходит хохотом, презрев всеобщий гнев,
сосед по центру сочиняет оды.
Брюнетка-стюардесса ищет смысл
бессонной ночи в Новом Орлеане,
когда ей, голой, денежный нарцисс

всю душу кокаином испоганил.
Второй пилот, с претензией на смех
прогноз озвучил в месте назначения,
особенно усердствуя про снег
и обстоятельств грустные стечения.
Сосед, что через ряд и у окна,
купил со скидкой доступ к интернету,
внизу под «боингом» — огромная страна
уже не ищет утешений и ответов

10/20/18

* * *

У светлых дней — изысканный посыл,
ажурный фон, невычурный оттенок,
там музыка созвездий в лунный час
так органично гармонирует с удачей —
всю ночь как в зарево глядеть в её глаза,
покуда птицы не начнут свою распевку
минут за сто шестнадцать до рассвета,
но даже этой незадачи тайный смысл
хранит начертанность всех тех реинкарнаций,
где совпадений неслучайный лабиринт
столь ненавязчиво наметил горизонты,
которым только предстоит отсвет зари,
и сумерек загадочная суть,
когда пунктиром метится отрада,
а горечи права уступит грусть,
та — светлая, когда порой ноябрь
одождит у апреля лёгкий бриз,
воздушные потоки облекая
в прелюдию тех самых светлых дней

10/22/18

НАЗНАЧЕНИЕ

Улетай поскорее из этих озёрных краёв,
здесь — у прерий — свой терпкий,
любовью пропитанный нрав.
Исчезая, забудь анаграммы несказанных слов
столь поверхностной лепки
и полузабытых октав.
Улетай, если сможешь, и больше не нужно сюда
ни этюдом, ни рифмой случайной,
ни взглядом, ни сном.
От таких возвращений внезапно приходит беда
вслед аккордам мелодий прощальных
в чудном одеянье простом.
Улетай, у нелётной погоды — свои времена,
а покуда безветренно, тихо и солнечно,
лайнер спокойно взлетит.
Под крылом неизменно останется та же страна,
от рассвета до ласковой полночи —
город невольно простит.
Улетай без сомнений, про всё в одночасье решив,
в сослагательной лексике
вечно таится коварный изъян.
Когда в детстве — однажды ломаются карандаши
по классической сказочной версии —
это жестокий и тонкий обман.
Улетай — тебя встретят, обнимут, предложат постель,
турбулентность всего лишь прелюдия
лучших и светлых времён.
Время вылечит всех расставаний навязчивый хмель,
ну а если случайно забудет,
то есть камертон...
Улетай

7/07/18

* * *

Четвёртый по счёту, в начале — январен,
пронзительно дерзок, морозен и колок,
спасенье в прибрежном миру кофеварен,
в среде поэтесс, утончённых от боли наколок...
Весне календарной претят пунктуальность
и строки изысканной рифмы в размере,
дуэль — канонада на точность и дальность
не здешних и вовсе забытых уже артиллерий.
Ей выпал удел — быть предвидящей беды гречанкой,
особенно в эти нелепые дни, когда зябко и сыро,
срезают ли где-то пехоту эфирной молчанкой,
и незавершённым теряется след у предместий Каира.
Всегда неожиданно, вдруг, возникает то самое слово,
искрится напитком, таким неуместным в начале апреля,
во всех начинаньях сквозит её прихоть дрожащей основой,
когда на задворках ещё умирают январские ели...
Желание верить случается в дни мичиганских туманов,
да так не напрасно, что даже не нужно иных вариантов,
она предсказала всю тщетность строения длительных планов
за стынувшим кофе, с усталой улыбкой листая Вагантов

4/16/18

ПРОМЕЖУТОК ПРИГРАНИЧЬЯ

Авторское послесловие

У этого сборника стихов, по сути, географическое название. Если быть точнее — это район среды присутствия: американский Средний Запад, на местном наречии — Мидвест, юго-восточное побережье озера Мичиган, район большого Чикаго. Здесь места ветров, озёр и прерий. Давнее приграничье, откуда европейские переселенцы, не задержавшись на уже освоенном североамериканском востоке, либо двигались дальше на запад к вождённым землям тихоокеанского побережья, либо оставались здесь, в разных частях Мидвеста — от акваторий Великих Озёр до гряды Скалистых гор. Иллинойский Саганаж и окрестности — историческая вотчина индейского племени Потаватоми. Здешние улицы проложены по прежним торговым и боевым тропам. Здешние дома построены на месте прежних вигвамов. Не вдаваясь в детали здешних порой трагических обстоятельств, договоров, интриг, перемещений, поражений и побед, которые давно уже принадлежат истории... По выбору семьи, с раннего отрочества — я здесь дома. Это мой промежуток приграничья, куда я неизменно счастлив возвращаться уже более сорока лет.

Приграничья бывают разные — внешние и внутренние. Обозначенные на карте и проложенные в промежутках дыхания и сердечного ритма. Стихи, собранные в этой книге, скорее о ритме и дыхании. Здесь, в Саганаже есть тропа, проходящая сквозь лес. Однажды давно, она стала железнодорожной «узкоколейкой» и, отслужив на этой стезе немало лет, в какой-то период времени в промежутке приграничья между веками снискала репутацию загадочной и чуть ли не мистической заброшенности. Но случилось редкое волевое решение местной ратуши — рельсы

и шпалы заменил ненавязчивый асфальт. На вернувшей себе первоначальный смысл тропе появились белки и олени, а порой даже кошки и люди. За последние полтора десятка лет, в разные времена года, именно там ко мне изначально приходили строки стихов и прозы; задумывались и возникали названия как минимум трёх вышедших с тех пор книг; принимались решения о путешествиях, рабочих юридических стратегиях, а порой и стратегиях иного толка.

Там, в необычной тишине и непредсказуемости долгих месяцев пандемии, при встрече редкие прохожие возвращали на лицо спущенные на подбородок маски и отводили глаза. Туда, на эту старую тропу племени Потаватомы я пришёл промозглым утром промежутка душевного приграничья 24 февраля 2022 года, когда в моём родном Городе, далеко за океаном, уже несколько часов были сирены воздушной тревоги, гремели взрывы и уничтожались вражеские диверсионные группы, кричавшие на том же языке, на каком тогда ещё общались многие мои друзья-киевляне и который я зачем-то столь бережно сохранил в Америке. К теме языков я ещё вернусь. Но сейчас о Киеве и Украине, которые... я никогда не покидал. Во всяком случае — это превалирующее мнение среди моих родных и близких. И ещё подобная точка зрения порой звучала у ряда уважаемых литературных критиков в отзывах о моих прежних публикациях. Безусловно, со стороны виднее. Хотя моё мнение по этому поводу в чём-то разнится в деталях.

Действительно, есть несколько мест на планете, в унисон с которыми происходят как моё дыхание, так и тот самый, вышеуказанный душевный ритм. Это, прежде всего — единый, неделимый, израильский Иерусалим, столица очень много значащего не только для меня еврейского государства. А также город моего первого вздоха, первого слова и первой рифмованной строчки. Это Киев — столица свободной, независимой и единой Украины. Меня основа-

тельно гложет физический «эффект неприсутствия» там, о чём в книге *«Саганаж»* есть целая глава. Но уверен, что эффект этот временный. И что очень скоро воплотятся пророчества пасхальной Агады — «*в следующем году — в Иерусалиме*», и конечно же — в Киеве, и, может быть, даже не в следующем, а уже в этом. Общим моим обетованным землям нынче не до меня. В обеих — идёт война. Израиль и Украина непременно победят. И тогда мы увидимся. Обоюдно и обязательно. Так всегда, было, и так будет вновь.

Изначальное, рабочее название этой предполагаемой книги стихов представляло собой английскую транскрипцию латинского термина, обозначавшего семилетний промежуток. Не вдаваясь в расхожие психологические, культурологические и даже мистические нюансы подобных промежутков в жизни и творчестве — здесь если и присутствует подоплёка, то она вовсе не в мистике нумерологии. Просто семь лет назад, практически одновременно в Украине и в Америке вышел сборник моих «избранных» — лет за тридцать — стихотворений *«Траектории Возвращений»*. Автору весьма отрадно то, что к тому изданию неплохо отнеслись и читатели, и критика. Книга неожиданно оказалась удостоенной одной из литературных премий Союза Писателей Украины.

Основной творческий эксперимент нынешней книги заключался в том, чтобы туда вошли исключительно стихи, появившиеся с тех пор, за семилетний период с 2017-го по 2024-й. В этот отрезок времени произошло невероятно много всего. В силу складывавшегося в по-своему приграничном промежутке симбиоза глобальных и личных обстоятельств, несколько сократились непосредственные путешествия автора, предполагавшие частые пересечения Атлантики в самолётах. Тем не менее, виртуально продолжившись в Саганаже. Оказывается — Парижу, Праге, Киеву, Тель-Авиву, Барселоне и Калифорнии вполне ком-

фортно находить свои отражения в небольшой местности, прежде принадлежавшей не самому знаменитому из индейских племён Северной Америки. Поэтому нынешний сборник стихов носит географическое название приграничного промежутка, где заканчивается многоликий метрополис и буквально через дорогу начинается совершенно иной мир его расположенных в прериях и на побережье озера Мичиган пригородов.

Подобных, давно не безразличных автору, негромких географий в этой книге присутствует несколько, да ещё и не единожды: место ранне-отроческих открытий — римский пригород Ладисполи на берегу Тирренского моря. Ещё, находящийся на линии Гольфстрима, отделяющий Атлантику от Мексиканского залива, по сути, остров открытий уже литературных и вполне взрослых — Ки Вест. Ну и, конечно же, подспудно — возвращённая наконец осенью 2017-го из детских воспоминаний — Соколовка, на старом русле во многом магической и судьбоносной для автора реки Десны в Черниговской области Украины. Опять же — промежуток уже непосредственно географического приграничья, вполне реально осязаемого уже тогда, и очень остро — в сегодняшних жестоких военных реалиях.

Именно туда — к реке и хвойным лесам первой памяти мне так хотелось добраться в каждое из своих возвращений в Киев. Но всегда возникали обстоятельства, почему этого не происходило. Кроме тогдашней осени, после одного из, наверное, лучших из всех имевших место быть, посвящённых выходу *«Траекторий Возвращений»* моих авторских чтений. Та встреча с читателями и друзьями была особенной. Она прошла в каноническом для многих, а для меня особенно — Музее Булгакова на Андреевском Спуске, после захода солнца, по завершении поста Судного Дня. А следующим утром благодаря решительности былой одноклассницы и соседки по парте — транзитом через Бро-

вары и Остёр — я увидел наконец, по прошествии многих лет то самое старое русло Десны в Соколовке. Но подробности этого сюжета — уже скорей для грядущей прозы.

Ко всему прочему, признаться, Саганаж, да и весь Чикаго ещё и очень созвучны моим вечно киевским восприятиям окрестности. Особенно весной, когда происходит буйное и повсеместное цветение каштанов и сирени, явно посаженных много позже присутствия здесь последних представителей индейцев Потаватоми. Здешний климат практически тот же, что и в центре северной Украины.

Над Саганажем уже много лет расположен воздушный коридор, откуда заходят на посадку самолёты со всех континентов в не раз прославленный в мировой литературе чикагский международный аэропорт. Зачастую вечерами, с уже упомянутой в деталях местной лесной тропы, в небе кажется зависшим целый рой воздушных лайнеров, ожидающий разрешения авиадиспетчеров на посадку. Но однажды, вместо габаритных огней, кажущихся замершими в небе подобным НЛО «боингов» и «аэробусов», я лицезрел над тропой самый настоящий жюль-верновский воздушный шар. И это был не сон. Это был основополагающий контраст относительности и приграничья. Тропа в Саганаже располагает к чудесам. Порой, возвращаясь с неё к нашему с женой дому, я ощущаю себя идущим по Печерску, а если стремиться к более точным параллелям, — раз Саганаж чикагская окраина, то тогда с ним больше рифмуются прежние киевские окраины, такие, как Нивки или Голосеево. Наверное, всё же Голосеево, если учитывать количество здешних парков, а на самом деле — почти нетронутой лесной полосы.

И всё же это Америка. Тут в основном говорят, пишут и читают на несколько отличающейся от оригинала американской версии английского языка. Хотя и испанский язык в последние несколько десятилетий также основа-

тельно заявляет о своём присутствии и праве на место под здешним солнцем. Почти буквально — в непростых и во многом не похожих, в разной степени приграничных, но одинаково солнечных штатах — Калифорнии, Техасе и Флориде, сегодня уже можно ограничиться знанием исключительно испанского и, наверное, вполне сносно при этом существовать. Мало кто станет спорить, что и английский, и испанский — языки прежних империй, наложивших значительный, минимум лингвистический, отпечаток на свои прежние сферы влияния. А вот о подобном — имперском статусе русского языка — в агрессивной прежней метрополии по-прежнему ломаются копья, и ею даже развязана полномасштабная война с внедрением артиллерии, авиации, дронов и баллистических ракет против соседней мирной страны.

Я родился в тогда ещё советской Украине, в середине шестидесятых годов минувшего столетия. Не секрет, что русский язык был доминирующим на всём пространстве во многом искусственного бывшего Советского Союза вплоть до его долгожданного, во всяком случае, в эмиграции, естественного развала. Как и большинство киевлян в семидесятых, я с детства органично понимал и свободно читал на украинском языке, но говорил и общался на русском.

Есть, правда, печальный нюанс — в раннем детстве основную часть времени я проводил на Нивках, у бабушки с дедом, между собой говоривших на идиш, но кроме разве что нескольких слов этого удивительного, ныне исчезающего языка я почему-то не знаю, о чём очень жалею. Для меня до сих пор истинная загадка, почему так произошло. И может быть это ещё поправимо.

Оказавшись в Америке в раннем отрочестве, достаточно безболезненно, хотя и не сразу, вписался в англоязычную школьную и прочую среду, что вполне естественно в раннем отрочестве. Тем не менее, в отличие от изряд-

ного количества своих эмигрантских сверстников, сложилось так, что прежний язык сохранил в полной мере, да ещё и в чём-то усовершенствовал, открыв для себя огромный пласт написанной на русском, либо переведённой на этот язык, запрещённой в той самой метрополии великолепной литературы мирового уровня. И что ещё более необъяснимо для меня самого, даже сейчас, по прошествии изрядного количества времени — принялся тогда же писать на этом языке стихи и то, что отдалённо напоминало прозу.

Тогда, в восьмидесятых годах минувшего века, в здешней среде это считалось аномалией, и порой не чуждые литературным опытам в местной общине добрые люди постарше представляли меня заезжим в чикагские окрестности, среди прочих, Коржавину, Довлатову, Некрасову, Аксёнову и Бродскому. Ни один из перечисленных корифеев, признаться, тогда за феномен моё подобное времяпрепровождение не счёл. К счастью, я тоже не видел в этом ничего особенного.

Не утраченный вовремя русский язык вполне пригодился, когда в стране, пророчески названной Рейганом «империей зла», наметились поползновения к попыткам ухода от своего, похоже, естественного состояния — мракобесия и войны. Во время учёбы в университете на факультетах политологии и сравнительной филологии, а затем и в юридической магистратуре я много и довольно успешно занимался синхронным и документальным переводом. По окончании юридической магистратуры, в сюрреалистических девяностых, в числе многих владеющих тем самым языком — адвокатов, финансистов, маркетологов и прочих западных специалистов — я оказался в ремесленных приграничных промежутках Праги, Лондона, Киева и Москвы, получив предложение на адвокатскую должность в английской юридической фирме с давнишней деловой репутацией.

И когда на многочисленных переговорных встречах, в том числе и в городе детства, бывал представлен как «американский адвокат из московского офиса [известной британской юридической фирмы]», вполне осознавал некий фантазмагорический абсурд происходящего. Одним из способов совладать с этой явно временной надреальностью, кроме приобретённого вместе с родительскими генами много раз выручавшего меня чувства самоиронии, стало также то, что характеризуется в общем и целом громким словосочетанием литературная деятельность, генное происхождение которой родители продолжают категорически отрицать.

К тому времени мои стихи уже нередко публиковались в литературных журналах, вышло несколько поэтических сборников. За время тех нескольких лет восточно-европейской адвокатской каденции мне повезло, по различным стечениям обстоятельств быть знакомым с замечательно талантливыми, известными людьми из литературного и театрального мира. Я пересмотрел множество чудесных спектаклей, шедших в ту пору в репертуаре легендарных театров Европы. Не раз оказывался в обществе, делил сцену и читал стихи с литераторами, ставшими кумирами поколений ещё в пору шестидесятической оттепели... Был рекомендован ими, и, едва достигнув тридцатилетнего возраста, принят в известный союз писателей.

Калейдоскоп всех этих явлений вращался в ту пору слишком быстро, и те самые мои определяющие ритм и дыхание, наряду с вышеозначенной самоиронией, подсказывали, что из поезда той, не вполне реальной реальности нужно суметь вовремя выйти. Не раз и не два в интересных творческих компаниях, будь то Москва, Питер, Таруса или Переделкино, мне с отменным чувством юмора, после очередного бокала элитного вина, ненавязчиво и комплиментарно указывали на «мой изысканный для иностранца русский».

Реже, после подобного комплимента также, будто незначай, ёмко звучал пассаж, в котором подчёркивалось то, что как, наверно, всё же странно с моим давно американским, в детстве вообще киевским, да ещё и определяющее еврейским происхождением слыть «русским поэтом». Подобные выпады, в основном, были свойственны не особенно известным и во многом случайным в подобных компаниях людям. Впрочем, я и сам был в этом обществе совершенно случаен и отчётливо осознавал, что всё это более чем не моё. На сан «русского поэта» никогда не претендовал.

Всё чаще и чаще я стал тогда бывать в Киеве, благо лететь туда на «боинге» замечательной, давно уже не существующей авиакомпании с израильским инвестированием было всего около часа. И фирменный поезд «Украина» со всей экзотикой детства, включая СВ и неограниченный чай в тех самых, не раз снившихся за океаном подстанциях, отправлялся поздно вечером и приходил в Город, как правило, волшебным ранним утром, пересекая мост через Днепр в рассветных лучах. В Киеве, разумеется, тогда было, как и везде, переломно-сложно.

Допускаю, что и в давно оставленном «навсегда» городе детства могли присутствовать одиозные личности, не преминувшие бы напомнить мне и еврейское происхождение, и американские повадки, и несовершенное владение украинским языком, да ещё и зачистившие публикации на русском. Однако, подобного я не припомню, при том, что везде старался оставаться собой, *не стараясь угодить*.

Отрадно и тепло было от того, что в Киеве жили мои выросшие и во многом родные друзья детства, давно любимые и потрясаяще интересные друзья родителей, которые принимали меня теперь в своих компаниях за равного, и — конечно же, в Городе происходили литературные ме-

роприятия, которые благодаря изначально знакомству с Евдокией Мироновной Ольшанской, легендарной Майей Марковной Потаповой, дружбе с уникальным киевским поэтом Василем Дроботом, замечательным писателем Алексеем Никитиным, бардами с изысканным литературным вкусом — Владимиром Семёновым и Инной Труфановой, а также многими другими талантливыми украинскими литераторами и художниками стали для меня необходимой сутью. В сравнении с весьма ограниченным, пусть и где-то похожим московским и ленинградским опытом, в киевской творческой среде мне значительно легче дышалось. Со временем пришло понимание того, — что город детства — навсегда мой Город, который многогранно мне необходим для ритма и дыхания.

Завершив в начале века контракт с британской юридической фирмой, был рад вернуться в давно ставший моим Чикаго. Промежуток приграничья, в котором фигурировало слово «Шереметьево», достаточно скоро испарился. Тамошнее нарастающее пренебрежение к канонам международного права во многом ограничило спрос западных компаний на американских и английских адвокатов. Да и вряд ли, в резко меняющемся мире, повторение подобного профессионального опыта заинтересовало бы меня вновь.

К тому времени не стало дорогих мне Сапгира и Нины Максимовны. Тяжело заболели и вскоре ушли Вознесенский и Витковский. Всё реже отвечал на звонки Дольский. Сгущались тучи политического мракобесия. Самые небезразличные из ещё остававшихся в России знакомых всё чаще стали приезжать в Америку. Некоторые из них благоразумно здесь оставались. Мне незачем стало там бывать. Но Киев при этом оставался для меня естественно необходимым. Там было отрадно останавливаться и за-

держиваться до и после посещений Израиля. Там жили близкие люди. Там стали регулярно выходить мои книги. Туда меня звали читать стихи. Там я не был чужим.

Только с каждым визитом, после Майдана и кражи у Украины Крыма, страна и её столица становились всё более печальней. В один из моих осенних приездов мы с Василем Дроботом вышли из здания Союза Писателей после нескольких литературных встреч. Не стали по обыкновению спускаться к Крещатику. Взяли в фургончике вкуснейший, заваренный «по-львовски» кофе и присели на бордюре улицы Институтской, где в стволах окрестных деревьев ещё оставались свежие следы от пуль времени расстрела Майдана. — Дыши этим воздухом глубже — сказал мне Василь. — Они не смирятся с тем, чтобы так просто дать нам жить свободными. Здесь будет большая война. Мы выстоим, и тогда ты приедешь снова. Но какое-то время не приезжай. Тебе здесь будет небезопасно, как, впрочем, и всем нам...

Война, увы, уже была в разгаре. Уже на то время в новейшей истории Украины случились страшные быль и боль Иловайска и Дебальцево, запеклась бурыми пятнами кровавой памяти героическая оборона Донецкого аэропорта «киборгами» — сводными отрядами украинских десантников, спецназа и добровольческих батальонов. — Видишь, какой у нас здесь теперь Израиль — сказал мне тогда мой добрый товарищ — киевский поэт Олег Максименко, недавно гостивший у друзей в кибуце на Голанских Высотах. Он позвал меня той осенью вместе с легендарными киевскими бардами Владимиром Семёновым и Инной Труфановой, с которыми мы до этого клали камни у Меноры в Бабьем Яре, выступить перед ранеными на Донбассе военными, волонтерами и персоналом в Центральном Военном Госпитале на Печерске.

Это было через несколько дней после разговора с Василем на Институтской. Мы шли туда, к госпиталю расположенному в старинной крепости со странным названием «Косой Капонир», запомнившимся ещё с Печерского детства. По дороге нам часто попадались молодые ребята и девушки в военной форме, некоторые с автоматами через плечо. — Ну чем не Тель-Авив или Хайфа? — вновь спросил меня Олег. И мне нечего было ответить, кроме как — храни вас Б-г...

Затем случились чудовищные для глобального восприятия нумерологии февраля 22-го и октября 23-го. Их не менее жуткие последствия множатся и этой весной 24-го, когда безотносительно, в Бремене и Киеве готовится к печати сборник стихов «Саганаж». Тот самый калейдоскоп происходящего ускорился многократно, не только по сравнению с началом века, но даже со времени упомянутых роковых дат. Невольно оставаясь в большей степени оптимистом, я, тем не менее, отнюдь не уверен, что, если несмотря на все печальные предпосылки нынешняя цивилизация продолжит существование, она не будет становиться всё более искусственной. В сфере интеллекта, постправды, эмпатии. Вероятность того, что станет совсем не до книг, вполне существует. Ещё и поэтому, подспудно существует желание понять, до них ли уже сейчас.

В моей личной, никому не навязываемой шкале ценностей не присутствует вина непосредственно языка за кровавые преступления тех, кто на этом языке отдаёт бесчеловечные распоряжения. Также, в этой же шкале отсутствует потребность огульно винить целые народы за то, что творят их кровожадные, потерявшие человеческий облик правители. Даже после Треблинки, Хиросимы и Бучи. Моя генетическая память осознаёт страшные последствия того, когда винят и стереотипно преследуют весь

народ. Легендарный, родившийся в Одессе теоретик и вдохновитель сионизма Зеев Жаботинский, лично знавший о нечеловеческих зверствах, подстрекаемых из дворцов Петербурга погромщиков, много и талантливо писал на русском языке. Уроженец Буковины, огромного, самобытного таланта еврейский поэт Пауль Целан, потерявший в нацистских лагерях смерти всю семью и чудом выживший в них сам, всю оставшуюся жизнь продолжал писать на немецком. Всемирно известный писатель Харуки Мураками, появившийся на свет в разгромленной американцами, союзнице гитлеровцев — Японии, всего через четыре года после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки — является искренним и убеждённым американофилом. Коренной киевлянин и потрясающий поэт Павел Рыцарь, пребывая в рядах действующей украинской армии, в самых горячих точках фронта с первого дня вторжения путинских орд в Украину, пишет стихи и на русском, и на украинском.

Правда, есть одна неоспоримая деталь — полное осознание и осуждение немецким и японским народами прежде немыслимых преступлений Второй Мировой, вершившимися от их имени... увы, пока не предполагает непременно подобного осознания у других народов, от имени которых творятся сегодняшние ужасающие преступления против человечности.

Опять же — безотносительно к вышесказанному, родившийся в Киеве американский автор русскоязычного поэтического сборника *«Саганаж»* органично осознаёт вероятность того, что в будущем в его сочинительстве стихов и в переходе к прозе какое-то время русский язык вполне вероятно может отсутствовать. Это не какой-то манифест, не громкая позиция или гневное заявление. Это не реакция, хотя в чём-то, наверное, подспудная солидар-

ность с тем, что многие талантливые литераторы в Украине сделали свой выбор и осознанно покинули творческое русскоязычное пространство после начала полномасштабной военной агрессии против их страны. Для меня, тем не менее, это скорее то, о чём писал известный космополит-шестидесятник, чудесный писатель, поэт и автор песен Булат Окуджава: *«...Каждый пишет, что он слышит/ Каждый слышит, как он дышит/ Как он дышит, так и пишет/ Не стараясь угодить...»*. Соответственно — это об уже упомянутых превалирующих в собственном автору приращении тех самых промежутках дыхания и сердечного ритма. Они давно уже скорее созвучны американскому английскому, а особенно в последнее десятилетие, всегда присутствующему в подсознании украинскому. И наверное, что, увы пока маловероятно в ближайшем будущем, но органично душевно желанными ивритом и идишом.

Моя искренняя и безмерная благодарность тем, без кого «Саганаж», скорее всего, ещё долго оставался бы в задумках и набросках: Борису Марковскому — главному редактору литературного журнала «Крещатик», на чьих страницах мне не раз посчастливилось публиковаться, и в литературной серии которого по любезному приглашению Бориса выходит эта книга; Олегу Никофу, замечательному киевскому поэту, издателю и единомышленнику, поддержавшему эту идею; Артуру Офенгейму, давнему другу, поэту, актёру, режиссёру и великолепному художнику, чья картина «Иллюзия» многогранно определяет содержание книги и украшает обложку; Иосифу Шацу, литературоведу и выдающемуся театральному режиссёру, написавшему необычное и очень точное предисловие к этому сборнику стихов; и особенно — Марине Тюриной Оберландер, моему дорогому другу, талантливому писателю и поэту, коллеге по редколлегии много значащего для нас обоих журнала,

без всесторонних, мудрых и грамотных советов которой на всех этапах подготовки рукописи к изданию «Саганаж» просто не представляется мне свершившимся.

А также, как говорят на Мидвесте *last, but not least*, моя особенная благодарность виртуальному литературному сообществу «Океанский Мост», которое неожиданно возникло в непредсказуемости пандемии и уже несколько лет помогает творческим единомышленникам по обе стороны Атлантики совладать с приграничем ирреальности происходящего на планете. Конечно же, благодарность моя многомерна и перечислить в этом кратком авторском очерке всех, кому я искренне признателен за то, что в промежутке всех этих семи лет продолжали появляться, читаться и публиковаться стихи, практически не представляется возможным. Я стараюсь и буду продолжать стараться делать это в личном общении с причастными. Неблагодарным никогда не был. В моей, опять же никому не навязываемой шкале ценностей, неблагодарность — нешуточный изъян...

Однажды, за несколько лет до безумного военного вторжения варваров с востока, в то лето, когда в Украине играть в футбол и оспаривать звание чемпиона континента собралась вся Европа, я в очередной раз прилетел в Киев. Не скрою — футбол, как и для любого киевлянина, чьё городское детство пришлось на эру Лобановского и Блохина, стал одной из основных мотиваций для приезда. Но также, тем летом в Киеве планировался выход моего небольшого сборника стихов, содержание и название которого — «Эффект Озера», пожалуй, самый киевский из всех современных писателей — Алексей Никитин — тонко охарактеризовал в предисловии как «*чикаго-центричный*».

В один из тех необыкновенных вечеров, кажется, между уже прошедшими полуфиналами чемпионата Европы,

но за несколько дней до финала, мы с Алексеем и моим одноклассником, поэтом Олегом Ошлянским решили съездить на день во Львов. Хотелось проверить гипотезу Андрея Макаревича о *вагонных спорах*, побродить улицами Фёдорова, Бальзака, Лема и Леца, добраться до Высокого Замка... Кроме того, два киевских литератора-интеллектуала были не прочь отведать истинного львовского кофе, а турист с Мидвеста жаждал увидеть, по какой улице его жена ходила в школу с первого по шестой класс. За утро, день и вечер во Львове намеченные планы были перевыполнены. В процессе заезжий американец, потрясённый романтической эклектикой Львова и найденной улицей Коперника, был посажен на тот самый истинный львовский кофе и вовлечён в интеллектуальную беседу о Декарте, которая активно продолжалась в обратном ночном поезде по пути в столицу.

В ретроспекции этот фрагмент подспудно стал изначальным промежутком приграничья, в котором отразились как иллинойские тропы Потаватоми, так и улицы Саганажа, Печерска, Подола, Сырца, Нивок и Голосеево. А ещё — в зале прилёта одного из чикагских аэропортов есть замечательная кофейня, вкус кофе в которой истинно львовский. Она называется «У Декарта». Именно там, после очередного недавнего возвращения домой на Мидвест, автор в целом завершил окончательную редакцию этой континентально-киевской, но похоже, всё же во многом *«чикаго-центричной»* книги.

*May-June, 2024,
Sauganash*

[Дополнительные материалы]

Гари Лайт
Биографическая справка

Гари Лайт — американский поэт из Чикаго, родившийся в Киеве, Украина, в 1967 году. С 1980 года живет в США. С отличием окончил Нортвестернский университет, где изучал политологию и литературоведение. Вскоре после этого, по окончании юридической магистратуры в Чикаго стал адвокатом и работает в области международной юриспруденции как в США, так и за рубежом. С 1993 года стихи Гари регулярно публикуются в литературных журналах и поэтических антологиях США, Канады, Израиля, Европы и Украины. Член Американского ПЕН-центра и Союза писателей Украины. Начиная с 1992 года были изданы более десяти поэтических книг Лайта. Его книга «Траектории Возвращений» была издана в США (Bagriy & Company, 2017) и в Украине (ИДБ, 2017) и была отмечена премией Союза писателей Украины имени Ушакова. Недавние сборник на английском языке под названием «Confluences» (Bagriy & Company, 2020; Kayala Publishing, 2020) и трёхязычная книга избранных стихотворений «Долоросо» (ВДОФ, 2022; Bagriy & Company-M-Graphics, 2023) были изданы как в Украине, так и в США, что становится уже традицией. Гари регулярно принимает участие в поэтических чтениях и других литературных мероприятиях по обе стороны Атлантики.

Библиография
изданных книг автора:

- Долоросо*, Киев, 2022, Chicago-Boston, 2023.
Confluences, Chicago, 2020; Kyiv, 2020.
Траектории возвращений, Чикаго, 2017; Киев, 2017.
Молекулы оттепели, совместно с Михайлом Мазелем, Нью-Йорк, 2017.
Переводы из Александра Кушнера, Нью-Йорк, 2015.
Траектории, Нью-Йорк, 2013.
Lake Effect, Киев, 2012, исправ. и дополнен. — *Эффект Озера, Чикаго*, 2013.
Возвращения, Киев, 2002, исправ. и дополнен. — Киев, 2005.
Третий, Philadelphia, 1995, исправ. и дополнен. — Москва, 1998.
Город, совместно с Мариной Гарбер, Киев, 1997.

Автор благодарен главредам и редколлегиям периодических литературных изданий *Крещатик*, *Новый Журнал*, *Слово-Word*, *Времена*, *Иерусалимский Журнал*, *Радуга*, *Этажи*, *Florida*, *45-я Параллель* и *Elegant New York*, где некоторая часть из стихов включенных в эту книгу была напечатана изначально.

Автор благодарит друзей и единомышленников по виртуальной площадке сообщества *Океанский Мост* с побережья озера Мичиган, берегов Днепра, Аяркона, Иордана, дельты Гудзона и Ист-Ривер, акватории Средиземного моря, а также по обе стороны Атлантического океана и американского берега Тихого — за их неизмеримое и столь необходимое присутствие в этой книге.

Благодарность за гостеприимство, творческую атмосферу и участие:

Україна:

Киевская Библиотека им. Леси Украинки, Шевченковского района, на Большой Житомирской;

Киевская Библиотека им. Гоголя, Голосеевского района на ул. Большой Васильковской;

Киевская Библиотека им. Трублаини, Печерского района, на Бульваре Марии Примаченко;

Киевский Дом Книги на ул. Павла Скоропадского;

Киевский Дом Актера;

Киевский Дом Учителя;

Галерея Высоцкий на киевской Воздвиженке;

и особенно: Киевскому Музею Михаила Булгакова на Андреевском Спуске;

Киевской Библиотеке им. Панча, Голосеевского района на ул. Большой Васильковской;

U.S.:

Terra Sounds (Glenview, Illinois — Chicago)

Bookends and Beginnings Reading Series

(Evanston, Illinois — Chicago)

Outdoor Café Reading Series (Chicago)

Beach Poets Reading Series (Chicago)

Gallery Cabaret Reading Series (Chicago)
City Lit Books Reading Series (Chicago)
The Book Cellar Reading Series (Chicago)
Highland Park Poetry Reading Series
(Highland Park, Illinois — Chicago)
Palm Beach Poetry Festival (Delray Beach, Florida)
City of Sunny Isles Public Library (SunnyIsles, Florida — Miami)
Samovar Literary Club (Manhattan, New York)
Shaloh House (Brighton, Massachusetts, Boston)
Toadstool Bookshop Reading Series (New Hampshire)
La Table de Sophie Reading Series (Los Angeles, California)
Бостонские Чтения (Boston, Massachusetts)
Тамза (San Diego, California)
Литературный Клуб Э. Фридмана (Philadelphia, Pennsylvania)
Литературный Клуб М. Блюмина (San Francisco, California)
Литературный Клуб Физиков и Лириков В. Штивельман
(Toronto, Canada)

«Осмыслить своё существование на разломе континентов, вер и отчизн — невероятно сложно. Связать вкус, стиль, остроту ощущения звукового пространства — доступно очень немногим... так я вижу поэзию Гари Лайта».

Дмитрий Кимельфельд (Иерусалим)

«...Слушая и читая Гари Лайта, я различал в его динамичных, часто ироничных текстах ноту печали, тень светлой грусти, то, без чего рифмованные строки не могут стать настоящими стихами. География стихов Гари обширна, но в его географической пунктуальности нет мелкого тщеславия “культурного путешественника”. Тут другое... Стремление к точке душевного равновесия. К тому единственному месту, где возможен покой. Покой, о котором некогда так тосковал другой киевлянин, также оставивший город, но для себя и для многих сделавший его Городом».

Алексей Никитин (Киев)

«Он говорит стихами с прошлым, настоящим и будущим, говорит честно, без претензий, с тайной печалью, в Зазеркалье своего времени, истинный киевлянин, с несколько изысканным почерком стихосложения...»

Василь Дробот (Киев)

«Гари — очень наш и очень американский. Необычное сочетание, которое, мне кажется, и определяет его индивидуальность, его умение несколькими штрихами создавать незабываемые поэтические образы».

Александр Володарский (Киев-Штутгарт)

«Несколько слов по прочтении Гари Лайта... Есть замечательная теория, созданная математиком Эвереттом. Суть её заключается в том, что ни одна возможность не исчезает... Мне кажется, что постоянная, неосознанная догадка о существовании «где-то там» ещё одного мира, отличающегося от нашего

осуществлением другого выбора, догадка о том, что Вселенная — вся Вселенная, названная Эвереттом «Мультиверсум», — именно такая смутная догадка является источником сплина, присущего Поэзии... Попытка выразить это ощущение с помощью поэтических образов. На мой взгляд, очень удачная попытка. Почувствовать, каково это: стоя на этом берегу реки, думать о другой стороне моста».

Даниэль Клугер (Реховот)

«Поэзия Гари Лайта необычна не столько формой строф, как их направленностью. Читатель поразится свету, его многочисленным, одновременным, прожекторным лучам, которыми автор талантливо выхватывает боль, грусть и сущность жизни. Эти стихи пронзительны образами, застывающими пятнами света в душе».

Саша Немировский (Сан-Франциско)

«Поэзия Гари Лайта не просто объёмна, она настолько хорошо знакома с пятым измерением, что легко выносит читателя за его пределы, в шестое, седьмое и Бог знает какое. Живые слова на вес, вкус, звук и запах, деликатно обнимают, обволакивают туманом, растворяют в сумерках и легко переносят из Города на Озере в Город на Днепре, из детства в зрелость, из реальности в мечту — и обратно. Но самое главное достоинство этих стихов в том, что они обладают особой магией — магией человечности».

Лия Чернякова (Милвоки)

«Лайт — отменный рассказчик. Перечень навыков его мастерства: остроумие, эрудиция, глубокие литературные и культурные ассоциации. Его стихи с их последовательностью событий читаются сравни длящейся новелле».

Женя Крейн (Бостон)

«У Гари Лайта три лингвистических ипостаси: он думает, говорит и пишет стихи на эмоционально родном украинском,

почти родном английском и, несмотря ни на что, изначально родном для него русском языке. Гари обладает умением находить единственно правильные, точные слова. Вероятно, владение тремя языками и умение писать стихи на всех трёх, предполагает такой поэтический класс. ...Именно так можно сказать о стихах Лайта — тонкого лирика, наделённого абсолютным поэтическим слухом».

Татьяна Шереметева (Нью-Йорк)

«Гари Лайт уникален тем, что представляет ту часть своего литературного поколения, которое выросло и возмужало в США. Поэзия Лайта — интеллигентная и добрая, обращающая на себя внимание. У него свой почерк — живой и тёплый».

Игорь Михалевич-Каплан (Филадельфия)

«Стихи Лайта динамичны и, несмотря на изысканность словаря, пластичны. Если сравнить его поэтическое творчество с другими видами искусства, то по романтичности он скорее близок к Шопену и Листу, а по философской насыщенности и глубине «обнажённых мыслей» — к Магритту... Девиз поэта — увидеть и передать, и Лайт неизменно следует ему... Будь то родной Киев или хорошо знакомая Москва, древний Иерусалим или приросший к сердцу Чикаго — в стихах Лайта они всегда немножко удивительны. Поэзия вновь оказывается ближе к жизненной правде, чем сама история».

Марина Гарбер (Люксембург)

«Гари Лайт — одарённый, состоявшийся поэт. В его стихах интеллектуальный накал ненавязчиво и гармонично сочетается с эмоциональной напряжённостью».

Людмила Штерн (Бостон — Майами)

«...поэт даёт себе право на естественное для поэта состояние: созерцание... где неважно, на каком языке... Где на языке души

говорят крыши домов, купола, небо, земля, мальчик, который там родился. Любым языкам, на которых разговаривают люди, можно научиться, что и сделал поэт весьма и весьма... И всё-таки основная стихия Гари — лирика. Почему «всё-таки» — ничего этому не противоречит. И доброта, и тепло, и осень за окном, и покой — людское дело. И живёт в нём — где-то в разделах памяти, совести и боли и сорок первый год, и Израиль, и Бабий Яр... И всё, что может поэт, — беречь это своей волей и теплом...»

Алина Литинская (Эванстон)

«Талант Гари Лайта мужал у меня на глазах и вопреки моим “заботливым” предостережениям. Его стихи полны ассоциаций и поэтому достаточно элитарны. Я бы сравнила его поэзию с пунктирной линией, где читателю предстоит восполнить недостающие звенья в своём воображении, но для этого необходима определённая интеллектуальная подготовка».

Белла Езерская (Нью-Йорк)

«Редкий дар Гари Лайта — неисчерпаемая на любовь душа. Он своей присяги на вражду и противостояние не даёт, просто не видит в них смысла... «Любви иммунитет» — это то, что отмечает его стихи и всё, что за ними... Вот этот прорыв в иное, не всем доступное измерение — единственное, из которого всё видно и всё правильно видно, — то, что определяет его поэтическое направление».

Ирина Ратушинская (Лондон)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иосиф Шаци. Пейзаж со спорной запятой</i>	5
--	---

I. Поезд уходит в днепровские дали

Саганаж	21
«Зимой високосного года претит...»	22
Предвзлётное	23
Несовершенство как таковое	24
Май. Эванстон. Альма-матер	25
De novo	26
Ладисполи VII	26
Ранне-весенний орегон	28
«Постоянное чувство отложенных дел...»	29
Пейзаж со спорной запятой	30
Посвящение сверстнику	31
Констатация	32
«Поезд уходит в днепровские дали...»	32
«Глаза Габриэля Гарсия Маркеса...»	33
«У кота Иннокентия множество дел...»	34
Вселенский декабрь	35
Олдсмобили	36
«Иллюзии уходят, как листва...»	37
«Несовершенство как пароль...»	38
Ки Вест IV	39
Летаргия	39
Долоросо	41
«Улица Анны Ахматовой...»	42
«НАТО захочет в небесную Украину...»	42
Март. Сон	44
«Сегодня в Эванстоне джаз...»	45
«Пришла пора глобальных катастроф...»	47

II. Несовпадение во времени

Поколенческое.....	53
Расклад.....	54
Монолог пчеловода.....	55
Сонет завершений апреля	56
Lower urper.....	56
«Тысячелетье на дворе...»	57
Завершение сезона.....	58
Турбулентность	59
«Мы порой надоедаем вещам...»	60
Стороннее.....	60
Ретроспектива	61
Ладисполи VI — адажио.....	62
Выход в осень	63
«Вкрапление осени в Саганаж...»	64
«Я вышел из Египта налегке...»	65
Високосное.....	66
Предчувствие прозы	66
Эклога	67
Неспешность-неведение-подлинность.....	68
«В канун ангины на Печерске...».....	70
«Нас становится всё меньше...»	70
Изъян	72
Река Олета.....	73
Этюд.....	74
Летки. Быль.....	75
Аллегория.....	77
На улице Маккейна	79

III. Диорама

Сиреневый сонет.....	83
Заклинание.....	83
Синопсис сериала.....	84
«Прикосновенен ли запас...»	84
Относительность.....	85
Вариант.....	86
Жёстко-сравнительное.....	87

«В лавке жены алхимика...»	88
Кинотеатр «400».....	89
«К Офелии, не Констанции...».....	90
Поколенческое II	91
Рефлексия.....	91
Дар провидения	92
«...як звали котика Максима?..»	93
«Три сезона “Фауды”»,.....	93
Манхеттенское	94
Семидесятническое	95
Ладисполи VIII.....	96
Прошлое	97
Рецепт достижения совершенства	98
В предвоенном межсезонье	98
Предзимье.....	100
Вердикт.....	101
Диорама	102
Семидесятническое II.....	103
Январь-2000-сюжет	104
Контекст.....	106
Инструкция.....	106
Короткометражное	107

IV. Эффект неприсутствия

«Бывают в апреле бинарные дни...»	111
«Подмена пониманий и основ...»	111
«Поэт на войне видит много бездомных котов и цветы...»	112
«В доме у Эдгара Эллена...»	113
«Америку любить учили все...».....	113
Сужение сюжета.....	114
Предвидение.....	115
Польское.....	116
«Совсем не по поводу книжных в Пассаже...»	117
Игрушечный поезд.....	118
Прозрение	119
«Эмоции, которых больше нет...»	120
Параллельная горечь.....	120
Сан-Диего.....	121

Несовершенство	122
Сравнительный июль.....	123
Вывод.....	124
Наблюдательное.....	124
В формате сна.....	125
Фронтовику-сверстнику.....	126
Семидесятническое III	127
«Был Монреальский кинофестиваль...»	128
Восьмидесятые — несбыточность.....	130
Эффект неприятия.....	131
Инако.....	132
Басня.....	132
Альтернативы.....	133

V. Всплески неба, свет прибоя

Исповедимости.....	137
Построждественский несонет	138
«В полнолуние кажется...»	138
Одноклассное	140
«Air Berlin» — Белый Бим.....	141
Простая истина.....	142
Относительность.....	143
Реминисценция #3.....	143
Между первой и второй.....	144
Провансальский диссонанс.....	146
Ки вест III.....	146
«Покуда зной определяет явь...».....	148
«Пасмурное море в ранних сумерках...»	148
«В Конфедерации настали времена...»	149
Луна.....	150
«Яркий промельк — Каролино-Бугаз...»	151
«В дождях над океаном у любви...»	152
Остров Виктория	152
Этническое.....	153
Ки Вест IV.....	154
«Всплески неба, свет прибоя...»	154
Мидвест	155
Восьмой, предосенний... ..	156

«В стиле фильма “Кентавры” — сериал НТВ...»	157
Семидесятичное III	158
Ремесленное	158
«Сон арьергарда августа. Нью-Йорк...»	159
«Путём взаимной переписки...»	161

VI. Перехлёт

«В примичиганских дюнах напролёт...»	165
Сонет бесснежного полнолуния	166
Десятое сентября две тысячи первого	166
«Горящих рукописей дым...»	167
Место частых совпадений	168
«Бывает — нужно просто переждать...»	168
«Кроме кошек, глинтвейна, камина...»	169
Отождествлённая печальная картина	170
«Мессинг боялся замкнутых пространств...»	171
«В лузу луну, пожалуй на раз-два-три...»	171
Пандемическое	172
«Это было так давно...»	173
Апрельское-високосное	174
Рваная амплитуда	174
«С былым-грядущим, главным по защите...»	175
Памяти Василя Дробота	176
Лето. 70-е, IV. Контуры позднего детства	179
«В рамке странной малахита...»	180
Этюд завершения века	181
Пражанка Милена. Август 1968. Кинофрагмент	182
«Кортасар вслух, аскеза сентября...»	183
Перехлёт	183
«Знобит не от того, что перепад...»	184
«Диего Армандо — не был командным...»	185
«Штормило в городе, снаружи и внутри...»	185
Тенденция	186
Мистика срединных девяностых	187

VII. Обетованный блюз

Предновогодняя лирика	191
«Погода в Вифлееме не ахти...»	192
Посвящение киевскому поэту	192

Ноябрь	193
«Суть через запятые, впопыхах...»	194
Полустанок Forest Glen	195
«Несовпадение во времени...»	196
«Видение у моря в январе...»	197
«Что значит в жизни кошки человек...»	198
Февральская полуэлегия	198
Реминисценция #2.....	199
«Время истины Босха...».....	200
Симбиоз	201
Ладисполи IV — предотлётные дни	202
Послесловие	204
Кредо	204
Экспатское.....	206
Февральское.....	207
«А ведь прилетит — не кометой...»	208
Ранний трансатлантический	209
«Гладиатор здесь проездом...»	210
Обетованный блюз.....	210
Над Саванной.....	211
«У светлых дней — изысканный посыл...»	212
Назначение	213
«Четвёртый по счёту, в начале — январен...»	214
Промежуток приграничья. <i>Авторское послесловие</i>	215
[Дополнительные материалы]	233

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Гарн Лайт
САГАНАЖ
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16, Наклад 150 прим. Зам. №9831
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 15,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 28.06.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари,
б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ГАРИ ЛАЙТ — американский поэт из Чикаго, родившийся в Киеве, Украина, в 1967 году. С 1980 года живет в США. С отличием окончил Нортвестернский университет, где изучал политологию и литературоведение. По окончании юридической магистратуры в Чикаго стал адвокатом и работает в области международной юриспруденции как в США, так и за рубежом. С 1993 года стихи Гари регулярно публикуются в литературных журналах и поэтических антологиях США, Канады, Израиля, Европы и Украины. Член Американского ПЕН-центра и Союза писателей Украины. Начиная с 1992 года были изданы более десяти поэтических книг Лайта. В 2017 году его книга «Траектории Возвращений» одновременно вышла в издательствах США и Украины и была отмечена премией Союза Писателей Украины имени Ушакова. Гари регулярно принимает участие в поэтических чтениях и других литературных мероприятиях по обе стороны Атлантики.

ДРУКАРЕВСКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 169831